

ГЕОРГИЙ
СВИРИДОВ

РИНГ
ЗА КОЛЮЧЕЙ
ПРОВОЛОКОЙ

Повесть написана на основе фактического материала. Имена героев, за исключением отдельных второстепенных собирательных персонажей, подлинны. Автор позволил себе лишь некоторые события перенести по времени и месту действия.

ГЕОРГИЙ
СВИРИДОВ

**Ринг
за колючей
проволокой**
(ГЕРОИ БУХЕНВАЛЬДА)
2^е издание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ"
МОСКВА - 1963

часть
ПЕРВАЯ

«Люди, на одну минуту встаньте,
Слушайте, слушайте!» —
Летит со всех сторон.
Это раздается в Бухенвальде
Погребальный звон...

(из песни)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Майор СС доктор Адольф Говен пригласил маленькой ладонью напояженные светло-каштановые волосы, одернул френч и шагнул в приемную коменданта концентрационного лагеря Бухенвальд. Нижние чины дружно вскочили и вытянулись. Майор небрежным кивком ответил на приветствия и прошел к столу адъютанта. Адъютант, давно выросший из лейтенантского возраста, но все еще носивший погоны унтерштурмфюрера, тридцатипятилетний Ганс Бунгеллер, окинул майора равнодушным взглядом и подчеркнуто вежливо предложил подождать.

— Полковник занят, герр майор.

И, давая понять, что разговор окончен, повернулся к

Густу — гладко выбритому, пышущему здоровьем старшему лейтенанту СС.

Майор надменно прошелся по широкой приемной, повесил фуражку, уселся в кресло у раскрытого окна, достал золотой портсигар и закурил.

Адъютант что-то говорил Густу и коснулся в зеркало, висевшее на противоположной стене. Майор видел, что унтерштурмфюрер занят не столько беседой, сколько прической. Бунгеллер гордился тем, что имел какое-то сходство с Гитлером, и постоянно заботился о своей внешности. Усы красил два раза в неделю. Блестящие от бриллиантных волосы ежминутно укладывал. Но жесткий чуб не лежал на лбу, как у фюрера, а торчал козырьком.

Говен презирал Бунгеллера. Крестин в офицерской форме! В таком возрасте мужчины даже средних способностей становятся капитанами.

Доктор устроился в кресле поудобнее. Что ж, подождем. Год назад, когда работы в Гигиеническом институте, начальником которого является он, майор Говен, только налаживался, когда из Берлина одна за другой поступали угрожающие телеграммы, требовавшие скорейшего расширения производства противотифозной сыворотки, и вызов к коменданту не предвещал ничего радостного, тогда адъютант Ганс Бунгеллер встречал доктора любезной улыбкой и вне всякой очереди пропускал к полковнику. А теперь... Успех всегда вызывает зависть, думал Говен, и тем более, если этому успеху способствует женщина, да еще такая, как фрау Эльза. Жена полковника относилась к нему благосклонно, это знали все, что же касается Говена, то он был к ней неравнодушен. И не только он. Во всей дивизии СС «Мертвая голова», несшей охрану концлагеря, не было немца, который при встрече с хозяйкой Бухенвальда не терял бы самообладания. И эта капризная властительница мужских сердец все время что-то выдумывала и повелевала. По прихоти фрау Эльзы тысячи узников за несколько месяцев соорудили для нее манеж. Вскоре ей наскучило гарцевать на жеребце в костюме амазонки. Появилось новое увлечение. Эльза решила стать законодательницей мод. Она увидела на заключенных татунровку, и ей пришлось в голову сделать уникальные перчатки и сумочку. Такие, чтоб ни у кого в целом мире! Из татунрованной человеческой кожи. Майор Говен, не содрогнувшись, взял-

ся осуществить дику фантазию взбалмошной хозяйки Бухенвальда. Под его руководством доктор Вагнер изготовил первую дамскую сумочку и перчатки. И что же? Новинка понравилась! Жены некоторых важных чиновников желали иметь точно такие же. Заказы на сумочки, перчатки, абажуры, обложки для книг стали поступать даже из Берлина. Пришлось в патологическом отделении открывать секретную мастерскую. Покровительство фрау Эльзы возвысило и упрочило положение майора. Он стал свободно и почти независимо держаться перед комендантом Бухенвальда, полковником СС Карлом Кохом, который имел прямую телефонную связь с канцелярией самого рейхскомиссара Гиммлера. Имя Коха приводило в трепет всю Тюрингию, а он сам трепетал перед своей женой.

Майор перевел взгляд на Густа — и профессиональным глазом врача прощупал тугие мышцы треугольной спины, тренированные бицепсы старшего лейтенанта, его мускулистую шею, на которой гордо держалась светловолосая голова. Густ рассеянно слушал адъютанта и лениво постукивал гибким прозрачным стеклом по лакированному голенищу. И при каждом движении правой руки на мизинце сверкал черный бриллиант. Говен знал цену драгоценностям. Мальчишка! Ограбил и хвастается. Щенок!

Говен взглянул на часы — уже пятнадцать минут он ждет приема. Кто же сидит так долго у полковника? Уж не начальник ли гестапо Ле-Клайре? Если он, то, черт возьми, просидишь еще час.

Доктор стал смотреть в окно. По солнечной стороне мощеной белым камнем дороги прогуливается лагерфюрер капитан СС Макс Шуберт. Он расстегнул пуговицы мундира и сиял фуражку. Лысина блестит на солнце, как бильярдный шар. Рядом, чуть нагнув голову, шагает рослый рыжий лейтенант СС Вальпиер. Он выпячивает грудь, на которой поблескивает новенький железный крест первого класса.

Говен усмехнулся. Таким крестом награждают фронтовиков за военные заслуги, а Вальпиер заработал его в Бухенвальде, сражаясь палкой и кулаками с беззащитными пленниками.

Шуберт остановился и кого-то поманил пальцем. Говен увидел старика в полосатой одежде политзаключен-

ного, подобострастно изогнувшегося перед лагерфюрером. Это был Кушиир-Кушнарев. Доктор терпеть не мог этого наемного провокатора с дряблым лицом и мутными глазами наркомана. Говен знал, что Кушиир-Кушнарев был царским генералом и занимал пост товарища министра в правительстве Керейского. Выброшенный Октябрьской революцией, он бежал в Германию, где промотал остатки состояния, опустился, служил швейцаром в известном публичном доме, был куплен английской разведкой и схвачен гестаповцами. В Бухенвальде он вел жалкую жизнь до войны с советской Россией. Когда в концлагерь начали поступать советские военнопленные, бывший генерал стал переводчиком, а затем, проявив усердие, сделался провокатором.

Кушиир-Кушнарев протянул Шуберту какую-то бумажку. Говен, заметив это, прислушался к разговору, происходившему за окном.

— Здесь их пятьдесят четыре, — сказал Кушиир-Кушнарев. — На каждого есть материал.

Лагерфюрер пробежал глазами список и передал его Вальпиеру.

— Вот вам еще одна штрафная команда. Надеюсь, больше недели не просуществует.

Лейтенант спрятал бумагу.

— Будет исполнено!

Шуберт повернулся к агенту.

— Господи бывший генерал, — голос лагерфюрера звучал угрожающе, — для чего мы вытащили вас из барака? Неужели там вам больше нравилось? Ответьте!

— Никак нет, герр капитан, — удивлению заморгал глазами Кушиир-Кушнарев.

— Тогда скажите, для чего вы прибыли сюда? Бухенвальд не дом отдыха. Мы вами недовольны. Вы плохо работаете.

— Я стараюсь, герр капитан.

— Стараетесь? Ха-ха-ха... — Шуберт рассмеялся. — Вы в самом деле считаете, что стараетесь?

— Так точно, герр капитан.

— Не вижу. Сколько в последней партии русских вы опознали коммунистов и командиров? Десять? Что-то слишком мало.

— Вы сами были свидетелем, герр капитан.

— В том-то и дело. Ни я, ни кто другой вам не поверит, что из пятисот пленных только десять коммунистов и командиров. Никто! Я на этот раз прощаю вам, но в будущем учтите. Если все мы будем работать так же, как вы, то и за сто лет нам не очистить Европу от красной заразы. Понятно?

— Так точно, герр капитан.

— А за сегодняшний список получите вознаграждение отдельно.

— Рад стараться, герр капитан.

Майор смотрел на лысину Шуберта, на его широкий зад и тонкие ноги. Тряпка! Офицер СС — личных охраняемых отрядов фюрера, — капитан дивизии «Мертвая голова», дивизии, в которую мечтают попасть десятки тысяч чистокровнейших арийцев, ведет себя хуже рядового полицейского, исходит до беседы с грязными провокаторами, да еще либеральничает с ними. Майор Говен считал всех изменников и перебежчиков, так же как и евреев, открытыми врагами Великой Германии. Он им не доверял. Он был твердо убежден в том, что человек, струсивший однажды и ради личного благополучия изменивший своей родине или нации, может предать во второй и в третий раз. У таких в крови живут и размножаются бактерии трусости и предательства.

По аллее протопали три эсэсовца: начальник крематория старший фельдфебель Гельбиг и два его помощника — главный палач Берк и гориллообразный великан Вилли. О последнем Говену рассказывали, что он когда-то, будучи боксером-профессионалом, возглавлял банду рецидивистов. Гельбиг шел грузно, широко расставляя ноги, и нес, прижимая к животу, небольшой ящик. В глазах майора Говена мелькнул алчный огонек. Говен, черт возьми, знал о содержании ящика. Там драгоценности. Те, что заключенные утаили при обысках. Но от арийца ничего не скроешь. После сжигания трупов пепел просеивают. Выгодное занятие у Гельбига! По его округлившемуся лицу видно, что не напрасно он променял почетную должность начальника оружейного склада на далеко не почетную работу заведующего крематорием и складом мертвецов...

Дверь, ведущая в кабинет коменданта, наконец, с шумом распахнулась. Показалась фрау Эльза. Ее огненно-желтые волосы вспыхивали в лучах солнца. Мужчины

как по команде встали. Густ, опережая других, поспешил навстречу фрау. Она протянула лейтенанту руку, открытую до локтя. На запястье сверкал и переливался всеми цветами радуги широкий браслет с алмазами и рубинами. Тонкие розовые пальцы были унизаны массивными кольцами. Густ галантно расшаркался, поцеловал протянутую руку и хотел что-то сказать. Видимо, новый комплимент. Но взгляд хозяйки Бухеивальда заскользил по лицам присутствующих и остановился на майоре Говене.

— Доктор! Вы, как всегда, легки на помине...

У майора, сорокалетнего холостяка, знавшего толк в женщинах, кровь отхлынула от лица. Фрау Эльза приближалась к нему. Он видел бедра, схваченные коротким куском тонкой английской шерсти. При каждом шаге фрау Эльзы они покачивались, как у египетской танцовщицы. Майор почти физически чувствовал их упругость. Не отрываясь, скользнул вверх, обнял взглядом узкую осиную талию, высокую грудь.

— Вы, как всегда, легки на помине,— продолжала фрау Эльза,— я должна вас поблагодарить, дорогой доктор. Последняя партия имеет необычайный успех!

Ноздри доктора Говена вздрагивали. Подавшись вперед, он слушал, отвечал и — смотрел, смотрел в глаза женщины, которые магнетизировали, притягивали, обещали.

Фрау Эльза удалилась, оставив после себя тонкий аромат парижских духов. В приемной воцарилась тишина.

Майор Говен снова опустился в кресло и, приняв каменное выражение лица, мысленно возвратился к разговору с женой коменданта. Он, вспоминая каждое слово, каждую произнесенную ею фразу, обдумывал их, осмысливал, стараясь узнать больше, чем они значили на самом деле. Путь к сердцу женщины иногда лежит через ее увлечения. В этом он убеждался не раз. А фрау Эльза увлекалась. Пусть сейчас сумочками. Она даже сама, именно сама, подготовила эскизы новых моделей. Прекрасно! Ради такой женщины можно, черт возьми, повозиться! В этом тухлом лагере одно ее присутствие снова делает доктора мужчиной. Кстати, фрау Эльза изъявила желание лично подобрать материал для будущих сумочек и абажуров. Надо не зевать. Завтра же он

прикажет организовать внеочередной медицинский осмотр заключенных. В любви, как в охоте, важно поймать момент!

Когда майора Адольфа Говена пригласили к полковнику, он направился в кабинет, сохраняя достоинство и уверенность. Проходя мимо адъютанта, он не посмотрел на него и лишь краем глаза поймал на лице Ганса Бунгеллера язвительную улыбку. Занятый своими мыслями, майор не обратил на нее внимания. А жаль. Лицо адъютанта лучше барометра говорило о «погоде» в кабинете полковника.

Комендант концентрационного лагеря Бухенвальд штандартенфюрер Карл Кох восседал за массивным письменным столом из черного дуба, покрытым зеленым сукном. За его спиной в золоченой раме висел огромный портрет Гитлера. На столе, рядом с бронзовым письменным прибором, на круглой металлической подставке стояла небольшая, величиной с кулак, человеческая голова. Она была уменьшена специальной обработкой. Говен даже знал того, кому она принадлежала. Его звали Шнейгель. Он был убит в прошлом году за то, что дважды пожаловался коменданту на лагерные порядки. Кох раздраженно сказал ему: «Какого черта вы лезете мне на глаза? Вам нравится торчать передо мной? Я могу вам помочь в этом!» И через месяц высушенная голова узника стала украшать кабинет полковника дивизии СС «Мертвая голова».

Откинувшись на спинку кресла, полковник СС Карл Кох уставился на майора оловянным взглядом и не ответил на приветствие. Говен сделал вид, что не замечает этого, и любезно улыбнулся.

— Герр полковник, вы меня звали? Я рад встретиться с вами.

Землистое лицо Коха оставалось непроницаемым. Тонкие бескровные губы были плотно сжаты. Он снова ничего не ответил.

Майор, продолжая улыбаться, прошел к креслу, стоявшему сбоку стола, и, как обычно, не ожидая приглашения, сел.

— Разрешите закурить, герр полковник? Прошу вас. Гаванские сигары.

Ответом было по-прежнему молчание. Говен, под впечатлением разговора с фрау Эльзой, по-новому смот-

рел на сухое землистое лицо полковника, видел под глазами мешки, которые свидетельствовали о бессонных ночах, узкую грудь, тонкие руки. Полковник, подумал он, плохая пара такой цветущей и, по всем приметам, темпераментной женщине, как его супруга. И усмехнулся.

— Я вас слушаю, герр полковник.

В глазах Коха сверкнула молния:

— Встать!

Майор, словно подброшенный пружиной, вскочил на ноги.

— Как вы стоите перед старшим начальником? Может быть, вас не учили этому?

Говен, мысленно ругнувшись, вытянулся по швам. Он видел перед собой не начальника, а ревнивого мужа. Неужели, черт возьми, полковник что-нибудь заметил?

— Доктор Говен! Я вас не звал,—выкрикнул Кох скрипучим голосом.— И встреча с вами мне не приносит радости!

Говен пожал плечами.

— Я не звал доктора Говена,—продолжал Кох,— я вызывал майора СС Адольфа Говена! Я хочу знать, до каких пор будет это продолжаться? Вам что, надоело носить погоны майора?

У Говена побелели щеки. Он насторожился. Дело принимало неожиданный оборот.

Полковник замолчал. Неторопливо достав ключи, он открыл ящик стола. Майор напряженно следил за каждым движением коменданта. Кох вынул из ящика большой голубой пакет. Говен заметил государственный герб, гриф «совершенно секретно» и штамп имперской канцелярии. У него стало сухо во рту.

Кох вытащил сложенную вдвое бумагу и бросил ее Говену.

Майор Говен развернул лист, быстро пробежал глазами текст и ужаснулся. На лбу выступила холодная испарина.

— Читайте вслух,—приказал комендант.

Берлинское начальство объявило главному врачу Гигиенического института концлагеря Бухенвальд выговор за «политическую близорукость» и в категорической форме предлагало «немедленно прекратить производство противотифозной сыворотки из еврейской крови».

Когда майор кончил читать, у него закололо в груди.

Он, инициатор производства противотифозной сыворотки из жидовской крови, черт возьми, повинен в том, что миллиону немецких солдат, чистейшим арийцам, представителям высшей расы, влили вместе с сывороткой кровь поганных евреев...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Поезд, громыхая на стрелках, уходит все дальше и дальше на запад. Старые товарные вагоны наглухо забиты, опутаны сетью колючей проволоки. По ней пропущен электрический ток. На первом и последнем вагонах — прожекторы и пулеметы. Около них немцы — солдаты полка специального назначения. Они рады тому, что едут домой, в Германию, подальше от проклятого Восточного фронта, и добросовестно охраняют эшелон.

В пятом вагоне, так же как и в остальных, — около сотни изнуренных голодом и побоями советских людей. Это раненые солдаты и матросы, плененные партизаны и мирные жители, взятые гестаповцами. Больные и раненые стонут; мечутся в бреду, просят пить. Над открытыми гноящимися ранами носятся мухи.

И, как ни странно, в этой страшной обстановке поют. Поют вполголоса. Поет и старый одессит учитель географии Соломон Исаакович Пельцер. Лицо его осунулось, небритые щеки обвисли. Он поглядывает на окружающих грустными карими глазами и улыбается как-то по-детски застенчиво. Гестаповцы схватили его на толкучке во время облавы. Он пришел обменять карманные серебряные часы на еду для больной жены. В гестапо его ни о чем не спрашивали. Его били, били жестоко только за то, что он еврей. А после, очутившись на цементном полу камеры, старый учитель понял, что больше не существует ни его дома, ни его семьи, что жизнь его отнята, задущена, как тот худосочный цыпленок, которого вырвал у него из рук рыжий гестаповец.

Пельцер сидит согнувшись, поджав под себя ноги, и в такт песни взмахивает рукой. Вокруг него сидят и лежат такие же небритые, худые и поют:

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут — она зарыдает...

Узколицый солдат, с крючковатым носом, приподнимается с полу.

— Замолчите, кукушкин чертов! И без вас на душе мутно!

— Не шуми, братишка,— обрывает его молодой матрос в порванной тельняшке,— пусть поют! С песней-то вроде легче.

— Пойте,— кричит один из раненых, придерживая забинтованную грязным тряпьем руку,— слушаешь и боль утихает. Не дергает. Пойте, ребята!

На верхних нарах, повернувшись к стене, молча лежит Андрей Бурзенко. На молодом загорелом лице резко обозначились скулы. У него чуть курносый нос, упрямый крутой подбородок и юношеские полные губы. Положив под щеку крупный, как булыжник, кулак, Андрей смотрел прямо перед собой на доски вагонной стены. Они однообразно поскрипывали...

Рядом с Андреем на нарах лежит его друг туркмен. Он бредит. Лицо почернело, глаза ввалились. Пересохшие губы обметал темный налет.

— Воды... воды...

У Бурзенко сердце сжимается от боли. Он поднимается и садится рядом, расстегивает на груди друга грязную, огрубевшую от пота гимнастерку. Не хочется верить, что Усман доживает последние дни. У него уже два раза шла горлом кровь... Андрей рукавом рубахи вытирает мокрый лоб Усмана. Сволочи, что они с ним сделали!..

— Усман, Усман... очнись,— Бурзенко почти кричит в ухо друга.— Это я — Андрей! Андрей...

Широко открытые глаза в пелене тумана. Усман вторые сутки не приходит в себя.

— Усман, крепись... крепись! Мы еще повоюем. Мы им покажем. Слышишь? За все, за все! Ты только крепись!

— Воды...— хрипит туркмен,— воды...

Андрей закусил губу. Воды! Люди только и мечтают о ней. Хотя бы один глоток. Узколицый солдат с крючковатым носом, тот, что кричал на поющих, нагнулся к обнаженной спине соседа и лизнул крупные капли пота. Сморщился. Но капли влаги все же тянули к себе.

Около Усмана лежит бородатый пожилой солдат. Он приподнимается на локтях и смотрит в глаза Андрею:

— Ежели ты дотянешь, сынок, запомни: нас везут из

Днепропетровска. Сегодня, считай, двенадцатый день в дороге...

Андрей кивает головой. Два дня назад, когда в Дрездене его вместе с Усманом и подполковником Смирновым толкнули в вагон, бородатый подвинулся, уступая место:

— Ложь его сюда, сынок...

Андрей осторожно положил измученного в дрезденском гестапо на грязные нары. Суровый подполковник снял свою тужурку и положил под голову туркмена. Потом вытащил из кармана завернутый в бумагу маленький кусочек шоколада.

Пленинки голодными взглядами следили за Смирновым. Он протянул шоколад Андрею:

— Дай больному.

Усман выплюнул шоколад. Ему хотелось пить.

— У кого есть вода? — спросил подполковник.

— Мы пятый день вот так, без воды, — ответил бородатый.

— Сгубят нас, подлюги, — уколочный солдат выругался. — Сначала хоть по кружке на брата давали. И хлеба — буханку на восьмерых. Неужто так и заморят?

Двери вагона закрыты, окна наглухо забиты. От крыши и стен, нагретых июльским солнцем, пышет жаром. Дышать нечем. Люди задыхаются. Двое смельчаков пытались отбить доску на маленьком окошке. Их наповал срезали автоматчики. К этим двум прибавилось еще семь — шестеро не вынесли мучений, а седьмого... Седьмой был из Ростова, ювелир. Крепкий сорокалетний мужчина с проседью в темных волосах. Он сошел с ума. На поднятый им шум прибежали охранники. Не открывая двери, унтер отказался изолировать больного.

— Хотя все подохните. Я отвечаю за вас поштучно.

Веревки, чтоб связать сумасшедшего, не нашлось. Он кричал, бил окружающих, кусался. В течение суток держали его по очереди, а потом измучились... Несчастного пришлось прикончить. Трупы выбрасывать охрана не разрешила, и их положили под нижние нары к передней стенке. Они начали разлагаться...

Дверь вагона была закрыта не совсем плотно. Из узкой щели врывалась живительная струя свежего воздуха. До появления в вагоне подполковника Смирнова щелью

безраздельно владел москвич Сашка Пековский, бывший физкультурный работник. Скрываясь от мобилизации, он махнул в Среднюю Азию и в одном из небольших городов Ферганской долины устроился в военное училище, надеясь проучиться до окончания войны. Однако училище расформировали и в полном составе направили на Сталинградский фронт. В первом же бою Сашка сдался в плен. Немцы направили его во власовскую армию. Но Сашка вообще не хотел воевать. Напившись, он избил офицера. Военный суд заменил расстрел пожизненным заключением.

Подполковник сразу же вмешался в жизнь вагона. Он подошел к Пековскому, который, стоя у щели, жадно втягивал воздух. Весь его вид говорил, что он никому не уступит своего места.

Смиров положил руку на плечо Сашки:

— Ну-ка, земляк, помоги раненых тут устроить.

Пековский мгновенно обернулся. Зеленые, как у кошки, глаза Сашки злобно блеснули:

— А ты откуда такой выискался?

На них смотрели. Подполковник смерил Пековского взглядом с ног до головы.

— Отойти от щели.

Внимание Андрея, как и других узников, сосредоточилось на Иване Ивановиче Смирове. Там, на вокзале в Дрездене, в предрасветных сумерках, он не имел возможности присмотреться к старшему товарищу по армии. Подполковника привели на вокзал под сильным конвоем. Конвоиры были в штатском. И только здесь, в вагоне, Андрей увидел, что это за человек. От него, жилистого, подтянутого, с решительными командирскими жестами, веяло силой и волей. На небритом лице из-под лохматых, вздыбленных к вискам бровей сурово светились карие глаза. В спокойном голосе звучали властные нотки.

— Приказываю отойти от щели!

— Приказывает! — Сашка оскалился. — Отошло ваше времечко, товарищ командир. Теперь немцы приказывают.

Андрей соскочил с нара и, выбирая дорогу меж лежащими на полу людьми, решительно направился к спорящим. У Сашки забежали зрачки. Он искал глазами Костю-моряка. В дороге они сдружились, и Сашка рас-

считывал на его поддержку. Костя Сапрыкии в полосатой рваной тельняшке, под которой вырисовывались бугристые мышцы, уже торопливо пробирался к ним. В вагоне выжидающе притихли. Сашка, чуя подмогу, выругался и добавил:

— Через мой труп!

Но Сашка ошибся. Костя собрал на его груди сорочку:

— Командир дело говорит. Хватит, отшвартовывайся.

Пековский привык уважать силу. Он съежился и заморгал глазами:

— Да я что? Ничего. Всегда пожалуйста...

Больных и раненых уложили на лучшие места. Ивану Ивановичу достали старые с облезшей никелировкой карманные часы. По этим часам он строго следил за очередью у щели. Каждый мог пользоваться ею не более шести минут.

... Андрей посмотрел вниз. Вцепившись узловатыми пальцами в доски двери, к щели приник Костя. Андрей уже знал, что этот матрос был в числе тех геронческих защитников Севастополя, которые прикрывали отход последнего катера. Он попал в плен, бежал из концлагеря, сражался в партизанском отряде.

Когда два дня назад узники услышали от охранников страшное слово Бухенвальд и поняли, что их везут в этот чудовищный лагерь смерти, Костя Сапрыкии спросил у старого географа:

— А где этот чертов лагерь?

— Почти в самом центре Германии. Возле города Веймар.

— Эх, каким дураком я был в школе! — вздохнул матрос. Зря немецкий язык не учил. Как бы мне он пригодился!

— Зачем? — спросил веснушчатый солдат. — Умирать можно и так.

— Умирать, братишка, я не собираюсь. А вот как махану из лагеря, то зазря попасться смогу. Как дорогу спрашивать буду? По-русски?

Уверенность Кости в себе, уверенность его в том, что он вырвется из лап фашистов, отзывалась в сердце каждого пленника, разжигала искорку надежды...

Сапрыкину было пора уступать место у щели. Еще

несколько секунд. Он теснее прижался небритой щекой к дверн.

Воздух... Воздух...

Андрей Бурзенко представил себе, как лицо обдувает прохладная ласкающая упругая струя. Ее можно вдыхать, пить, глотать. И с каждым вдохом она приносит жизнь, вливает бодрость, силу, энергию.

Бурзенко уселся поудобнее, вытянув затекшие ноги, и прилѳбился спиной к теплым доскам вагона. Поезд, ритмично постукивая колесами на рельсовых стыках, уходил все дальше и дальше на запад, а мысли Андрея устремлялись назад, на восток, возвращались к недавнему, но уже ставшему далеким прошлому...

Он сидит в углу ринга, откинувшись на жесткую подушку. За спиной — два раунда напряженного боя. Тренер Сергей Львович энергично обмахивает Андрея белым мохнатым полотенцем. Его взмахи совпадают с ритмом дыхания боксера. Разгоряченное лицо Андрея ощущает приятную прохладу. На отдых дана одна минута. Но этого вполне достаточно сильному молодому телу. С каждой секундой восстанавливается растроченная энергия, ноги становятся легкими, руки — сильными, тело — гибким.

Андрей Бурзенко погрузился в воспоминания. Это был его последний бой на ринге. Переполюиенный ташкентский цирк. Люди сидят даже на полу возле ринга. В воздухе — гул голосов. Последний минутный перерыв. Андрей слышит, как страстно шепчет на ухо Сергей Львович:

— Бей по корпусу. Понимаешь, по корпусу, снизу. Голову он хорошо защищает, а корпус плохо. Открыт. Бей снизу.

Бурзенко улыбнулся. Он понял тренера. Действительно, во втором раунде все попытки атаковать противника в голову кончились неудачю. Кулаки Андрея наталкивались то на перчатку, то на упругое плечо, подставленное под удар, или — что хуже всего — били воздух. Соперник «нырля» под бьющую руку, и Андрей по инерции «проваливался».

Звук гонга поднимает Андрея с табуретки. Сергей Львович сует ему в рот каучуковую капу — предохранитель зубов, вытирает полотенцем мокрое лицо и напутствует:

— Бей по корпусу. Снизу!

Андрей кивает. Навстречу скользящими шагами приближается Федор Усенков. Он старше Андрея на шесть лет, атлетически сложен, красив, за его плечами опыт восьмидесяти боев. Неодиократный чемпион республики в полутяжелом весе уверен, что победит. Прикрыв подбородок поднятым левым плечом, Усенков из дальней дистанции наносит серию быстрых прямых ударов. Он легко передвигается по рингу, старательно избегая сближения с Андреем. Встреча в ближнем бою или даже в схватке на средней дистанции с тяжелыми кулаками молодого боксера не обещает ничего хорошего. К тому же — зачем рисковать? Преимущество в двух первых раундах давало право на победу по очкам. Это преимущество необходимо только закрепить. И Усенков, умело маневрируя, закреплял свой успех легкими, но молниеносными прямыми ударами с дальней дистанции.

Над плотными рядами зрителей стоит сплошной гул голосов. Сотни пар глаз скрестились на светлом квадрате ринга. Там, за белыми тугими веревками, идет финальный бой чемпионата республики, решается судьба первого места в полутяжелом весе.

Истекают последние секунды третьего раунда, Усенков по-прежнему мягко уходит от нападающего Андрея, ускользает как рыба из рук.

Тогда Бурзенко решает атаковать с дальней дистанции. Правда, это опасно: Усенков более опытен, резок в движениях и может ответить сильным контрударом. Но другого выхода нет. Уловив момент атаки, Андрей еле заметным отклонением заставляет своего противника промахнуться. В следующее мгновение Бурзенко резко выбрасывает руки вперед и наносит серию прямых ударов в голову. Усенков быстро реагирует на них, подставив локоть и перчатку, и — открывает корпус. Этого и ждал Андрей.

Неожиданный молниеносный удар — и Усенков, взмахнув руками, медленно опускается на брезент.

— Раз, — судья на ринге взмахнул рукой, открывая счет, — два...

Андрей не спеша прошел в дальний угол ринга и стал спиной к лежащему противнику.

— ... три... пять... восемь... — отчетливо слышался голос судьи.

При счете «десять» тишину взорвал грохот аплодисментов. Усейков пришел в себя. Он с усилием поднялся на одно колено и протянул руку победителю.

— Поздравляю, Андрюша...

Тут же на ринге председатель комитета физкультуры под звуки марша вручил победителю приз — хрустальную вазу и голубой, с золотым тиснением, диплом чемпиона республики. Товарищи пожимали руки, поздравляли. Болельщики дарили цветы.

Среди поздравлявших Андрея оказалась незнакомая девушка. Возбужденный успехом, Бурзенко, вероятно, не обратил бы на нее внимания, подойди она раньше. Но девушка подошла позже других и протянула ему букет красивых роз с крупной белой лилией в середине.

Андрей виновато улыбнулся — руки были заняты: помимо уже преподнесенных ему цветов, он держал хрустальную вазу, диплом чемпиона и не мог взять букет у девушки.

— Ну возьмите же, — смущенно улыбнулась девушка. Эта улыбка как бы встряхнула Андрея.

— Погодите, я мигом переоденусь.

С этими словами он положил около нее цветы, диплом, вазу, а сам, легко перепрыгнув через канаты, скрылся в раздевалке.

Андрей спешил. Он был очень молод и ни одна девушка еще не ожидала его.

— Вы готовы? — тихо спросила она, и щеки ее залил румянец. Вероятно, то же случилось и с Андреем — он почувствовал, что уши, а потом и все лицо наполнилось жаром.

Андрей помнит, как они вышли из цирка. Здесь, у огромной красочной афиши, она замедлила шаги:

— Мне нужно направо. До свидания.

— Если разрешите, я провожу вас, — тихо сказал он.

Девушка опустила голову:

— Мои подружки давно ушли.

Они направились вниз по улице Правда Востока, мимо ларьков Воскресенского рынка, вдоль длинного деревянного забора. Шли молча. Проходя мимо ресторана «Ташкент», Андрей вспомнил, что товарищи по команде предлагали отпраздновать здесь его победу.

У театра имени Свердлова девушка остановилась. Осторожно придерживая цветы, она нагнулась и свобод-

ной рукой сняла туфлю, встряхнула ее и вновь надела.

— Камешек попал.

У Андрея мелькнула мысль, что нужно бы поддержать ее, помочь, взять под руку. Но как на это решиться?

— Скажите, чемпион, у вас есть имя?

Андрей смутился, догадавшись, что познакомиться им следовало бы гораздо раньше, и робко назвал себя.

— А мое имя Лейли,—она чуть коснулась его руки. Будем ждать трамвая?

От ее спокойного тона, от ее невидимой улыбки все вокруг стало ясным и простым. Андрей осторожно дотронулся до локтя Лейли. Девушка не сопротивлялась. Тогда, решившись, он взял ее под руку. И — удивительно, ничего не случилось, не разверзлась земля под ногами, не ударил гром. Андрей облегченно вздохнул. Так они дошли до Ассакинской.

— Мне сюда.— Лейли с некоторой тревогой посмотрела в глубь своей улицы: электрических фонарей здесь почти не было, а маленькие лампочки у ворот не освещали улицу. На ней царил густой полумрак. У тротуара чуть слышно журчала в арыке вода.

— Скоро мы дойдем,— извинительным тоном сказала Лейли.— Я живу рядом с парком.

Андрею стало жаль расставаться со своей спутницей, он замедлил шаги. Девушка с опаской оглядывалась по сторонам.

— Тут ночью страшно,— тихо сказала она.— Я иногда не хожу одна...

Андрей сильнее прижал ее локоть. Почувствовав мышцы его рук, Лейли гордо выпрямилась: можно ли быть трусихой, когда идешь с таким юношей!

Поровнявшись с массивной аркой парка, Андрей остановился:

— Лейли, покажите мне ваш парк.

— Парк? — переспросила оторопевшая девушка.— Сейчас? Но меня ждут дома.

— Мы недолго, мы быстро.

Андрей, волнуясь, ожидал ответа. Ему хотелось удержать около себя эту девушку как можно дольше. Еще немного, хоть несколько минут.

— Только посмотрим реку и вернемся,— доверчиво согласилась Лейли.

В ночи старый парк выглядел удивительно причуд-

ливо. Южные великаны карагачи бросали мохнатые тени на узкие дорожки. На темно-зеленом фоне вырисовывались светлые скульптурные группы. Они, словно живые, протягивали руки.

Лейли и Андрей миновали спортивную площадку, детский городок, спустились по широкой мраморной лестнице вниз к реке.

...Взгляд боксера скользнул поверх грязных, заросших и усталых лиц и уткнулся в дощатые стены вагона. А перед его глазами мерцал полумесяц, отраженный в рябых волнах реки...

Лейли молчала. Он сидел на берегу, на мягкой, чуть влажной, траве. Река шумно несла свои воды. Отраженный в ней полумесяц дрожал и становился похожим на шерстистую золотую подкову. А древние корявые стволы склонили свои тонкие длинные ветки к неровным берегам, кое-где касаясь воды. На противоположном берегу, за железной оградой и темными силуэтами деревьев, возвышались корпуса Ташсельмаша. Из длинных труб вместе с клубами дыма вылетали красные искры. Доносился ровный, как дыхание, монотонный рокот. Завод работал, завод не знал отдыха.

Лейли... это очень поэтичное нежное имя. Это красивое имя. Это восточное имя. Но мать у нее русская. Андрей закрыл глаза, чтобы еще раз вспомнить полузабытый образ. У Лейли густые черные косы и светлые бирюзовые глаза. У нее смуглые ноги и светлое с нежным румянцем лицо. Она не была похожа на узбечку. И все-таки она была узбечкой. Никогда после Андрей не встречал такого удивительного сочетания красок. Но именно это и делало прекрасным лицо Лейли.

Что было потом? Потом он долго сидел рядом. Это был единственный лирический вечер в жизни Андрея. Но он понял это лишь много времени спустя. О чем же они говорили? Конечно, о боксе.

— Вы очень нервничали сегодня? — спросила Лейли.

Андрей улыбнулся:

— Что вы! Ведь бокс укрепляет нервную систему. Вам это кажется странным? А боксер, если хочет победить, должен иметь железное спокойствие... Знаете, Лейли, когда человек научится быть спокойным в бою, он всегда сумеет правильно оценить обстановку, найти верный путь к победе.

Увлечшись, Андрей продолжал:

— Боксер похож на шахматиста. На каждый удар есть защита, на каждую комбинацию можно найти ответную. Правда, у шахматиста на обдумывание хода есть минуты, порой даже часы. А у боксера — секунды, иногда десятые доли секунды...

Когда Андрей остановился, чтобы перевести дух, Лейли кротно сказала:

— Мне бы домой пора, Андрей.

Бурзенко улыбнулся своим воспоминаниям. Вечер, который больше никогда не повторялся, он провел по-мальчишески наивно. Он не поцеловал Лейли, не обнял девушку, от которой получал так часто письма вплоть до самого плена.

Через неделю Андрея вызвали в военкомат. Он призывался на действительную службу. Когда же это было? Давно, около трех лет назад, в конце августа 1940 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Четвертые сутки пути, четвертые сутки мучений. Днем — жара и духота, а ночью — дрожащий свет осветительных ракет, топот кованых сапог по железной крыше, стрельба из автоматов. И при каждом выстреле люди вздрагивали, прислушивались. Что там?

Усману стало совсем плохо. Андрей делал все, что мог, чтобы облегчить страдания друга. Вот и сейчас он вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб, слез с наир и осторожно взял на руки вялое тело Усмана. Переступая через людей, лежащих на полу, он нес его к двери.

— Ты что? Опять свой воздух отдаешь? — уколоный солдат с крючковатым носом в изумлении покачал головой. — Ай-яй-яй... Себя береги, а этот уже... долго не протянет...

Андрей так посмотрел на солдата, что тот сразу прикусил язык.

Иван Иванович помог Андрею получше устроить Усмана возле двери. Туркмен не мог сидеть, валился на бок. Андрею пришлось взять его правой рукой под мышки, а свободной левой вплотную прислонить голову Ус-

мана к щели. Тот очнулся, пришел в себя. Слабой рукой обнял Андрея за шею — так удобнее сидеть.

— Спасибо... — повторял он, — сог бол...

Поезд вдруг начал тормозить. При каждом толчке голова туркмена ударялась о дверь. Бурзенко просунул свою ладонь между щекой товарища и нагретыми досками двери, смягчая удары. После нескольких толчков эшелон остановился. В наступившей тишине раздались резкие команды ковоиров. Затем все стихло.

В вагоне напряженное молчание.

Проходит час, второй.

С нар поднимается Пельцер и негромко предлагает:

— Споем, что ли?

Ему никто не отвечает.

Со стороны паровоза слышались позвякивание колесных каблучков по асфальту, отрывистые слова на немецком языке.

— Идут!

Все разом повернулись к Пельцеру:

— Переводи...

Старик долго прислушивался, прислонив ухо к дверной щели, и сообщил:

— Будут выгружать.

В дальнем углу кто-то ахнул. Матрос встал.

— Причалили...

Медленно тянулось время. Каждая минута казалась вечностью. Потом снова прозвучали команды, был слышен лязг открывающихся дверей, глухие удары, крики...

— Ну, товарищи, — сказал Иван Иванович, — готовьтесь знакомиться с заграницей. Помните, вы — советские люди. Высоко несите это звание!

Щелкнул замок, и с грохотом распахнулась дверь. В лица ударил сноп солнечного света. Яркой голубизной сияло небо. От пьянящей свежести воздуха закружилась голова...

— Выходи!

На товарищую площадку высыпали заключенные.

Андрей, придерживая Усмана, осторожно вышел из вагона.

Как приятно стоять на земле! Стоять, ощущая теплую твердь, ходить, бегать, вдыхать полной грудью свежий воздух.

Жмурясь от солнца, Бурзенко осмотрелся. Справа он

увидел серое вокзальное здание. Прямо в зелени садов поблескивали красной черепицей островерхие крыши домов. Слева тянулись массивные каменные склады. А вокруг, опоясывая город, возвышались горы. Они были темно-зелеными. Покатые вершины их, покрытые хвойным лесом, казались Андрею похожими на спины дикобразов.

«Все чужое, незнакомое. Вот она, Германия,— подумал Андрей,— здесь родились и выросли те, кто с огнем и смертью пришел в нашу страну. Вот она, родина извергов, логово врага!»

Заклученных выстроили. Пересчитали.

Немецкий офицер, гладко выбритый, розовый, в чистом сером мундире, чертыхнулся и полез в вагон. Но сейчас же выскочил назад, зажимая нос платком.

— Русишние швайи! — выругался он и приказал вынести трупы.

Рыжий ефрейтор с квадратным подбородком подошел к заключенным и ткнул автоматом матроса и Сашку:

— Шиель!

Костя и Сашка осторожно вынесли трупы. Офицер велел поставить их на ноги и поддерживать. Потом снова пересчитал заключенных и, довольный, хмыкнул — все на месте.

Пришли специально оборудованные для перевозки заключенных машины, с тупыми носами и высокими железными бортами, с входом через кабину шофера.

Началась посадка. Фашисты, подталкивая прикладами, торопили. Мертвых и тех, кто самостоятельно не мог влезть в машину, офицер приказал вбросить в железный кузов одного из грузовиков.

Бурзенко держал Усмана на руках. Но отнести товарища ему не дали. Подошел офицер.

— Это мой брат,— начал объяснять Андрей,— он болен. Разрешите...

Но офицер не стал слушать. Привычным движением он выхватил из-за лакированного голенища гибкий хлыст. Взмах руки — и на лице боксера легла багровая полоса. В ту же секунду к Андрею подскочили два солдата. От них разило винным перегаром. Солдаты грубо вырвали у него Усмана. Смеясь, схватили за руки и ноги умирающего туркмена, раскатали легкое тело и перебросили через борт автомашины.

«Зверн!» — хотелось крикнуть Андрею.

Снова слышалась команда. Машины заурчали и одна за другой тронулись в путь.

В железном кузове теснота. Заключенные сидят на корточках, плотно прижавшись друг к другу. Куда везут, — никто не знает. Высокие борта не позволяют смотреть по сторонам. Чистое безоблачное небо слепит глаза. Андрей ничего не слышит. И в бессильной злобе кусает губы: «Сволочи! Человек еще жив... Эх, Усман...»

Автомобили, покачиваясь на рессорах, карабкаются в гору. На поворотах или спусках заключенным удастся увидеть вершину горы, поросшую ярко-зелеными хвойными деревьями, клочки полей.

Примерно через полчаса машины остановились:

— Пришвартовались, — сказал Костя.

— И это неплохо, — заметил Сашка Пековский. — Может быть, сегодня еще покормят.

— Выходи! Шнел!

Первое, что увидел узник, когда их высадили, был высокий памятник. На цементном пьедестале возвышалась бесформенная глыба горного камня. На камне высечена надпись.

— «Сооружено в 1934 году. Хайль Гитлер!» — вслух прочел Пельцер.

Узников согнали в колонну. Трупы сложили отдельно. Как ни умолял Андрей, охранники не разрешили ему взять Усмана.

От памятника дорога поднималась вверх, в гору. По обе стороны в зелени садов темнели кирпичные дома с длинными узкими окнами и острыми крышами. Вперед, почти у самой вершины, словно большие коробки, возвышались казармы. Рядом с ними был виден гараж и солдатская кухня. Ее узнали по ароматному запаху. Сашка потянул носом и определил: — Жаркое. И со свиной. Готов поспорить. — Но охотников заключать парн не нашлось.

Четко отбивая шаг подковами сапог, подошел взвод солдат. Сытые, мордастые. Костя толкнул локтем Андрея: держи ухо востро — эсэсовцы! Многие из них вели на длинных кожаных поводках серых овчарок. Псы рвались к измученным людям, угрожающе рычали. «С такой сразу не справишься», — подумал Андрей.

Эсэсовцы стали перестраивать пленных, разбивать

на отдельные группы. Многие не понимали приказаний. Солдаты разбьивали им ударами дубинки по голове, плечам, Иван Иванович в группу Андрея не попал.

Заключенных колонной по пять человек в ряд повели к лагерю широкой мощеной белым камнем дорогой, обсаженной деревьями. Впереди темнел какой-то странный бугор. Когда подошли ближе, у Андрея мурашки побежали по спине: это была огромная, величиною с трехэтажный дом, куча стоптанных деревянных башмаков, ботинок, женских туфель. Узники притихли. Каждый понял, что обувь принадлежала тем, кого уже нет в живых.

Дорога уперлась в большую арку, облицованную черным и розовым мрамором. Андрей рассмотрел на арке каменное изображение совы: герб Бухенвальда. Чуть ниже виднелась надпись. Андрей незаметно толкнул старого одессита:

— Переведи.

Пельцер поднял голову и тихо прочел:

— «Прав ты или не прав, для нашего государства это не играет никакой роли. Гиммлер».

Узники переглянулись.

— Вот он — их «новый порядок», — Андрей зло усмехнулся.

— Ты же, — Костя дернул боксера за рукав, — не ершишься, а то тебя на крючок словят.

Арку с двух сторон подпирали приземистые кирпичные здания с черепичными крышами. У того, что слева, — маленькие окошки, охваченные когтями решеток. Все поняли — карцер. У здания справа — высокие окна. Видимо, канцелярия. Над аркой, соединяя здания, возвышалась квадратная двухэтажная башня. В ее нижнем этаже из окон выглядывали тупые морды спаренных пулеметов и скорострельная пушка. На втором этаже — большие часы. Башня увенчана конусной крышей, над которой торчал шпиль. На нем лениво колыхалось эсэсовское знамя со свастики. Что еще увидел Андрей? То, что и в других концлагерях: ряды железобетонных мат, между которыми натянута густая сетка из колючей проволоки; высокие сторожевые башни; контрольные полосы, усыпанные желтым песком; блиндажи, и снова колючая проволока.

Последовала команда снять шапки:

— Мютцен ап!

В тот же момент эсэсовский офицер ударом хлыста сбил шапку у переднего заключенного. Андрей и другие узники сорвали свои головные уборы. Офицер, оскалив желтые редкие зубы, потряс хлыстом:

— Это есть мой переводчик!

Усталые и голодные люди подтянулись, подравнялись.

Пельцер на секунду замедлил шаги и прочел надпись на железной решетке:

— «Эдэм дас зайне» («Каждому свое»).

Андрей понимал, что хотели сказать фашисты этим изречением: они, высшая раса, должны управлять миром, а все остальные люди являются нисшей расой. Им — вечное рабство, пожизненная каторга, смерть за колючей проволокой...

На небольшое крыльцо лагерной канцелярии вышли трое: лагерфюрер капитан СС Макс Шуберт, начальник конвоя Фишер и Кушнир-Кушнарев. Узники притихли.

Лагерфюрер Макс Шуберт улыбнулся, снял форменную фуражку с высокой тульей и белым платочком вытер вспотевшую лысину. Она заблестела на солнце. И Андрей про себя отметил, что лысая голова капитана СС, как ранняя ферганская дыня — кандаляк, — желтая и маленькая. У второго звероподобного офицера — длинные руки и низкий лоб. Волосы, казалось, начинали расти от густых бровей. Такому попадись — живым не выпустит, решил Бурзенко. Третий, тот, что в полосатой робе каторжанина, располагал к себе. В нем, в этом старике, Андрей увидел что-то знакомое, русское. Он, обнажив в улыбке крупные зубы, пошел к заключенным. Лицо его, то ли полное, то ли опухшее, очевидно, хранило следы недосыпаний. Андрею, когда он внимательно присмотрелся, не понравились запавшие маленькие глаза с пытливым, холодным взглядом. Они никак не вязались с добродушной улыбкой, приклеенной к широкому рту. И этими глазами, словно руками, старик быстро ощупывал каждого узника, словно сιάсь угадать самое сокровенное, влезть в душу.

— Земляки, мои соотечественники! — начал он вкрадчивым голосом. — Благодарите бога за судьбу свою, вам здорово повезло! Уж поверьте мне, старику. Грешно врать перед богом, особенно когда готовишься на сви-

дание с ним. Я здесь, в Бухенвальде, давно, и меня герр капитан иногда использует в качестве переводчика. Вам повезло, что вы попали в этот лагерь. Бухенвальд — политический лагерь и, как все такие лагеря, отличается культурным обращением и хорошими условиями. Он находится под контролем международного Красного Креста. Здесь, среди ваших будущих коллег, много видных людей Европы. Тут чешские министры, депутаты французского парламента, бельгийские генералы и голландские коммерсанты. Благородное общество!

Узники угрюмо слушали.

— И, чтобы вы не раскисались, я вас предупреждаю, мои соотечественники и земляки, — продолжал старик все тем же мягким вкрадчивым голосом, — предупреждаю, что этот лагерь не похож на те, в которых вам пришлось побывать. Здесь нет близко фронта и нет жесточайших порядков. И если вы остались, хвала господу, живы, то теперь ваше благополучие находится в ваших руках. В Бухенвальде твердые порядки и все люди живут согласно своему званию. Для старших офицеров и министров отдельные помещения и соответствующий уход. Для офицеров, а к ним приравниваются командиры и даже комиссары, — отдельные офицерские дома, отдельная кухня. Запад, мои соотечественники, свято соблюдает и уважает общественное положение. На западе нет, как вы называете, уравниловки: Нет, и все тут — не взыщите! Как говорят, со своим уставом в чужой монастырь не суйся, а лучше подчиняйся тамошнему. Так что я ставлю вас об этом в известность и прошу командиров, политработников и других руководителей не стесняться, назвать себя и отойти влево. А то, сколько уже таких случаев, — сначала чего-то боятся, скрывают свое звание и положение, но пройдет неделя-другая, обживутся и начинают писать прошения коменданту, дескать, я такой-то и такой-то, мне положено жить с офицерами, а меня поместили в общую массу. И, заметьте, только одни русские военнопленные так ведут себя. Просто некрасиво! Подумайте об этом, мои соотечественники. Еще раз объявляю: командиры и комиссары отойдите в левую сторону. Вот сюда, — старик указал место рядом с собой, — их будут регистрировать отдельно.

Несколько человек вышло из строя.

Из задних рядов протолкался низкорослый солдат

и, поправляя на ходу свой вещевой мешок, обратился к Кушнир-Кушнारेву:

— Папаша, а старшинам тоже можно в левую сторону?

Старик повернулся к Шуберту и перебросился с ним несколькими словами по-немецки. Потом ответил солдату:

— Герр лагерфюрер говорит, что старшина не является офицером, но если вы были с таким званием на командирской должности и являетесь коммунистом, тогда можно.

Солдат снял пилотку, вытер ею лоб и улынулся добродушно и счастливо:

— Спасибо, папаша. Я как раз такой.

Потом он неловко потоптался на месте и, решительно скинув с плеч мешок, протянул его своим друзьям:

— Бери, ребята, тут кое-что есть. Разделите и не поминайте лихом. Не думайте, что я шкурник. Нет,— он снова вытер вспотевший лоб,— я у офицеров агитацию разверну и вам поддержку организую насчет жратвы и прочего белишка.

Андрей, засунув руки в карманы штанов, пристально следил за Кушнир-Кушнаревым, за эсэсовцами, потом сплюнул:

— Брехия это.

Сашка удивлению поднял брови. Андрей горячо зашептал Косте, пересыпая свою речь ругательствами:

— Не верю я, что хошь делаешь, не верю. Фашисты, подлюги, всегда фашистами останутся, мать их за ногу да об стенку.

Из всей группы, в которой находился Андрей, человек пятнадцать шагнули вперед. Бурзенко видел, как второй эсэовец, тот, что с низким лбом, криво усмехнулся и подал знак рукой. Командиров сразу же окружили солдаты и повели мимо ворот Бухеивальда.

Некоторые из оставшихся с открытой завистью провожали взглядами их. Везет же людям. Никто даже и не подозревал о том, что они уходят в свой последний путь.

Андрей толкнул незаметно Костю: смотри, фашист говорить собирается. Костя поднял голову. Лагерфюрер выступил вперед. Моряк дернул за рукав Пельцера:

— Слушай повинительней,

Тот кивнул головой.

Но лагерфюрер Макс Шуберт заговорил на ломаном русском языке.

— Русских зольдат! Культурный страна Гросдейчланд любил порядка и дисциплин. Это надо знать. В Бухенвальд есть добрый здоровья дух. Бегайт не надо. Я не советуйт, будет мама плакайт,— и Шуберт пальцами изобразил пистолет,— пуф-пуф! Никто еще не убегайт из политише лагерь Бухенвальд. Наш лозунг: арбайт, арбайт унд дисциплина. Форштейн?

— Соотечественники, будьте благоразумны,— добавил к словам Шуберта Кушнир-Кушнарев,— герр лагерфюрер дает вам хороший совет.

Эсэсовские офицеры ушли. Вслед за ними кошачьей походкой поспешил и старик.

— Шура,— Андрей смачно сплюнул.

Костя пропел вполголоса: — Начинаются дни золотые... — И добавил:

— Держись, братишки!

Узники тревожно оглядывались. Неужели о них забыли? Уже больше двух часов стоят они, голодные и усталые, перед канцелярией, а солнце немилосердно жжет. Люди совсем разморились, обессилели.

Андрей чувствовал, как начинают дрожать ноги. Кружится голова. Он стиснул зубы. Тошнит. Кажется, нет конца этой пытке...

То там, то здесь в застывшей колонне заключенных раздаются отчаянные вскрики, глухой удар падающего тела. Солдаты не разрешают подниматься. Несчастные лежат на теплой каменной мостовой, ожидая решения своей судьбы.

Новички даже не догадываются о том, что идет «естественный отбор». С циничным хладнокровием гитлеровцы проводят это страшное испытание: слабые и немощные — от них нет никакой пользы — должны погибнуть, а сильные, крепкие должны еще поработать на фюрера, отдать свою силу, свое здоровье.

Наконец приходит офицер и, взглянув на ручные часы, командует:

— Бегом!

Заключенные срываются с места.

— Быстрее!

Запыхавшиеся люди добегают до большой площади. На ней, по новому приказанию, делают круг.

Бежать с каждым шагом все труднее. Многие не выдерживают, падают...

Нелегко бежать даже Андрею, умеющему регулировать дыхание. Четыре шага — вдох, четыре — выдох. Сердце колотится так сильно, что кажется вот-вот выскочит из грудной клетки.

Рядом бежит Пельцер. Он на ходу скинул свою тяжелую куртку и шапку, с которыми до этого не расставался. Старый учитель понимает, что надо спасать не вещь, а жизнь. Лицо его стало землисто-серым. Крупные капли пота стекали от виска к скуле, оставляя грязный след. Старик как-то нелепо взмахнул руками и качнулся назад. Но упасть он не успел. Сильные руки Андрея поддержали его.

— Дышите глубже, глубже! Еще!

После третьего круга эсэсовец поднимает руку:

— Стой!

Качаясь, словно пьяные, узники останавливаются. Колонна заметно поредела. На плацу лежали обессиленные люди.

Поддерживая Пельцера, Андрей осмотрелся. Лагерь разместился на каменистом склоне горы. С площади вниз уходят пять параллельных улиц, по бокам которых тянутся ряды деревянных и каменных бараков. Справа, в сотне метров от ворот, низкое каменное здание, огороженное высоким деревянным забором. Над зданием — квадратная труба. Из нее идет черный дым...

Снова команда «Бегом!» На этот раз — в баню. Баня — низкое полутемное помещение. Пол, стены и потолок из серого цемента. «Каменный мешок», — подумал Андрей.

— Раздевайся!

Потом — в парикмахерскую. Заключенные в темных форменных костюмах ловко орудуют электрическими машинками. На груди у них Андрей заметил знаки различия — зеленые или красные треугольники и на белом квадрате четырехзначные номера. Парикмахеры быстро остригали новичков, оставляя полосу волос от лба до затылка. А у пожилых, начинающих лысеть, — оставляли все волосы, простирая дорожку от затылка до лба. Страшная прическа придавала людям какой-то безобразный, дикий вид.

В следующем помещении заключенных заставляли

зайти в бассейн и окунуться с головой в грязно-коричневую жидкость — дезинфицирующий раствор.

Андрей немного замешкался. В ту же секунду он получил сильный удар резиновым шлангом по шее:

— Шнелы! Бегом!

Андрей плюхнулся в бассейн и, выплевывая противную жидкость, поспешил к противоположному краю. Заслезились глаза, защипало под мышками, тело чесалось и горело.

Но останавливаться не разрешают. Все время подгоняют:

— Поторапливайся! Шнелы! Шнелы!

После купания в бассейне попали в длинную комнату — душевую. Столпились под душевыми установками. Воды нет. Томительно идут минуты. Раствор разъедает кожу. По всему телу идет страшный зуд.

Наконец хлынула вода — и заключенные с воплями отскочили к стенкам. С шипением и паром из леек лился кипяток... Многие обварились.

Кипяток внезапно сменился ледяной водой. Потом опять кипяток. Кто-то «забавлялся» над еле державшимися на ногах людьми.

Андрей и Костя-матрос были рядом. Они смело шли под ледяную воду, стремясь поскорее смыть с тела дезинфицирующий раствор. Андрей обратил внимание на татуированную грудь моряка: по морю стремительно неся трехмачтовый корабль. Ветер надул паруса, и нос корабля рассекал встречные волны.

— Это память, — пояснил матрос. — Был у меня дружок. Погиб в Севастополе... Классный художник!

Из моечной заключенных погнали по длинному коридору. Вдоль левой стены — несколько окошек. Из них выбрасывали полосатые штаны, куртки, шапки, ботинки на деревянной подошве. Узники на ходу ловили одежду, быстро одевались.

Во дворе снова выстроили. Подошел офицер. Ефрейтор отдал рапорт. Офицер неторопливо прошелся вдоль строя, отдавая приказание.

Заключенных снова разделили на небольшие группы. В группу Андрея никто из друзей по вагону не попал. Отдельно выстроили евреев.

Костя на прощание помахал рукой:

— Крепись, Андрюха!

Пельцер пошел тихо, согнувшись, словно плечи его придавили тяжелым грузом.

Потом повели в контору — арбайтстатистик. После короткого допроса: откуда родом, в каких тюрьмах был, и т. д. — выдали каждому белый лоскут с номером и красный треугольник. Андрей посмотрел на свой номер: 40 922. В третий раз его заставляют забыть свое имя и фамилию. Долго ли будет он ходить под этим номером? Удастся ли вырваться на свободу? Андрей сдвинул брови. Как бы там ни было, будем бороться, пока живы. Ведь мы — русские!

А в ушах звучали отрывистые фразы краснолицего ефрейтора:

— Это есть ваш пайспорт. Нумер пришивайте куртка уид штана. Кто нет нумер, идет «люфт».

И фашист выразительно показал на квадратную трубу. В этот миг над ней вспыхнул веничек пламени и снова повалил густой дым. По всему лагерю разносился специфический тошнотворный запах горелого мяса и жженных волос, но тут он был особенно сильным. Жест ефрейтора был красноречив: слово «люфт» — воздух — приобрело конкретный жуткий смысл.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Двенадцатый барак, или, как говорили в Бухенвальде, блок, был выгодно расположен между сапожной мастерской и новой кузней. Дальше шли прачечная, склад и багажная. Особенно важной считалась близость кухни.

В двенадцатом блоке по случаю ремонта никто не жил. Огромное деревянное здание пустовало. Этим обстоятельством не замедлили воспользоваться зеленые — так в концлагере именовали немецких уголовных преступников, убийц, рецидивистов. Они носили на груди отличительный знак — матерчатый треугольник зеленого цвета. Зеленые захватили, если можно так выразиться, двенадцатый блок и устроили в нем нечто вроде своей резиденции.

К недавним бандитам и рецидивистам комендант концлагеря относился добрее, чем к остальным заключенным. Он открыто им покровительствовал. И не потому, что уголовники ему чем-то imponировали. Нет, причины были более глубокими. Политические заключенные знали, что

Карл Кох, еще задолго до прихода Гитлера к власти, часто высказывался о необходимости создания грандиозных концлагерей с системой физического и морального уничтожения людей. В основе этой «системы» лежал «закон джунглей»: узники должны уничтожать друг друга. Кох предлагал разделить узников на отдельные группы, создавая для одних терпимые бытовые условия и давая им в руки некоторую власть внутри лагеря. Такое неравенство, по мнению Коха, должно вызвать вражду между заключенными. В лагере начнется борьба. Ее необходимо искусственно поддерживать, разжигать, поощрять. И заключенные, перед лицом голодной смерти, за лишний кусок хлеба станут безжалостно убивать друг друга. Таким образом, ответственность за убийство ляжет на плечи самих узников.

Свои человеконенавистнические идеи Кох изложил в пресловутой брошюре «Бокегеймерские документы», которую опубликовал в 1929 году. В ней будущий комендант Бухенвальда с циничной откровенностью раскрыл программу истребления всех противников национализма.

С приходом Гитлера к власти сумасбродный план стал действительностью. Коху поручают организовать ряд концлагерей, в том числе и лагерь Эстерген, близ голландской границы. Тысячи людей гибнут за колючей проволокой. Система Коха широко применяется фашистами. Ее автор получает повышение. В 1937 году полковнику СС Карлу Коху дается правительственное задание: создать крупнейший в Европе политический концлагерь Бухенвальд.

В Бухенвальд он приезжает со своей молодой огненно-рыжей женой. Срочно строится роскошная комендантская вилла, просторный манеж, конюшня. Начинается жуткий период безраздельного господства четы Кохов.

С первого же дня основания нового концлагеря Кох, оставаясь верным своей системе, создал сносные бытовые условия немецким уголовникам, дал им в руки власть внутри лагеря. Недавние бандиты и рецидивисты стали первыми помощниками эсэсовцев. Преступники были «форарбайтерами» — бригадирами, «капо» — надсмотрщиками, служили в лагерной полиции, назначались старостами бараков. Они получали дополнительное питание и почти все посылки из Красного Креста, ибо, с согласия коменданта, их распределением ведал тоже бывший уо-

ловник. Кроме того, немецкие преступники пользовались особой привилегией: им разрешалось носить гражданскую — гражданскую — одежду. Но на пиджаке все-таки заставляли вырезать квадрат и вшивать лоскут другого цвета.

Чтобы удержать свое привилегированное положение, зеленые ретиво исполняли указания эсэсовцев: нещадно избивали узников за малейшую провинность, заставляли их работать по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, терроризировали политических, охотились за евреями. За каждого еврея, обнаруженного в Большом лагере, по распоряжению коменданта выдавалась премия: четыре бухайки хлеба. Такое количество хлеба считалось величайшим богатством. За него можно было выменять все, что угодно, ибо узники, обреченные на медленную голодную смерть, в сутки получали всего триста граммов.

Зеленые длительное время держали в страхе весь лагерь. Однако с осени 1941 года, когда в Бухенвальд стали прибывать транспорты с советскими военнопленными, положение в лагере резко изменилось.

Политические, или, как их называли, красные, так как они в отличие от зеленых носили на груди матерчатые треугольнички красного цвета, начали активную борьбу с зелеными.

Красным активно помогали государственные заложники — бывшие члены чехословацкого правительства, которые в Бухенвальде использовались как переводчики и служили в различных отделах лагерной канцелярии. Но решительную открытую борьбу с преступниками повели русские. Зимой 1942 года советские военнопленные впервые в истории лагеря смерти дали отпор мучителям.

Дело было так. В каменоломне трудились десятки тысяч узников. Январский пятнадцатиградусный мороз и обычный для этих мест пронизывающий до костей ветер качали, словно траву, измученных голодом заключенных. Особенно тяжело пришлось группе русских, где фюрарбайтером был уголовник Штерк. Этот бандит не давал ни минуты отдыха. Его длинная палка все время ходила по спинам узников. Он был за то, что чуть-чуть разогнул усталую спину, за то, что трудился без должной энергии, за то, что косо посмотрел на фюрарбайтера.

— Мой палка есть греющий компресс! — злобно усмехаясь, пояснял Штерк. — Она помогайт лючше работаит кровь!

Четверо русских и грузин Каргидзе, избитые форарбайтером, остались лежать на земле. Тогда Штерк приказал отнести несчастных к груде камня и там положить:

— Пусть ветер немножко ласкайт!

Но пленные, во главе с Василием Азаровым, не выполнили этого приказа. Они осторожно принесли своих полуживых товарищей в защищенное от ветра место и, собрав немного сухих листьев, уложили на них узников. Но тут прибежала жена обершарфюрера Бельвида, дача которого находилась метрах в ста от края каменоломни. Немка, размахивая пистолетом, истерически закричала:

— Где этот свинья капо? Куда он смотрит? Я не позволю, чтоб мои дети смотрели на большевистскую заразу! Уберите отсюда сейчас же этот навоз или я буду стрелять!

На крик прибежал форарбайтер Штерк, уходивший погреться к эсэсовцам. Бандит, не разобравшись, в чем дело, обрушил свой гнев на первого попавшегося ему на глаза. Жертвой стал тихий и застенчивый паренек Малкин, которого все любили. У него был хороший голос и он часто пел задушевные русские песен.

Зеленый набросился на ни в чем не повинного юношу. Малкин только успел широко открыть от удивления свои большие голубые глаза, как на его голову обрушился удар.

Юноша упал. Но этого извергу показалось мало. Он схватил огромный камень и прибил пытавшегося подняться с земли Малкина.

Это убийство потрясло узников. Они бросили работу и, не скрывая ненависти, смотрели на форарбайтера. Бандит на какую-то долю секунды опешил, но тут же взял себя в руки. Тяжело дыша, он взмахнул палкой:

— Арбайт! Работайт!

Узники медленно двигались к зеленому. Живое кольцо сужалось вокруг него словно петля на горле. Штерк в страхе выронил палку и хрипло завизжал:

— Спасите!

В воздухе сверкнули кирки и лопаты. А через несколько минут русские продолжали работу, словно ничего и не случилось. Только на земле, рядом с телом Малкина, лежал изуродованный труп форарбайтера Штерка.

На вопль Штерка сбежались эсэсовцы из наряда наружной охраны. Они выстроили русских и потребовали выдать зачинщиков.

Весть о расправе с ненавистным Штерком моментально облетела всю каменоломню. Тысячи узников, в знак солидарности с русскими, прекратили работу. Все с тревогой ожидали карательных действий. За убийство форарбайтера узников ждала жестокая кара. И группа русских, не выпуская из рук лопаты и кирки, готовилась дорого продать свои жизни. В этот напряженный момент нашелся смельчак, который в лицо охранникам заявил протест. Это был Василий Азаров. Он, не выходя из строя, заявил дежурному офицеру:

— Мы, русские солдаты и офицеры, требуем от криминальных заключенных, работающих надсмотрщиками и бригадирами, человеческого отношения. Мы заявляем протест и предупреждаем всех уголовников: бандит, троивший хоть одного русского, будет убит!

Коллективное выступление подействовало. Дежурный офицер, видя решительные лица узников, не отважился на массовую расправу.

Это была первая серьезная победа над зелеными. Комеидант Бухенвальда, опасаясь бунта в концлагере, отстранил от бригадирства нескольких уголовников и сместил с некоторых административных постов наиболее рьяных бандитов.

Преступники стали ждать благоприятного момента, чтобы отомстить. И он наступил.

В Бухенвальд пригнали большую партию советских военнопленных — более двух тысяч человек. Их прогнали пешком чуть ли не через всю Германию. Измученные издевательствами и голодом, узники еле держались на ногах. Их загнали в отдельные бараки и оцепили колючей проволокой. Так был создан лагерь в лагере, который впоследствии получил название Малого, карантинного. Пленные оказались в двойной изоляции.

В первый же день, рискуя жизнью, немцы, чехи, французы начали устанавливать связь с русскими товарищами. Они провели в лагере сбор продовольствия — каждый политический отламывал от своего скудного пайка кусочек хлеба для русских братьев. Продовольствие с помощью советских военнопленных, прибывших раньше, удалось передать.

Все это проводилось в глубокой тайне. Но староста концлагеря уголовник Иосиф Олесс тут же состряпал донос.

Узнав о солидарности узников, комендант Бухенвальда пришел в ярость и объявил наказание: оштрафовал весь лагерь на три дня. Трое суток десятки тысяч заключенных не получали пищи. Но никакие меры не могли остановить сближение русских с узниками других национальностей.

Олесс не успокоился. По его новому доносу шестьдесят двух ненавистных ему политических заключенных отправили в штрафную команду. Никто из них не вернулся.

Зеленые снова подняли головы. Они мстили политическим. Борьба внутри лагеря принимала открытые формы. Но бандиты при всем старании не смогли вернуть утраченные позиции. На этот раз политические оказали им решительное сопротивление. Самым страшным местом для зеленых стала больница. Бандиты, вызванные туда, назад не возвращались. Они «неожиданно» умирали. Это обстоятельство не на шутку встревожило зеленых. Они догадались, в чем тут дело, но перед медициной пасовали. Разоблачить врачей они не могли. Наука была той областью, куда с отмычкой не влезешь.

И когда в комнату старосты вошел начальник хирургического отделения, заключенный Гельмут Тиман, Олесс насторожился. Его белесые брови сошлись у переносицы: политические зря не приходят...

Гельман Тиман, плотный и рослый немец, с крупными чертами лица, прошелся по комнате и остановился против Олесса. Убедившись, что он один, и недобро оглядев старосту, Гельмут начал разговор тихим, удивительно спокойным голосом, но каждое слово врезалось в уши старосты, и по его широкой спине пробежала неприятная прохлада.

— Я пришел предупредить вас, уважаемый, о том, что вы и ваши сообщники должны прекратить гнусные дела. Помните, что за каждого политического мы отправим в крематорий двух зеленых!

Олесс встал из-за стола. На его лисьем лице появилась сладкая улыбка:

— Неужели мы не сможем договориться? Мы, немцы, — великая нация и меж собой должны жить в дружбе.

— Мы разные немцы, — сухо ответил Гельмут.

Староста лагеря не спал всю ночь. Ворочаясь на соломенном тюфяке, бандит думал. Положение зеленых, если говорить языком Олесса, становилось «пестрым».

Решение пришло само собой. Утром Олесс вызвал к себе Трумпфа и Гроельца, своих верных помощников и телохранителей:

— Дела наши принимают неприятный оборот. Политические грозят. За каждого убитого нами обещают крематорий. В их руках, сто чертей, находится больница. А среди наших парней нет ни одного, который смог бы заменить политических медиков. Сегодня вечером надо собирать главарей. Хватит анархии! Отныне будем действовать сообща. Пора обломать политических!

К намеченному часу после вечерней проверки в двенадцатом блоке стали собираться бандиты. Вожаки зеленых приходили в одиночку и небольшими группами, приводили с собой двух-трех дружков — телохранителей. У всех на лицах любезные улыбки, а в карманах ножи. Зеленые враждовали между собой, друг на друга имели «зубы», вели «счеты» и «завязывали узелки».

Бандит Юшт, переступив порог блока, остановился, вытащил из кармана очки и водрузил их на длинный утиный нос.

— Салют Джонни-профессору! — Олесс, широко улыбаясь, поспешил ему навстречу.

Кличку «Джонни-профессора» Юшт заработал тем, что умел избиениями и надругательствами доводить жертву до сумасшествия. Его побаивались и зеленые. Эсэсовцы приходили к нему перенимать «опыт». Джонни сопровождали три мордастых парня. Он сел у окна, широко расставив острые коленки, и посмотрел на собравшихся с чувством полного превосходства.

Ганс-ювелир — «человек без особых внешних примет» — так писали сыщики крупнейших городов Европы об этом специалисте по изъятию драгоценностей — пришел один. Он уселся в углу и мрачно глядел на старосту лагеря, который разговаривал с Трумпфом, почесывая нижнюю часть спины. Ганс ненавидел Олесса. Он помнил, как эти хищные пальцы вытащили у него из нагрудного кармана кольцо с черным бриллиантом. Среди зеленых упорно ходили слухи, что благодаря этому кольцу и доносу на шестьдесят двух политических, Олесс получил должность старосты.

Август Скауц, прозванный Громилой, пришел, блестя глазами и начищенными башмаками. Переступив порог блока, он осклабился:

— Ха, да тут свой народ! Только держи карманы крепче...

Заметив Пауля Фридмана, Громилла шагнул к нему:

— Приятно встретить землячков. А ну-ка, Черный Изверг, гони пачку сигарет.

Их сразу же обступили.

— Ребята, наше слово — закон. Сказал — сделал, проиграл — отдай. Заплатить карточный долг — это долг чести!

— Я же не в карты проиграл, — ответил Фридман, — и ты сам видел, что он умер.

— Нет, нет, умер после, — Громилла призвал всех присутствующих быть судьями. — Давай в открытую. Мы с тобой поспорили. Так? На пачку сигарет. Дело было в каменоломне. Мы стояли наверху. Ты что сказал?

— Что могу ударом камня прихлопнуть политического, и прихлопнул. Ты сам видел.

— Но не с первого раза. Ты добивал его потом. Выходит проиграл. Гони пачку сигарет.

— От тебя не отвертеться! — Черный Изверг полез в карман и вытащил сигареты. — На и отлепись!

Скауц открыл пачку:

— Закуривай, ребята!

Поляк Була, с кривым боксерским носом и массивной челюстью радостно, как старого друга, приветствовал Жоржа-боксера. Они друг друга знали давно по встречам на профессиональном ринге.

— Ты, видать, тренируешься? — сказал Була, щупая плечи Жоржа.

Жорж засмеялся и хлопнул Булу по спине:

— Я видел, как ты разминаешься.

— Разве это разминка? Вшивые политические хуже мешка — не успеешь ударить, он уже падает.

Одесский вор Соколов переминался с ноги на ногу рядом с Булой. Не понимая разговора, он кивал головой и улыбался. Его тонкие усники растягивались, а продолговатые глаза становились еще уже. Напарник Булы Поспешин тупо смотрел на окружающих и молчал. Он привык больше объясняться руками, чем языком.

В смежной комнате шли последние приготовления. Косопалый Пауль и Маленький Шульц разрезали толстый круг домашней колбасы, присланной из Нормандии аббату Эноку, Трумпф в суповой алюминиевой кастрюле раз-

бавлял водою денатурат. Он поминутно снимал пробу, отчего глаза его соловели все больше и больше.

— Обьединие! Коньяк... Бьет по мозгам начисто. Раз — и готово!

Косолапый Шульц не выдержал.

— Дай-ка ложечку.

Но попробовать денатурат он не успел. Распахнулась дверь, и кто-то дрогнувшим голосом крикнул:

— Густ идет!

Встреча с лагерфюрером не предвещала ничего хорошего. Трумпф схватил кастрюлю и заметался по комнате. Наконец Олесс втолкнул Трумпфа в туалетную:

— Замри!

И поспешил навстречу лагерфюреру.

Бандиты старались принять непринужденный вид.

Лагерфюрер Густ явился в сопровождении унтер-офицера Фрица Рэя. Сын прусского кулака Фриц Рэй недавно окончил Мюнхенский университет. Он был типичным представителем новых немцев, воспитанных в годы гитлеризма. Рослый, с бычьей шеей и выпученными мутно-серыми глазами унтер-офицер считался грозою Малого лагеря. Среди эсэсовцев он слыл «спортфюрером» и мастером пыток. Никто не мог соперничать с ним в изобретательности по этой части.

Густ, постукивая гибким прозрачным стеклом по лакированным крагам, обвел пронизывающим взглядом вытянувшихся зеленых. Заметив поляка Булу и русского Соколова, лагерфюрер молча шагнул к ним и взмахнул стеклом. На мизинце сверкнул черный бриллиант. Бул и Соколов съежились.

— Вон!

Те шмыгнули к дверям.

— Лагерфюрер будет разговаривать только с немцами, — пояснил Рэй.

Через несколько минут в двенадцатом блоке остались одни немецкие уголовники.

— Стул лагерфюреру! — крикнул Олесс.

Сев на широкую табуретку, Густ сказал:

— Рейхедойчи — немцы Великой Германии! Вы совершили тяжелые грехи и отбываете заслуженное наказание. Но мы, командование, понимаем ваше печальное положение. Мы идем вам навстречу, желая облегчить вашу участь. Комендант Бухенвальда штаидартенфюрер Карл

Кох передает вам свое немецкое сочувствие и просит сообщить, что каждый из вас имеет возможность зарабатывать деньги. Вы должны выявлять активных политических и уничтожать их. Комендант Бухенвальда штандартенфюрер Карл Кох обещает за каждого убитого активиста выплачивать по двадцать марок!

— Это мы просто, — воодушевленно прорычал Громила, — только считайте!

— А как платить будете, поштучно или десятками? — спросил Джонни-профессор, прикидывая в уме будущие барыши.

Олесс молча почесал затылок. Он вспомнил слова Гельмута Тимана: «Помните, за каждого политического отправим в крематорий двух зеленых». Тут, кажется, работаешь на свою шею...

— Спокойно! — Фриц Рэй поднял руку, — лагерфюрер еще не кончил.

— Вам принесут боксерские перчатки, — продолжал Густ, — дело должно делаться без лишнего шума, чисто. Организуйте подобие спортивных состязаний. Докажите превосходство силы и духа высшей арийской расы!

«Вот это, кажется, идея! — Олесс ухватился за мысль лагерфюрера. — Тут уже не подкопаешься. Что ж, держись, политическое!»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Если Большой лагерь Бухенвальда называли адом, то Малый лагерь, расположенный в северной стороне, можно было бы окрестить адом в аду. Этот лагерь считался карантинным. Сюда пригоняли пленников со всех стран Европы. Одних отсюда отправляли в другие лагеря, других оставляли в рабочих командах, третьих — уничтожали. Тысячи узников умирали от голода и болезней.

Андрей попал в шестьдесят второй блок Малого лагеря. Он уже побывал в трех концлагерях, но вид этого барака заставил его содрогнуться.

Четырехэтажные нары были разделены вертикальными стойками на отсеки чуть больше метра в ширину и в высоту. В каждом таком кубике находились пять-шесть человек. Люди лежали плотно прижавшись друг к другу. Громко бредили тифозные, истерически кричали сума-

шедшие. В воздухе стоял удушливый запах пота, гниения.

Обезображенные голодом лица, воспаленные глаза. Одни смотрят на пришедших с тупым равнодушием, другие со страхом: «Неужели и этих будут втискивать между нами?»

Новички, осматриваясь, столпились в центре блока.

Андрей услышал, как кто-то позади него сказал по-русски:

— Вот они — салаги!

Бурзенко обернулся. В дверях стояли трое заключенных в полосатой одежде с зелеными значками на куртках. Андрей сразу отметил, что они не были так истощены, как остальные обитатели блока. Андрея поразило, что у одного из них под горбатым носом темнели тонкие холеные усики. Видимо, этот тип имел возможность следить за собой. Стоявший рядом белобрысый верзила что-то тихо сказал своим партиерам, показывая на Андрея, а затем крикнул:

— Эй ты, галоша, плыви сюда!

Андрей не тронулся с места. Трое направились к нему. Белобрысый, бесцеремонно ощупывая куртку Бурзенко, смачно прищелкнул языком. Тип с усиками — это был одесский вор Соколов, — засунув руки в карманы брюк, небрежно кивнул белобрысому:

— Киля, скинь этот макинтош.

Белобрысый, оглядев Андрея, нарочито вяло ответил:

— Он не скидывается.

Соколов ленивым движением полез в боковой карман, вытащил тряпку, очевидно заменявшую носовой платок, и тем же ленивым движением поднял ее к своему носу. Андрей заметил, что в тряпке блеснуло лезвие ножа. Смерив Андрея взглядом, Соколов спросил:

— А почему ж он не скидывается?

— В нем, кажется, человек.

— Киля, а ты его вытряхни.

Андрей понял, что словесные объяснения не приведут к мирному результату. Нахалы не отвяжутся. Решившись, он резко шагнул к Соколову.

Удар был настолько молинеиосным, что никто не успел его увидеть. Нелепо взмахнув руками, бандит плюхнулся на пол. Нож отлетел в сторону. Оба парника Соколова бросились к двери.

Заключенные, пританцываясь на нарах, радостно выглядывали из клетушек.

— Вот это дал!

Соколов с перекошенным лицом пополз на четвереньках к выходу. Со всех сторон в него полетели деревянные башмаки. Кто-то запустил ему вслед мнсков:

— Получай, гадина!

Узники с симпатией рассматривали новичков.

— Эй, хлопец, — позвал Андрея из одной клетушки, — подойди сюда.

Бурзенко подошел.

— Лезь, хлопец, есть местечко! — пригласил заключенный, говоривший с украинским акцентом.

В отсеке уже находилось четыре человека. Они потеснились и освободили место.

Андрей вытянулся на жестком вонючем тюфяке: как он устал за этот день!

Посыпались вопросы: откуда родом? за что попал в Бухенвальд? где воевал? Черноглазый скуластый парень, лежавший рядом, дружески улыбнулся:

— Русин?

Он пожал Андрею руку и, ткнув себя в грудь пальцем, сказал:

— Славко. Партизан. Югославия.

Вторым соседом оказался чех Иозеф. Дальше бок о бок с ним лежали поляк Бенник и украинец Иван Пархоменко, тот, который назвал Бурзенко хлопцем.

— А знаешь, кого ты стукнул? — спросил Пархоменко. — Это одесский вор Соколов. Он набрал банду, которая хозяйничает тут. Издеваются, хлеб забирают, одежду...

Андрей обратил внимание на левое ухо нового знакомого. Оно было наполовину срезано.

— Это меня обкорнали в гестапо за отказ работать на немцев, — пояснил Пархоменко, перехватив взгляд Андрея.

И рассказал о том, что работал слесарем в Днепропетровске, а попал в Бухенвальд за организацию вредительства и саботаж на восстанавливаемом немцами заводе.

Славко и Пархоменко охотно рассказали Андрею о лагерных порядках. Через час он уже знал, что все заключенные Бухенвальда носят отличительные треугольники. Они пришиваются на куртках с левой стороны груди и на

брюках. А над ними кусок белой материи с номером. Цвет треугольника обозначает «состав преступления»: зеленый — уголовники, красный — политические, черный — саботажники, фиолетовый — представители религиозных культов, и т. д. А буквы на треугольниках обозначали национальность: «R» — русские, советские, «F» — французы, «P» — поляки... Чистые треугольники, без букв, носят только немцы. А евреям пришиваются два треугольника, образующих шестиконечную звезду.

— Самое страшное, хлопек, быть «флюгпунктом», — рассказывал Пархоменко. — Нашьют тебе на грудь и на спину белый круг с красным яблоком посредине. Такой знак — его здесь «розочкой» называют — хуже еврейского. Ты становишься живой мишенью. И бьют тебя без всякого повода, и стреляют в тебя ради шутки.

— А кому такое пришивают?

— Штрафникам, тем, кто убегал из концлагерей.

У Андрея отлегло от сердца: он бежал дважды, но, по-видимому, в канцелярии об этом не известно.

Бурзенко узнал, что старшина блока Отто Гросс — политический заключенный, немецкий коммунист. О блокфюрере фельдфебеле Крегере Пархоменко сказал, что тот настоящий сатана.

— Но еще страшнее, — продолжал Пархоменко, — унтершарфюрер Фриц Рэй, которого наши стукнули на Восточном фронте под Смоленском... Жаль, что недобили. Ох, и зверюга! Мы его Смоляком прозвали. Смотри, хлопек, он новичков допрашивать любит. И если услышит слово «Смоленск», забудет до смерти. Многих он, подлец, на тот свет спровадил...

Вечером, когда зажглась тусклая электрическая лампочка, к нарам подошел заключенный, появившийся здесь, очевидно, из другого блока. Лицо его показалось Андрею примечательным: высокий лоб, пронизательные глаза.

Пархоменко мгновенно вскочил на ноги и подтянулся перед пришедшим, как перед командиром. Они отошли в сторону, но Бурзенко расслышал их разговор.

— Иван, как профессор?

— Зайятный человек. Вы только поглядите, Сергей Дмитриевич, — он тут просто университет развел. — Пархоменко указал на большую группу узников, собравшихся вокруг стола в конце барака. За столом сидел тощий седой человек в больших очках.

— Эх, Иван, замечательный это ученый, с мировым именем! Как только немцы перед ним не прыгали. Именье дарили. Институт предлагали. Купить хотели! Но не вышло. Вот он какой! А ты говоришь — зайнятый.

Они направились к профессору.

Подстегинутый любопытством, Андрей прыгнул с иар и последовал за ними.

Заклученные внимательно слушали профессора. Чем же он увлек этих голодных и забытых людей? Бурзенко протисиулся поближе к столу. Через головы узников он увидел, что профессор что-то чертил алюминиевой ложкой. Приглядевшись, Андрей узнал контуры Каспийского моря.

— Друзья мои, как вы уже знаете, Каспийское море — одно из самых древних водоемов нашей планеты. Да-с. У его берегов постоянно селились люди. Иначе не могло и быть. Ведь море давало все необходимое для жизни. Люди любили Каспий, и каждый иарод давал ему свое название. Получилось так, что море пережило огромное количество имен. За многовековую историю название моря менялось более пятидесяти раз! Я уже говорил вам об этом. Последнее название оно получило от племени, которое проживало на его берегах. Люди этого племени называли себя каспиями.

— Разрешите прервать вас, дорогой профессор? — сказал Сергей Дмитриевич.

Ученый поправил очки, внимательно посмотрел на говорившего и весь осветился радостью:

— О, товарищ Котов! Рад, очень рад!

Профессор поднялся, пожал Котову руку:

— Как дела-с, молодой человек? Что нового?

— Какие могут быть дела, Петр Евграфович? Просто пришел вас проведать.

Котов обратился к заключенным, ожидавшим продолжения лекции:

— Ребята, дайте Петру Евграфовичу отдохнуть. Что ж вы его так эксплуатируете?

Узники, улыбаясь, начали расходиться. А профессор отчаянно запротестовал:

— Помилуйте, товарищ Котов, меня никто не эксплуатирует! Нет, нет! Напротив, это я их эксплуатирую! Да-с!

— Вам нельзя переутомляться, дорогой Петр Евграфович.

— На самочувствие не/жалуюсь, уважаемый. Я — как все. Да-с.

Котов взял профессора под руку.

— Вам приветы,— сказал он, когда они отошли.

— От кого, позвольте узнать?

— От французов, Петр Евграфович. Кланяется вам профессор Мазо Леон, доктор медицины Леон-Киидберг Мишель. И еще, Петр Евграфович, недавно прибыл новый заключенный, доктор богословия, профессор истории Антверпенского университета Лелуар. Он знает вас, читал труды ваши на французском. Лелуар очень хочет познакомиться с вами.

Котов достал из внутреннего кармана бумажный кулек и положил в карман полосатой куртки профессора.

— Молодой человек, вы меня обижаете-с. Ни, ни, ни! Я не хочу подачек. Я — как все!

Котов, пожимая руки профессору, сказал ему властно и ласково:

— Чудак вы, Петр Евграфович. Французы просили передать. Они любят вас. Ну, что плохого, если хорошие друзья поделились. Им ведь присылают из дома.

Андрей подошел к Пархоменко и спросил, кивая в сторону Котова:

— Кто это?

Пархоменко с минуту помолчал, поглядел испытывающе на иовичка и ответил, добродушно усмехнувшись:

— Всею свое время. Много будешь знать, хлопец,— скоро состаришься. Идем-ка лучше спать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром, когда заключенные с жадностью проглотили кружку эрзац-кофе с кусочком черного суррогатного хлеба и собирали крошки со стола, в бараке появился унтершарфюрер Фриц Рэй.

— Выходи строиться!

В чистой, отутюженной форме, начищенных сапогах, гладко выбритый Смоляк медленно прошелся вдоль строя. В правой руке он сжимал толстый хлыст из воловьих жил. Из расстегнутой кабуры угрожающе темнела рукоятка пистолета. Смоляк прохаживался, напевая фашистский марш:

Если весь мир будет лежать в развалинах,
К черту, нам на это наплевать...

Потом он остановился и обратился на ломаном русском языке к новичкам, которых выстроили отдельной группой:

— Вы есть немецкий пленный, большевик. Большевик — это зараза. Зараза надо уничтожайт. Но мы есть немцы, гуманный нация. Мы вас не убивайт. Вы надо работайт. Мы хорошо платим рабочий рука. Вы обязан...

— На-кося выкуси! — раздался на левом фланге чей-то звонкий голос.

Напыщенность и надменность, написанные на лице Смоляка, словно ветром сдуло. Он рывком обернулся и подскочил к левому флангу:

— Что есть «накуся выкуся»? Кто переведи?

Строй молчал. Фриц Рэй скользнул злыми глазами по бледным лицам узников.

— Что есть «накуся выкуся»?

Не получив ответа, он привычным движением взмахнул рукою. Смоляк бил тяжелым хлыстом по лицам, плечам, бил яростно, повторяя:

— Вот есть «накуся выкуся»!

Довольный своей находчивостью, избив десяток беззащитных людей, унтер-офицер успокоился. На его красном лице появилась улыбка. Он что-то сказал охраннику. Тот, козырнув, бегом побежал в сторону канцелярии и вскоре вернулся с велосипедом.

— Ну, хлопец, держись, — шепнул Андрею Пархоменко, — Смоляк с нами поедет...

На работу погнали в каменоломню. Там добывали камень для строительства эсэсовских казарм. Солнце уже стояло высоко, когда колонна заключенных, окруженная эсэсовцами, вышла за черту концлагеря. Смоляк ехал рядом. Мощенная камнем дорога петляла по склону горы.

Андрей, шагавший в одной шеренге с Пархоменко, внимательно осматривал местность, стараясь запомнить каждый поворот, каждый бугорок. «Чтоб ночью не блуждать», — думал он. Мысль о побеге ни на минуту не оставляла его.

Вдруг раздался отчаянный крик. Вдоль дороги были расположены постройки для служебных собак. И вот

сюда, на площадку, огороженную колючей проволокой, пьяные эсэсовцы вталкивали десяток узников. Один из них, молодой, белокурый, не хотел идти, упирался. Рыжий немец подскочил к нему и ударил рукояткой пистолета по голове. Юноша свалился. Его взяли за руки и ноги и вбросили на площадку. В ту же секунду эсэсовец спустил овчарок. Они бросились на свои жертвы.

Узники в отчаянии метались по площадке. Но спасения нигде не было. Разъяренные псы сбивали несчастных с ног и впивались в них зубами. Душераздирающие крики, злобное рычание собак и хрип умирающих слились в один протяжный, ужасный рев...

Колонна заключенных дрогнула. Многим приходилось видеть страшные картины, но эта была потрясающей.

Андрей в бессильной ярости сжимал кулаки. Один из узников, поляк Беник, сосед Андрея по нарам, не выдержал. Охнув, он схватился рукой за сердце. Ему стало дурно. Это заметил Смоляк.

— Выйти из строя! — приказал он.

Шлепая деревянными подошвами, Беник вышел на край дороги.

— Шагом марш на псарию!

Поляк задрожал:

— Пан офицер...

Фашист поднял пистолет:

— Бегом!

Поляк, спотыкаясь, побежал к проволочной ограде.

— Просунь руку! — крикнул палач.

По лицу узника покатались крупные слезы. Он бледными губами прошептал: «Святая Мария!» — и медленно протянул левую руку за колючую проволоку. В нее мгновению вцепились зубами две лохматые овчарки. Раздался нечеловеческий вопль.

— Теперь не будешь хвататься за сердце, — ехидно сказал Смоляк и расхохотался.

От этого грудного, ледяющего душу хохота мурашки побежали по спине Андрея. Он видел убийц в солдатской форме гитлеровской армии, видел палачей в коричневых рубашках гестаповцев, видел садистов в форме эсэсовцев. И все они выполняли свое грязное дело автоматически, как заведенные машины, с тупым равнодушием или с открытым остервенением. Но он еще ни разу не видел, чтоб мук людей вызывали радость и наслаждение. В этом

было что-то неестественное и до отвращения омерзительное.

Беник все еще стоял возле проволоки. В его застывших от ужаса и боли глазах медленно угасали искры разума. Темные волосы, разделенные простриженной полосой, на глазах у сотни узников стали белеть, белеть, словно их посеребрили осенние заморозки. А хохочущий Смоляк неторопливо отъехал на велосипеде и, придерживая левой рукой руль, правой спрятал пистолет.

— Мы, германцы, гуманная нация. Живни!

Бенику нужно было срочно оказать помощь. Но старший охранник не пожелал возвращаться назад, в лагерь. Тогда Славко оторвал от своей рубахи рукав. С помощью Бурзенко он перевязал поляку кровоточащую рану.

Колонна снова тронулась в путь. Смоляк ехал рядом, напевая:

Если весь мир будет лежать в развалинах,
К черту, нам на это наплевать...

Узники двигались к каменоломне. Солнечные лучи, прорвав пелену утреннего тумана, ложились яркими пятнами на овсяное поле, которое показалось справа от дороги и вдаль упиралось в зеленую стену леса, освещали красную черепицу высоких крыш эсэсовских вилл, играли сотнями зайчиков в окнах солдатских казарм. Туман медленно уползал в долину, в межгорье, повисая плотным покрывалом над мрачными хвойными чащами.

Вдаль показался всадник. Серый породистый скакун, игриво перебирая тонкими ногами, стремительно приближался. Андрей присмотрелся. В седле сидела женщина. Темный камзол, лаковые сапожки и рыжие, взбитые ветром, волосы. Мгновенье — и она поравнялась с колонной.

Узники, как по команде, нагнули головы. Пархоменко одернул Андрея:

— Не смотри. Заметит охранник, получишь двадцать пять горячих по задку.

Про Эльзу, жену Коха, Андрей слышал. Неужели эта изящная амазонка, эта огневолосяя красавица и есть та зверюга, о которой ему рассказывал Пархоменко?

Фриц Рэй, едва всадница показалась на дороге, замер на месте. Эльза проскакала рядом, и комья земли, выле-

тевшие из-под копыт жеребца, застряли в велосипедных спицах. Смоляк, смачно прищелкнул языком, повернул машину и, налегая на педали, устремился следом за всадицей.

Весь день Андрей двигался, работал, разговаривал, а в его ушах все время звучали крики умирающих, рычание овчарок, грудной хохот эссовца... Бурзенко с остервенением бил киркою в твердый камень и думал, думал. «Надо что-то делать... надо что-то делать...»

Вечером, когда оранжевый закат позолотил серые камни, лег румянцем на бледные лица узников, когда уставшие от безделья охранники разминали затекшие ноги, в каменоломне неожиданно появился Смоляк. Глаза его свирепо сверкали. Лицо перекосила злоба. Волосы были взъерошены, а воротник мундира расстегнут. Никто, даже старожилы, не видели еще унтершарфюрера в таком разъяренном виде.

Старший надсмотрщик, не успевший вовремя вскочить и отдать рапорт, получил пощечину.

Фриц Рэй приказал команде 62-го блока прекратить работу и выстроиться.

— Хлопцы,— приказал Пархоменко,— лопаты не бросать.

Андрей сжал в руках свою лопату. Подняв голову, он заметил, что все узники, как один, последовали этому примеру. Не выпуская из рук лопаты и кирки, они угрюмо занимали свои места в строю.

Размахивая пистолетом, Фриц Рэй побежал к левому флангу. Он извергал ругательства и повторял:

— Я знаю, что есть «накуся выкуся»!

Люди на левом фланге замерли.

— Кто скажит «накуся выкуся»? Шнел!

Строй ответил угрюмым молчанием.

Смоляк, взмахивая пистолетом, начал считать:

— Аи, цвай, драй...

Заклученные знали, что при счете «десять» он нажмет на спусковой крючок. Заклученные, поблбднв, застыли.

И вдруг, перебивая Смоляка, раздался твердый и властный окрик:

— Стой, гадюка!

С левого фланга вышел коренастый русский. Андрею не было видно его лицо, он видел только мускулистую спину и широкую шею.

— На-кось, выкуси! — вышедший сделал жест, пояснявший смысл восклицания.

Рэй, не ожидавший такой смелости, в недоумении поднял брови. Его глаза стали наливаться кровью.

— А-а-а! — завопил он и двинулся к смельчаку.

В ту же секунду коренастый принял оборонительную позу. Острый край лопаты блеснул, как штык.

Фриц Рэй вдруг остановился. Он увидел сотню поднятых лопат и кирок. Но еще внушительней были скрещенные на нем взгляды узников, острые, как ножи, полные лютой ненависти.

Мгновению в памяти унтершарфюрера всплыла смерть Штерка, изуродованное кирками и лопатами тело. Эсэсовца охватил страх. Медленно, шаг за шагом попятился он назад.

На помощь Смоляку спешили два охранника. Он окинул их презрительным взглядом и выругался. И тут Фриц Рэй заметил поляка Бейника. Тот продолжал сидеть в тени и, поддерживая здоровой рукой кровавый обрубок, улыбался блаженной улыбкой помешанного.

— Взять его! — приказал Фриц Рэй охранникам.

Уходя, он оглянулся на коренастого:

— Ты есть счастливый!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда подполковника Смирнова уводили два эсэсовца, узники тридцатого блока, не скрывая сочувствия, столпились у двери и долго смотрели ему вслед.

— Неужели Ивана Ивановича в расход? — вслух подумал Виталий Логунов, который больше других за эти дни сблизился с прямым и суровым командиром.

— А то куда же? Ясное дело, в «хитрый домик», — широкоплечий костистый волжанин глубоко вздохнул.

Иван Иванович шел прямо, высоко подняв голову.

— Такие люди, как подполковник, вроде стали. Они не гнутся. Русский характер!

Узники смотрели на удаляющихся. Вот они, поднимаюсь в гору, прошли широкую площадь, миновали солдатскую лавку, подошли к главным воротам. Остановились.

«Если повернут направо, — значит, в гестапо, будут пытать, — думал Логунов, — а если выведут из лагеря и

направятся вдоль колючей проволоки,— значит, в «хитрый домик», на расстрел...»

Ивана Ивановича повели к воротам. У Логунова сжалось сердце. У ворот к ним присоединился еще один эсэсовец. По блеснувшей на солнце нашивке Виталий определил: офицер. Они вывели Смирнова из лагеря и повернули налево.

Заключенные переглянулись: куда же повели?

— Может, в канцелярию? — предположил волжанин.

— В той стороне нет канцелярии, — ответил Логунов. Там офицерский городок.

Ивана Ивановича действительно конвоировали к офицерскому городку. Минувая двухэтажные солдатские казармы, расположенные полукругом на вершине Эттерсберга, направились по широкой аллее вниз. Этот южный склон резко отличался от северного. Здесь было больше тепла, солнца, зелени. Зоркий глаз подполковника отмечал расположение казарм, запомнил планировку улиц, определял важные объекты: гараж, склад, столовую, офицерские виллы.

Подполковника привели в штаб к коменданту лагеря. Штандартенфюрер Карл Кох, прежде чем расстрелять Смирнова, пожелал увидеть его и побеседовать с этим русским старшим офицером, который не скрывает ни своего звания, ни взглядов и даже перед лицом смерти держится гордо и независимо. Ивана Ивановича ввел в кабинет. Карл Кох встал навстречу.

— Это вы и будете подполковник Смирнов? — спросил на чистом русском языке высокий унтер-офицер, переводя вопрос коменданта.

Кох пристально посмотрел на Ивана Ивановича.

Они стояли друг против друга, почти одного возраста, почти равные по воинским званиям: сын костромского крестьянина и уроженец Дармштадта, наследник мясной лавки Кохов. За плечами у каждого — большая трудная жизнь, прожитая по-разному. Иван Иванович Смирнов прошел суровый путь от рядового солдата до командира артиллерии дивизии, сражаясь за свободу трудового народа. Карл Кох добился звания штандартенфюрера, полковника дивизии СС «Мертвая голова», сражаясь против трудового народа, против его свободы.

В годы гражданской войны, когда жители Даурии, Иркутска, Читы, освобожденные Красной Армией от кол-

чаковцев, цветами встречали молодого красного командира Смирнова, в эти годы, изнывая от неудовлетворенной жажды власти, юный Кох организовывал тайные кружки националистов, в которых зарождалось коринчевое движение.

В начале 30-х годов, когда командир группы бронепоезда Иван Смирнов, отстаивая независимость Советской Республики, сражался с японскими самураями, громил белохитайского генерала Ляна во время конфликта на КВЖД, в эти годы молодой начальник СС Карл Кох сражался против граждан своей страны: разгонял демонстрации, подавлял забастовки, устраивал еврейские погромы и открыто призывал к созданию грандиозных концлагерей.

Перед самой войной, когда преподаватель высшей офицерской артиллерийской школы подполковник Иван Иванович Смирнов отдавал свои знания и опыт будущим командирам, будущим героям обороны Москвы, героям Ленинграда, Сталинграда, Севастополя, в это же самое время штандартенфюрер Карл Кох, комендант крупнейшего в Европе политического концлагеря Бухенвальд, учил своих подчиненных пытать, убивать, организовывать массовые казни, проверял действие печей крематория, готовился претворить в жизнь гитлеровский план «Обезлюднения Европы».

— Садитесь. Вы большевик?

Иван Иванович ответил утвердительно.

Кох усмехнулся.

— Странно видеть подполковника в таком жалком виде. Вам, вероятно, предлагали вступить в «Российскую освободительную армию», которой командует русский генерал Власов? Вы могли бы иметь видное положение в этой армии.

— Быть военнопленным — не значит быть предателем.

— Отдаете ли вы себе отчет в своих поступках здесь, в положении военнопленного?

— Что вы имеете в виду?

— Вы разводите большевистскую пропаганду, надеясь сорвать планы немецкого командования.

— Митингов я не устраивал. Будучи лишен свободы, я не лишен права мыслить, не лишен языка, чтобы своими мыслями обмениваться с людьми, которые окружают меня.

Переводчик внимательно посмотрел на спокойное лицо Ивана Ивановича и стал переводить его ответ.

— Ваша агитация вредна для вашей родины. Мы хотим привлечь военнопленных для налаживания порядка в вашей стране. Советские офицеры вступают в немецкую армию. Советские инженеры и рабочие-специалисты идут на наши заводы. У вас в стране в целом и в армии полное разложение, хаос. Мы должны спасти Россию общими усилиями.

— В Советском Союзе существуют такие организующие силы, которые не допустят разложения в армии и беспорядка в стране. Я глубоко убежден в победе моего народа.

Кох рассмеялся:

— Вы наивный человек!

Комендант открыл ящик письменного стола и вытащил листок, исписанный мелким почерком.

— Я покажу вам документ, который лишний раз свидетельствует о том, что разложение в Красной Армии явилось следствием больших пробелов в воспитании. Немецкий офицер никогда бы не решился написать донос на другого офицера, да еще старшего! Вот, почитайте,— штандартенфюрер протянул бумагу подполковнику.

Это был донос.

Иван Иванович пробежал взглядом по неровным строчкам, написанным, видимо, дрожащей от страха рукой: «Военнопленный подполковник Смирнов ведет в бараке большевистскую пропаганду...» «Комиссар Смирнов рассказывает о каких-то новых победах Красной Армии...» «В течение суток у него на беседах бывают десятки военнопленных...» «Коммунист-подполковник является очень опасным человеком в лагере...» Взглянул на подпись: «лейтенант Пековский».

Кох выжидающе наблюдал за подполковником.

Тот свернул лист вчетверо и положил его на стол:

— В семье не без урода.

Их взгляды встретились. Иван Иванович сурово смотрел в серые, оловянные глаза коменданта:

— Что же касается некоторых пробелов в воспитании, то, как показывают события на фронтах, Красная Армия их успешно исправляет.

Кох вскочил:

— А откуда вам известно положение на фронтах!?

Подполковник ответил, что в концлагерь поступают люди, попавшие в плен значительно позднее его, и он считает их сведения достоверными.

— Вы заблуждаетесь! Незначительная уступка территории, предпринятая немецкой армией для выравнивания линии фронта, не есть отступление!

Унтер-офицер едва успевал переводить. Он хорошо знал характер коменданта. Такая разговорчивость обычно ничего хорошего не обещала.

— О каких успехах вы можете говорить, когда немецкая армия находится в центре вашей России? Инициатива в наших руках. Мы диктуем ход войны. Это видит весь мир! Я даже могу сказать больше: на днях начнется новое грандиозное наступление, и доблестные войска фюрера пройдут до Урала! Вы, русские, еще увидите это!

— Господин полковник, сомневаюсь, что я увижу подобное.

Штандартенфюрер сел.

— Вы правы. Вам, подполковник Смирнов, этого не увидеть. Через пятнадцать минут вас расстреляют.

Иван Иванович гордо улыбнулся:

— Вот в этом, господин комендант, я не сомневаюсь.

Кох пришел в бешенство.

— Встать!

Узник неторопливо поднялся.

— Русская свинья, ты не умрешь! Ты будешь жить. Великая Германия умеет наказывать своих врагов. Ты будешь жить, чтобы мучиться в этом аду, гнить, сожалея и раскаиваясь. Ты будешь ползать на коленях и видеть торжество Германии!

Подполковника Смирнова вывели из кабинета.

В коридоре его догнал переводчик.

— Герр подполковник, я несколько смягчал ваши показания. Вас не расстреляют, — унтер-офицер заискивающе глянул в лицо Ивана Ивановича. — Надеюсь, вы не забудете этого.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Первые недели новых «гофлингов» — заключенных — приучали к лагерным порядкам. Около барака ежедневно по три часа проводились занятия. Капо — капрал рабочей команды уголовник Август Скауц — добивался,

чтобы каждый новичок и все вместе выполняли приказанья дружно бегом. Только бегом. Стояло одному замешкаться — и все начиналось сначала. Особенно «отрабатывались» приемы снятия головного убора.

Андрей раньше никогда не подозревал, что такое простое действие — снятие шапки — может стать серьезным «делом», требующим внимания и ловкости.

Громила — Август Скауц — требовал, чтобы при встрече с эсэсовцами заключенные мгновенно снимали головные уборы. Делать это следовало по команде «Мютцен ап!». Услышав «мютцен», заключенные должны были схватить правой рукой шапки и при возгласе «ап!» стукнуть себя по бедру. Идиотское упражнение проделывали сотни раз. И если Громила замечал разную, виновник получал затрещину.

Вечерами, после проверки — «аппеля» — и отбоя наступало свободное время. Охранники, эсэсовцы уходили из лагеря, капо расходился по своим каморкам или шел в клуб смотреть очередной кинобоевик. Только усиленные патрули с собаками бродили вокруг лагеря, а с пулеметных вышек зорко всматривались в квадраты кварталов автоматчики. Хождение по лагерю после отбоя воспрещалось.

Однако в эти вечерние часы, рискуя жизнью, из блока в блок пробирались заключенные, искали близких, земляков. А зеленые в это время открывали меновую торговлю.

Тускло светят электрические лампочки. Одни заключенные, измученные непосильной работой, едва-едва переступив порог, сразу же повалились на нары, спят. Другие занимаются своими делами: латают полосатую робу, чинят обувь, мастерят из куска дерева или кости какой-нибудь замысловатый мундштук или портсигар.

Сегодня в блок пробрался незнакомый заключенный с маленькими мышиными глазами.

— Кто у вас тут русские? — с заговорщицким видом тихо спросил он.

Его тотчас окружили советские военнопленные. Пархоменко толкнул локтем Андрея:

— Пойдем послушаем.

Гость уселся на табуретку и, обведя всех хитрым взором, начал:

— Ну как, ребята, надоело здесь?

— Еще бы,— сочувственно закивали окружающие, а кто-то вздохнул:

— Эх, домой бы сейчас...

— Домой? — оживился незнакомец.— О доме, друг, забудь.

— Это почему?

— Да по всему,— дома у тебя нет и с родными никогда в жизни не встретишься.

— Ты балаиду нам не разводн. Выкладывай дело,— зашумели заключенные.

— А я и не развожу,— незнакомец уставился на Андрея.— Вот ты, парень, кто ты есть?

Андрей от неожиданности растерялся. На него со всех сторон смотрели товарищи по блоку. Андрей не знал, что ответить. Кто он есть? Над этим вопросом он никогда не задумывался, ибо считал себя все тем же, кем он был два года назад — советским человеком.

А человек с мышиными глазами, воспользовавшись замешательством Андрея и глядя ему в лицо, бросил:

— Ты есть предатель родины!

— Что-о? — у Андрея заходили желваки.

— Ты не кипятись,— замахал руками незнакомец и вместе с табуреткой попятился назад.— Я тебя не считаю предателем... нет, нет!

— А кто считает?

— Там, дома. Дома на родине, на родине тебя считают предателем! И тебя, и меня и всех нас считают предателями! Изменниками! Мы нарушили устав, мы нарушили военную присягу. Там, дома, нас ждет наказание, статья уголовного кодекса. Это факт! Мы здесь мучаемся, а там, на родине, для нас в Сибирь места подготовлены. Вот что, земляки,— немного выждав, продолжал незнакомец,— все мы, выходит, стали людьми без родины. Это как пить дать. И тут плохо и там хлебом-солью не встретят...

— Да...— неопределенно протянул кто-то из заключенных.

— Но есть люди, которые о нас думают, беспокоятся,— таинственно произнес провокатор.— Есть русские патриоты! Они собирают армию. Российскую освободительную армию! Тот, кто запишется в нее, получит сразу освобождение из лагеря, шерстяное обмундирование и другие привилегии. Вот, прочтите!

И он вытащил из кармана пачку листовок.

— Пстой, пстой,— поднялся вперед Пархоменко,— а почему эту армию зовут освободительной? Она что — Родину от немцев освобождает?

— Чудак! — усмехнулся «гость». — Не от друзей-немцев, а от врагов России, от большевиков!

Наступило молчание. Первым не выдержал Андрей. Он молча снял с ноги тяжелую деревянную колодку и потряс перед носом негодяя:

— Вот видишь эту штуку? Если ты, шкура, еще рот откроешь, я этой колодкой тебе по морде! Понял?

Незадачливый вербовщик съехался.

— Убирайся отсюда, гадина...

Видимо, привыкший к тому, что его награждают кулаками, незнакомец вскочил и попятился к двери.

Пархоменко сгреб листовки и сунул их в карман:

— У нас в нужнике нынче бумага кончилась...

Под улюлюканье вербовщик выскочил из блока.

Утром, после проверки, Андрея оставили в лагере. Его вызывали в канцелярию гестапо.

Низкое, каменное здание, темные глазницы окон. В дверях лагершущи — полицейский из заключенных уголовников. Он лениво курит сигарету, прислонясь спиной к дверям. Солнечные зайчики играют на его белесых бровях, ресницах, гладко выбритом круглом подбородке. «Совсем деревенский парень,— решил Андрей, подходя к дверям.— Такой, как и наши ребята... Снять с него только форму...»

Но стоило Андрею подойти к дверям, как полицейский преобразился.

— Шнелы!

У Андрея в предчувствии чего-то нехорошего страшного сжалось сердце.

Лагершущи быстро вынул изо рта сигарету и резким движением хотел ткнуть ее, как в пепельницу, в лицо Андрею.

Бурзенко тут же отклонился назад и по-боксерски «нырнул» под руку полицейского.

— Шнелы! — взревел тот и ударил Андрея палкой по спине.

В полутемном коридоре три двери. В какую? Лагершущи палкой направил Бурзенко в крайнюю правую.

Просторная комната, низкий потолок, на окнах цветы.

Справа у окна — письменный стол. Рядом с окном на тумбочке — радиоприемник. Пухлолицый с глазами навывкате грузинский немец в форме младшего офицера смерил Андрея холодным взглядом и жестом руки показал на середину комнаты:

— Битте!

Потом протянул руку и толстыми, как сосиски, пальцами включил приемник. Полились мелодичные звуки танго. Как давно Андрей не слышал такой музыки!

Но танго служило сигналом. Два рослых эсэсовца, вооруженных палками, выскочили из боковых дверей. На голову, плечи, спину Андрея посыпались удары. «Только бы не упасть», — подумал он, прикрывая голову руками.

Офицер глянул на ручные часы и через три минуты выключил музыку. Запыхавшиеся эсэсовцы прекратили избивание.

У Андрея гудела голова, в ушах стоял звон, все тело горело, с лица текла кровь.

В комнату, широко шагая, вошел худощавый немец в штатской одежде. На его носу блестели очки. Офицер кивнул ему головой и стал переводить вопросы:

— Лейтенант?

— Рядовой, — ответил Андрей и вытянулся.

— Врешь?

— Врать с детства не учили.

— В каких парашютных войсках служил?

— Я рядовой пехоты.

— Молчать! Отвечать быстро, не задумываясь. Почему очутился в тылу наших войск?

— Наша рота оказалась в окружении, и мы разбежались.

— Коммунист?

— Нет.

— Кем работал?

— Я был спортсменом.

— Кем?

— Боксером был.

Вопросы сыпались один за другим: где учился? в какой части служил? собирал ли профсоюзные взносы, какие носил оборонные значки? и т. д. и т. п. И в этом потоке вопросов упрямо повторялись одни: когда и где был

высажен с самолета, какое имел задание. Андрей понял: в лагерь пришло его личное дело из Дрезденской гестаповской тюрьмы.

Там Андрея допрашивал такой же грузный немец в форме гестапо, с таким же тупым взглядом, задавались те же вопросы. И так же били палками. Только там, в Дрездене, одновременно с Бурзенко допрашивали Усмана и майора москвича Ефима Семеновича. Попали они в руки гестаповцев через месяц после побега из Ганноверского «Шталанга» — лагеря военнопленных.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Это был дерзкий побег: трое советским воннам, не зная немецкого языка и местности, без компаса и продовольствия, предстояло пройти через всю фашистскую Германию и Польшу. Они ясно понимали, как малы их шансы на успех, но они предпочли бы погибнуть в неравной схватке при поимке, чем жить в фашистском плену.

Шли ночами, пробираясь по оврагам, перелескам, полям. Населенные пункты обходили стороной. Любой дом, даже одинокая усадьба лесника, маленькая будка у железнодорожного переезда грозили страшным пленом.

Путь держали на юго-восток, ориентируясь по звездам.

— Только бы выбраться из проклятой Германии, — говорил Ефим Семенович, — а там будет легче. В Польше — это почти что дома!

В первые же дни после побега, когда у беглецов немного улеглось нервное возбуждение, их стал мучить голод. Небольшой запас высохшего хлеба и соли, который удалось тайно сэкономить в лагере, растягивали на целую неделю. А пьянящий весенний воздух и утомительные переходы возбуждали неутолимый аппетит. Пробовали есть молодую траву, зеленые побеги пшеницы и кукурузы. Но от них пучило живот и тошнило.

На десятые сутки Ефим Семенович решил во что бы то ни стало раздобыть еду.

Глубокой ночью подкрались к дому, стоящему на окраине небольшой деревушки. Бурзенко направился к сараю. Он быстро нашел небольшую дверь и открыл железный засов.

В сарае темно. Ноздри щекочет запах квашеной ка-

пусты и вяленого мяса. Раздумывать некогда. Прикрываясь полою куртки, Андрей чиркает зажигалкой и видит аккуратные приземистые бочонки с капустой, помидорами, огурцами. С железных крюков свисают два обвяленных, но еще не копченых окорока. С усилием подавляет Андрей желание вцепиться в них зубами, снимает оба окорока, набивает карманы огурцами. Осматривается: что бы еще прихватить? На полке он замечает небольшой картонный коробок с сыром. Забирает и его.

Осторожно, стараясь не шуметь, Андрей выбрался из сарая и, прижимаясь к стене, крадучись, добрался до угла дома. Там его ждали Усман и Ефим Семенович.

— Что-то вкусно пахнет, — Усман потянул носом.

Полчаса быстрой ходьбы — и маленький отряд далеко углубился в лес. Как приятно шагать с такою ношею! И когда Ефим Семенович объявил привал, Усман толкнул локтем Андрея:

— Сейчас наш праздник будет.

Но майор твердо сказал:

— Никакого пира не будет. Немного подкрепимся — и ходу. Надо как можно дальше уйти.

С этими словами он отрезал самодельным ножом каждому по ломтю мяса, дал по соленому огурцу и по кусочку сыра.

— Ешьте стоя. Чтоб на земле следов не оставлять.

Еду проглотили мгновению — и снова в путь. Перед самым рассветом, когда отмахали несколько километров, остановились в глухом лесу около заброшенного дома. По стеблям прошлогодней травы, которая густо росла возле дверей, можно было заключить, что здесь давно никто не живет. Влезли на чердак и втащили туда за собой небольшую шаткую лестницу.

Впервые за многие месяцы наелись до отвала. Андрей, устроившись на охапке сена, чувствовал, как по всему телу разливается приятная слабость. Сон, словно пуховый платок, окутывал голову...

Разбудили выстрелы, лай собак, брань на немецком языке. Сна как не бывало. Андрей взглянул на товарищей.

Ефим Семенович поднял палец:

— Тсс!

И осторожно выглянул в дыру, заранее проделанную им в чердачной крыше. Лицо майора стало жестким.

— Подлюги,— выругался он,— что делают...

Андрей прильнул к небольшой щели в крыше. Рядом с домом в зарослях кустарников немецкие полицейские и несколько вооруженных парней поймали двух девушек.

Девушки отбивались, как могли. Били кулаками, царапались, кусались. Но дюжие лапы парней скрутили их. Одна из девушек, которая повыше, не выдержала, зарыдала:

— Мапочка... дорогая моя мапочка...

Вторая, видимо старшая, цыкнула на нее:

— Терпи, Катюшка... Придут наши, отомстят за все!

Это были русские девушки. Конечно, они из тех, которых гитлеровцы насильно увезли в Германию. Андрею уже приходилось встречать таких.

Гнев и ненависть охватили Андрея. На его глазах били ни в чем не повинных девушек. Били мужчины. Но что трое беглецов могли сделать без оружия с целым отрядом врагов?

— Мы трусливы, как ящерицы! — темные глаза Усмана впились то в Андрея, то в Ефима Семеновича. — Мы, будто ящерицы, свои хвосты бережем... Стыдно! Надо бороться. Бороться!

Ефим Семенович нервно жевал соломинку и ответил сдержанным шепотом:

— Надо сначала выбраться отсюда и соединиться с партизанами.

— Долгая история! — Андрей сел на солому. — Пока мы доберемся к партизанам, нас вот так, как девчат. И еще хуже. Надо мстить здесь, в самом логове врага!

— Чем? Голыми руками?

Андрей и Усман примолкли. Майор был прав.

— Сейчас самое важное — сохранить свои жизни, свои силы,— закончил Ефим Семенович. — И это тоже борьба.

...С каждым днем они уходили все дальше и дальше на юго-восток. Пока им везло.

Неоднократно удавалось уходить от погони, ускользать от своры тренированных собак, с которыми полицейские устраивали настоящую охоту за беглыми русскими.

Много пришлось перенести лишений и трудностей, но никто из них ни разу не пожаловался на усталость, на слабость.

Как-то перед рассветом беглецы вышли на железную

дорогу. Она тянулась на восток. Следовательно, по ней могли двигаться войска и грузы для фронта. Жгучая ненависть к врагу с новой силой вспыхнула в сердцах трех товарниц.

— Эх, если б мы могли взорвать! — вздохнул Ефим Семенович и даже потрогал руками рельсы. — Хоть бы лом какой...

Слева, за поворотом, сквозь редкие деревья мелькал огонек полустанка. На переезде стоял товарный эшелон. Над паровозной трубой подымался белый дым.

— Встречного ожидает, — заключил Усман и, задумавшись, спросил: — А что если стрелку сдвинуть?

— Правильно! — похвалил майор.

Но переставить стрелку не удалось. Когда Андрей и Усман подползли к ней, оказалось, что она автоматическая.

— Пошли назад, — шепнул Андрей.

— Постой, — Усман вытащил из кармана железный костыль, который он подобрал на откосе. — Давай куда-нибудь? А?

Андрей посмотрел на костыль, на развилку дороги и подумал: «Может быть, все-таки удастся?»

Лежа на земле, они с Усманом вогнали костыль в стрелку и натискали в нее камни. Потом Усман насыпал пригоршнями в автоматический механизм песок.

Оглядываясь, осторожно поползли назад. Было до боли обидно, что ничего серьезного не сделали. Сюда бы мну!

Уверенности в том, что стрелка испорчена, не было. И действительно, появившийся вскоре поезд прогромычал через разъезд. Андрей и Усман с замранием сердца прислушивались к стуку колес. Потом уныло опустили головы: не вышло! Ефим Семенович ругал их за бессмысленный риск.

— Ничего путного не сделали, а загубить себя в два счета могли. Мальчишки!

Но костыль все же «сработал». Состав, который стоял на разъезде, пытаясь, тронулся в путь. И не успел он набрать скорость, как послышался лязг буферов, грохот, скрежет железа...

Беглецы взволнованно вслушивались.

Усман, сбегавший на разведку, радостно сообщил:

— Паровоз передними колесами сошел с рельсов и

прочю «сел» на землю. Он наклонился набок, как верблюд... Молодец, Андрей. Инженер!

Друзья поспешно уходили.

Дни складывались в недели. Позади сотни километров, пройденные по фашистской Германии ногами. Сотни километров тяжелого и голодного похода.

Однажды они увидели впереди сверкающую в лунном свете серебряную ленту реки. В воздухе повеяло прохладой, пахло илом и рыбой.

Ефим Семенович снял фетровую шляпу, взятую в кладовке какого-то бауэра, и долго смотрел вперед:

— Одер...

— Одер... — повторил Усман.

Андрей покосился на потрескавшиеся от ходьбы ступни и, ни слова не сказав, зашагал вперед. За рекой должны быть польские леса.

Сохраняя осторожность, беглецы подошли к реке. Тут было значительно холоднее. Старая, потрепанная одежда, которую они «реквизировали» из чуланов и сараев, согревала плохо. Но в душе радостно и тепло. Дошли!

Ефим Семенович отправился на разведку. Он долго блуждал в прибрежной полосе, обследовал дороги, искал возможности переправы.

Вернулся он почти утром. По его лицу Андрей и Усман догадались: неприятные вести. Ефим Семенович сел на землю и грустно улыбнулся:

— Ошиблись мы... Это не Одер...

Усман и Андрей даже привстали.

— Это Эльба... До Польши еще далеко...

В этот же день Андрей и его товарищи стали жертвой облавы. Толпа так называемых «цивильных» немцев совместно с членами фашистской молодежи организации «Гитлерюнген» и полицией усердно прочесывала лес. Поимка беглых пленников приносила немалый доход: за каждого пойманного русского немецкая комендатура выплачивала по триста марок. Это солидная сумма.

Более трех часов удавалось ускользать от ярых преследователей. Беглецы много раз слышали почти рядом голоса, издали видели полицейского. Может быть, и прошли бы немцы стороной, не будь с ними собак. Одна из них и наткнулась на Андрея. Не успел Бурзенко вскочить, как овчарка с лаем бросилась на него...

Сопротивляться было бесполезно. Ефим Семенович едва успел выбросить нож.

Избитых, закованных в ручные кандалы, их доставили в Дрезден, в гестаповскую тюрьму.

Снова плен, снова все повторяется сначала. Только на этот раз Андрею пришлось познакомиться с гестаповским конвейером, с камерой пыток.

В просторном подвале сыро и сумрачно. Но едва Андрей перешагнул порог, как вспыхнули два прожектора. Свет на мгновение ослепил глаза.

— Ну как, господин русский, вы уже подумали?

Перед Андреем стоял грузиный, мордастый гестаповец. Его огромный живот был стянут лакированным ремнем.

— У вас имелось время на размышление. Жизнь человеку дается только один раз,— сказал гестаповец вкрадчивым голосом.— Да. Один раз, а вы так молоды! Мне вас жаль,— он говорил на русском языке, без акцента.— Когда вас сбросили? В какой район? Мы здесь одни, и о вашем признании никто не узнает. Клянусь вам. Скажите, какое вам дали задание, назовите явки. Нескольких слов — и ваша жизнь спасена.

Андрей молчал. Пусть гады думают, что он не беглец из концлагеря, а разведчик. Все равно и тех и тех убивают...

— Ну что ж, не хотите по-хорошему, начнем по-плохому,— и гестаповец кивнул головой.

И началось. Два рослых гитлеровца били Андрея палками. Потом вылили на него ведро воды. Когда он, шатаясь, поднялся, на него снова обрушился град ударов.

Потом ему выкручивали руки, рвали волосы, прижигали тело раскаленными железными прутьями.

— Будешь говорить?

Андрей молчал.

Гестаповец открыл портсигар, закурил. Выпуская голубые кольца дыма, медленно произнес:

— Жизнь, видимо, вам недорога. Ну, что ж. Мы вас расстреляем.

И отдал какую-то команду по-немецки.

Два палача поставили Бурзенко лицом к стене. Перед Андреем был толстый деревянный щит, весь пробитый пулями. На цементном полу виднелись следы несмытой крови... Бурзенко почувствовал на затылке холодное прикосновение пистолета. Он не мог видеть, что гитлеровец

поднял второй пистолет и выстрелил вверх. В ту же секунду палач ударил Андрея палкой по голове...

Когда он пришел в себя и открыл глаза, то не сразу сообразил, где находится. В радуге мерцающих огней увидел одутловатое лицо следователя. Гестаповец что-то говорил улыбаясь. Андрей напрягал память: где он? Что с ним происходит? В ушах глухой шум. Сквозь этот шум откуда-то издалека донеслись слова:

— Ты теперь на том свете... Да. Но и там есть немцы... Тебе от них не уйти.

Что было потом, Андрей не помнит.

Очнулся он от страшного крика. Что это?.. Перед его лицом два фашиста двигаются вверх ногами и кого-то бьют. Почему они вверх ногами? Нет, это не они, а он, Андрей, находится вверх ногами. Именно он. Его привязали за ноги к потолку. А руки, скрученные за спиной, оттягивают пудовые гири...

А кто кричит? Знакомый, очень знакомый голос. Это... это... Усман! Бедный Усман... Да, Усман, терпи, Усман! Стисни зубы и молчи, Усман!..

Усмана, так же как и Андрея, подвесили за ноги и били палками по ребрам.

Десять дней и десять ночей длился кошмар, этот страшный сон, это существование на грани жизни и смерти. Их били, ослепляли светом, дразнили едой, пытали током, уговаривали и шантажировали. Пытали по одному и всех троих вместе, по очереди на глазах друг друга и одновременно. Но никакие пытки не смогли заставить их говорить.

Особенно сильно пытали Ефима Семеновича. Фашисты переломали ему кости рук и ног. Он лежал неподвижно. Силы покидали его. Темные глаза поблекли, ввалились. Опухшее лицо в кровоподтеках и синяках. Крупные мясистые губы, покрытые темным налетом, местами потрескались. И эти запекшиеся губы шептали:

— Усман, это ты плачешь? Стисни зубы и молчи. Молчи и запоминай. Все запоминай. Придет час расплаты! Скоро придет!

Медленно наступал рассвет.. За окном, за решеткой, началось утро. Усман размазал кулаком влагу под глазами:

— Я буду молчать. Буду молчать.

— Вот так,— прошептал майор.

В камере стало тихо. Андрей задремал. Но не надолго. Его разбудил необычный хриплый голос Ефима Семеновича.

— Передайте в штаб армии... задание выполнено...

Он приподнялся на локтях, глаза лихорадочно блеснули.

— Прощайте...

Андрей и Усман бросились к другу. Усман взял большую руку майора и прижался щекой к ней:

— Ефим Семенович, не надо... Скоро солнце взойдет... Мы будем на него смотреть...

Серый квадрат неба в маленьком окне, перечеркнутый железными прутьями, постепенно становился розовым, потом красным. Красным, как кровь, которая вытекала изо рта Ефима Семеновича, красным, как знамя, под которым он жил, сражался и умер.

Тело майора два дня находилось в камере. А на третий, на рассвете, вошли солдаты и куда-то повезли Андрея и Усмана. Они обнялись на прощанье поцеловались.

Но их не расстреляли, а привезли на станцию. Там к ним подвели подполковника Ивана Ивановича Смирнова, которого сопровождал коивой гестаповцев, одетых в штатское. Трех пленников втолкнули в товарный вагон, переполненный заключенными. К вечеру Усман занемог.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Да-с, богатства Каспийского моря неисчислимы. Ни в одном водоеме нашей планеты нет ни такого разнообразия, ни такого количества осетровых. И по улову рыбы, особенно ценнейших осетровых пород, Каспий занимает первое место...

— Разрешите, Петр Евграфович, спросить?

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Вот вы говорите, что нынче ловля на Каспии самая большая в мире, — коренастый заключенный встал, словно в школе, с трудом подбирая слова, спросил: — А как же дальше будет? При такой ловле вскорости ни одной рыбины, осетрины то есть, вовсе не останется...

— Замечательный вопрос! Это, мои молодые друзья, вопрос, достойный хорошего хозяина... Давайте заглянем в будущее.

Петр Евграфович снял очки, протер полою полосатой куртки и водрузил на место с таким видом, словно действительно намеревался рассмотреть будущее с их помощью.

— Улов рыбы при современной технике ежегодно составляет всего-навсего десять процентов. Да-с, молодой человек, десять процентов. Из каждых ста осетров вылавливается только десять, а остальные растут и умножают народное богатство. Каспий — это наша бездонная кладовая, наши неисчислимые сокровища. И этим сокровищам угрожает опасность.

Профессор сделал многозначительную паузу.

— Каспий мелеет! И мелеет катастрофически быстро. Вот цифры. Вдумайтесь в них. В 1925 году уровень воды в Каспийском море был ниже уровня мирового океана на двадцать пять метров за многие тысячелетия. Это значит, что ежегодно море мелело на ничтожные доли миллиметра. Да, друзья мои. Если бы такие темпы обмеления сохранялись, нам с вами не о чем было бы горевать. Но в наш век понижение уровня Каспия резко возросло. В настоящее время понижение составляет уже двадцать шесть и три десятых метра. За какие-нибудь восемнадцать лет, прошедшие с 1925 года, уровень воды понизился приблизительно на полтора метра. Это уже опасность, это катастрофа! Ежегодно море стало понижаться почти на семь сантиметров! Это непомерно много. Да-с. Это беда. Страшная беда. Очертания берегов принимают другие формы. Там, где недавно был залив Комсомолец, сегодня обнажается дно; а завтра образуются песчаные барханы. Остров Челнкен превращается в полуостров. А Гурьев из морского и портового города становится сухопутным, море уходит от него!.. Далее. Начинает пересыхать и дельта Волги, она мелеет. А ведь именно здесь, в многочисленных рукавах и заводях, нерестуют ценные породы рыб, начинают жизнь будущие осетры и белуги!

Рассказ профессора захватил узников. Проблема Каспийского моря взволновала и их. Слушая ученого, они забывали о своем положении, о непрерывно терзавшем их голоде, о пулеметных вышках, об охранниках...

— Петр Евграфович, растолкуйте, пожалуйста, — попросил Пархоменко, — почему же море вдруг стало так убывать, словно в дне затычку вытащили?

Профессор видел, что вопрос, заданный Иваном Пар-

хоменко, волнует всех. Может быть, проблемой Каспия, которой он посвятил долгие годы своей жизни, будет заниматься кто-нибудь из этих молодых людей?

— Над этим вопросом, друзья мои, задумались многие ученые. Они провели различные научные исследования, изучили процессы испарения с морской поверхности и подсчитали количество поступающей в море воды. Тут-то и нашли отгадку. Наши реки: Волга, Урал, Эмба, Кура и Терек, — а также дожди и все подземные ключи приносили много лет назад Каспию более четырехсот десяти миллиардов кубометров воды в год, а сейчас в Каспийское море ежегодно вливается всего четыреста миллиардов кубометров.

Испарение же с поверхности Каспия составляет четыреста четырнадцать миллиардов кубометров. Как видите, друзья мои, расход значительно больше прихода. В этом и заключается главная причина катастрофы. Каспийскому морю не хватает воды! Оно задыхается от жажды! Море, которое тысячелетиями кормило и одевало целые народы, сегодня с надеждой обращается к людям. Огромное море может превратиться в небольшое соленое озеро. Такие примеры уже есть. Соленое озеро Чад в Африке когда-то было, как и наш Каспий, величавым морем: Да-с, молодые мои друзья, Каспий взывает о помощи, и мы должны ему помочь...

Пархоменко встает. Хотелось бы послушать дальше, но надо идти. Сегодня у него очередная встреча с Миханлом Левшенковым. Они видятся по воскресеньям. Напрягая до предела слух, Иван будет жадно впитывать новости. Сдерживая волнение, тихим, ровным голосом Левшенков сообщит такое, от чего захватывает дух и радостно бьется сердце. Он перескажет последние известия о положении на Восточном фронте. И сегодня же вечером, после многочасовой проверки, когда узники доберутся до своих постелей, Иван поведаст об этих новостях своим самым верным друзьям. А они завтра в каменоломне передадут сообщение надежным товарищам, а те, в свою очередь, понесут информацию дальше. Правда, которую так старательно стремятся фашисты скрыть от тысяч своих пленников, передается из уст в уста, проходит по всем баракам от человека к человеку, зажигая сердца. И пышные официальные заявления гитлеровской пропаганды «об «эластичной

обороне», «о преднамеренном выравнивании линии фронта» не разобьют, а подтвердят правдивость тайных сообщений: наши наступают!

Иван шел к прачечной, где обычно встречался с Левшенковым. Возле двенадцатого блока он увидел большую группу зеленых. Староста лагеря бандит Олесс давал какие-то указания уголовникам и вручал каждому из них боксерские перчатки. «С жиру бесятся, сволочуги,— подумал Иван, обходя бандитов стороною,— ишь, боксом развлекаются!»

Зеленые не обратили внимания на Пархоменко.

— У тебя напарники надежные? — обратился Олесс к Трумпфу.

— Что надо. Настоящие буйволы, — похвастался бандит. — Закатят в лоб — сразу гроб заказывай!

— С этим не торопитесь, — напутствовал Олесс. — Обрабатывать так, чтобы в крематорий попадали только после нескольких сеансов. Густ сказал, что платить будут только за чистую работу. Ясно?

Бандиты большими группами направились к блокам, в которых жили политические.

Трумпф со своими «буйволами» поспешил в Малый лагерь. Переступив порог шестьдесят второго карантинного блока, он ослабил: в передней половине блока у широкого стола собрались политические. Они внимательно слушали какого-то пожилого, очень исхудавшего узника в роговых очках.

Трумпф секунду помедлил. «Буйволы» столпились вокруг него. Политические даже не повернулись, не обратили внимания на вошедших.

«Так, очкастый пропаганду разводит, — решил Трумпф. — Я пришел в самый раз!»

Бандит двинулся вперед, к столу, расталкивая заключенных, словно камыш. «Буйволы» угрожающе следовали за ним.

Петр Евграфович повернулся к вошедшим и строго сказал Трумпфу:

— Я вас слушаю, молодой человек.

Трумпф смерил шуплого длинного профессора уничтожающим взглядом. Такому дай щелчок — и двадцать марок в кармане!.. Но, вспомнив наставления Олесса, бандит чертыхнулся. «Чтоб только после нескольких

сеансов...» Пусть сам попробует бить таких доходяг, да так, чтоб сразу не дошли как мухи!

Зеленый бросил ученому боксерские перчатки. Тот с удивлением посмотрел на них. Что это? Подарок? Петр Евграфович был готов произнести слова благодарности и отказаться от подарка. Но бандит грубо бросил:

— Одевай на лапы.

Петр Евграфович вежливо отодвинул перчатки:

— Благодарю вас. Я могу жить, как все, без перчаток... Да-с.

— Одевай, тебе говорят!

— Я вас, молодой человек, не понимаю. Зачем?

— Сейчас узнаешь! — прорычал Трумпф, натягивая на поросшие рыжей шерстью ручищи упругие рукавицы. — Мы посмотрим, как твой большевистский дух поможет тебе драться.

— Драться?! — профессор часто заморгал. — Драться?!

— Не тронь профессора! — перед Трумпфом встали два политических. — Не тронь профессора!

Бандит широко размахнулся и ударил того, который был выше ростом.

В блоке началась свалка. Она продолжалась недолго. Преимущество тренированных «буйволов» было очевидным. Они в несколько минут разбросали политических, бросившихся на выручку Петру Евграфовичу.

Трумпф трижды приподнимал профессора и каждый раз целил в лоб. Там, полагал бандит, кость твердая, и с первого сеанса активист еще дух не испустит.

— Тайм! — остановил Трумпф «буйволов». — В первом раунде чистая победа! Айда дальше!

Возбужденные первым успехом негодяи направились в другой конец лагеря, к французам. Там они тоже рассчитывали на легкую победу. К тому же Трумпф знал в лицо французских активистов. Сейчас они познакомятся с его кулаками!

Но второй раунд не состоялся.

У французов зверствовали сами эсэсовцы. Блокфюрер Отто, по прозвищу Пастух, и его дружок эсэсовец Корштадт «обрабатывали» двух священников. Корштадт сорвал сутану с Лелуара, доктора богословия, и, смеясь, топтал сапогами молитвенник:

— Свинья! Вот тебе, вот!

Лелуар, с огромным синяком под глазом, грустно повторял:

— Бог все видит! Он этого не простит.

Эсэсовец подскочил к священнослужителю, сорвал у него с груди крест и швырнул его на землю:

— Старая свинья! Тебя надо к стенке! Служил, собака, партизанам, благословлял их! Вот твоему кресту! Вот твоему молитвеннику!

Доктора богословия Лелуара, профессора истории религии Антверпенского университета, фашисты считали опаснейшим политическим преступником: он был священником в партизанском отряде французского движения Сопротивления. Лелуара приговорили к смерти, но потом казнь заменили пожизненным заключением в Бухенвальде.

Пастух, избивая палкой аббата Энока, заставил его встать на колени и держать в каждой руке по кирпичу.

— А теперь, плешивая собака, кричи: «Христа не существует!» — приказывал Пастух. — Кричи: «Христа не существует! Единственный повелитель — это Гитлер!»

Аббат Энок, полуприкрыв глаза, мысленно обращался к богу.

— Кричи, плешивая собака, «Христа не существует! Единственный повелитель — это Гитлер!»

По лицу аббата текли слезы и кровь. А Пастух все взмахивал палкой.

Трумпф и его «буйволы» с интересом наблюдали за работой эсэсовцев.

— Герр блокфюрер, вы по ребрам его, по ребрам! — посоветовал Трумпф. — Он тогда сразу запоет!

Видя, что Пастух не обратил на него ни малейшего внимания, Трумпф повернулся к выходу:

— Айда в двадцать пятый. Там русские политики.

«Буйволы» поспешили за вожаком.

Идея Коха претворялась в жизнь. Бандиты старались всю, каждый стремился заработать. Отъявленные головорезы, среди которых находились и бывшие боксеры-профессионалы, «культурно» избивали политических активистов.

Очередное массовое издевательство над истощенными и едва державшимися на ногах заключенными проходило, по мнению Олесса, успешно. Избиения устранились обычно вечером, после проверки, до отбоя или по воскрес-

ным дням. Два-три здоровяка в сопровождении лагерных полицейских и веселых дружков вваливались в барак и вызывали активистов. Прятаться было бесполезно. И никто не мог за них заступиться. Все делалось в виде игры. Зеленые предлагали своей жертве одеть боксерские перчатки:

— А ну-ка, надень. Посмотрим, как коммунистический дух помогает твоим костям держаться!

Одевал узник перчатки или отказывался от них, уголовникам было безразлично. Они начинали мордобой. С особенным удовлетворением бандиты Олесса избивали советских военнопленных. Здесь они всячески изощрялись.

— Мы арийцы, — хвастались немецкие уголовники, — всегда били и будем бить русских.

— Советские свиньи могут драться только толпой, стадом. Настоящих бойцов у них нет!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В канцелярии после допроса и побоев Андрею на куртку и штаны нашили мишени — белые кружки с красным сердечком. Таковыми мишенями в Бухенвальде отмечались наиболее опасные политические: русские офицеры и заключенные, пойманные при побеге из плена. Андрей Бурзенко из обычного заключенного «гофлинга» превратился в движущуюся мишень — «флюгпункт». Эта отметка позволяла охранникам стрелять в него без промаха при первом удобном случае.

Бурзенко перевели в другой барак — блок штрафников, где многие узники носили на своих костюмах роковые отметки. Стоило только заключенным отойти от места работы или чуть замешкаться при выполнении приказа, как по ним без предупреждения открывался огонь.

Начались страшные дни. В четыре часа утра, после удара гонга, в барак, размахивая палками, врываются эсэсовцы:

— Хераус! Подъем!

Умиравших вытаскивают за ноги, живых поднимают ударами. Утренняя проверка — «аппель» — длится долго. Заключенные стоят без шапок по команде «смир-

но». Дежурный рапортфюрер монотонно выкрикивает номера узников. Стереотипные ответы заключенных следуют один за другим. И вдруг — молчание. На очередной номер никто не отзывается. Блокфюрер и староста наводят справки. Все стоят не шелохнувшись. Через несколько минут становится известно, что номер такой-то ночью умер. Труп лежит на левом фланге.

Случается, что очередного номера не находят и среди умерших. Эсэсовцы объявляют тревогу. Начинаются поиски. Они иногда длятся несколько часов. И штрафники стоят на площади, ожидая решения коменданта.

Наконец выясняется — узник покончил жизнь самоубийством. Он бросился на колючую проволоку, через которую пушел ток высокого напряжения.

Проверка продолжается.

После «аппеля» — завтрак. Не успеют узники проглотить еду, как их уже выстраивают в колонны и гонят на работу. Одних штрафников ведут чистить отстойники нечистот, других — канализационные трубы, третьих — разносить кал на эсэсовские огороды, удобрять землю.

Команда штрафников, в которую перевели Андрея, носила название «Новые ботинки». «Странное название», — думал Андрей, оглядывая угрюмо шагающих рядом новых товарищей. Только теперь он заметил, что у соседа справа ступни ног забинтованы. Забинтованы ноги и у соседа слева. И у впереди идущих. Что это значит? Новая попытка?

Долго гадать не пришлось. Команду пригнали на площадку, огороженную со всех сторон деревянным забором. У невысокого здания стоят ящики. Капо, долговязый немец Пауль Фридман, которого, как узнал впоследствии Андрей, узники прозвали «Черным Извергом», и трое его помощников — у всех на куртках зеленые треугольники — быстро открывают ящики.

Эсэсовцы, попыхая сигаретами, молча наблюдают за действиями зеленых. Те торопливо вытаскивают из ящиков ботинки: новые, желтые. Грубая кожа лоснится на солнце, на подошве сверкают медные гвозди. Андрей видел такую обувь на фронте у немецких солдат. Неужели ее дадут заключенным?

Пауль выдает каждому узнику ботинки и пару носок. Андрей сел на асфальт и сбросил свои деревяшки. С удовольствием натянул чистые носки и обулся. Ботинки бы-

ли точно по ноге. Капо внимательно следил, чтоб инкто не одел просторные башмаки.

«В таких можно прошагать не только через Германию, а через всю Европу», — думал Андрей, вспоминая, как месяц назад он прошел сотню километров босиком.

Вначале ему показалось приятным, что башмаки плотно облегают ногу. Правда, они были очень грубы. Андрей сделал несколько шагов. Толстая подошва почти не гнулась. Верх больно давил на тыльную поверхность ступни, чуть повыше пальцев. Стало ясно, что носить ботинки будет несравненно трудней, чем деревянные колодки с брезентовым, мягким верхом. «Ничего, это на первых порах, пока разносятся, — решил Андрей, — а потом ходить будет одно удовольствие!»

Когда заключенные обулись, началась маршировка. Сначала шагали строем, четко отбивая шаг, потом цепочкой по кругу, а затем последовала команда:

— Бегом!

Бежать было дьявольски тяжело. А долговязый капо взмахивал длинной плетью из воловьих жил, хлестал заключенных по спинам и лицам.

— Шнель! Шнель! Быстрее!

Андрей бежал и думал: что за глупое занятие придумали эсэсовцы? Какой толк от этой бессмысленной беготни в новых ботинках? Никакого. Даже убыток: новые солдатские ботинки изнашиваются. Что ж, если сами немцы этого хотят, будем старательно портить новую обувь. Все-таки это легче, чем таскать тачку в каменоломне.

К полудню многие узники выбились из сил. Они еле передвигали ноги. На их спины градом сыпались удары. Измучился и Андрей. Ботинки, казалось, стали свинцовыми. Ноги горели. Каждый шаг причинял боль.

— Шнель! Шнель!

Капо вытирает пот со лба и снова взмахивает тяжелой плеткой. Он бьет заключенных с азартом. Что руководит этим негодяем? Страх перед эсэсовцами, желание выслужиться или просто тупой садизм, наслаждение властью над беззащитными людьми?

— Шнель! Шнель!

К концу мучительного дня Андрей возненавидел Пауля. Чем сильнее болели уставшие ноги, тем яростнее становилось негодование. Андрей ненавидел Черного

Изверга за хладнокровное избиение, за хриплый гортанный голос и больше всего за то, что он применял для издевательства спортивные упражнения. Несомненно, Черный Изверг был знаком с физической культурой, с принципами тренировки боксеров. Он подолгу заставлял штрафников выполнять на ходу подскоки, приседания, приказывал идти «гусиным шагом» и на носках. Эти упражнения, обычно применяющиеся для развития мышц ног, выматывали последние силы у заключенных, многие из которых раньше никогда не занимались спортом.

Лучи заходящего солнца слепили глаза. Андрей начал сбиваться с ноги, спотыкаться и, теряя чувство дистанции, наступать на пятки впереди идущего. Вездесущий Черный Изверг несколько раз огрел его плеткой. Андрей возненавидел и солнце. Чужое солнце, казалось, состояло на службе у гитлеровцев.

Когда, наконец, последовала команда «отбой», узники, сев на землю, стали торопливо сбрасывать проклятую обувь. Андрей тоже быстро расшнуровал ботинки. Ступни горели. Даже легкое прикосновение к ним вызывало острую боль.

— Ну вот, еще батальон головорезов обули, — сумрачно сказал сосед справа, осторожно перебинтовывая кровавые мозоли на ступне.

Андрей поднял голову.

— Как обули?

— Вот так, — сосед выругался. — Мы разносили новую обувь, а в ней гады пойдут топтать нашу землю...

Так вот оно в чем дело! Выходит, Андрей зря старательно «портил» ботинки! Да разве их за один день сносишь?

Черный Изверг и его помощники вытирали тряпочкой пыль с обуви, аккуратно укладывали ее в ящики. У Андрея защемило сердце. Какой-то Фриц или Гаис оденет эти разношенные им ботинки и, вскинув автомат, пойдет по русской земле, убивая и грабя. А он, Бурзенко, — солдат, комсомолец, боксер, — помогает врагу...

Приближается время вечерней проверки. Штрафные команды направляются в лагерь. Идут колонны узников, возвращаются все — и живые и мертвые. Немцы любят точный счет. Мертвых, убитых охранниками или погиб-

ших «в результате несчастного случая», несут на руках изнуренные товарищи. У главных ворот лагеря стоит комендант лагеря Кох, рядом его заместители. Они принимают вечерний парад. Оркестр, составленный из заключенных, трубит фашистский марш.

Команды штрафников проходят одна за другой, четко отбивая шаг деревянными колодками. На лице каждого мученика — подобие улыбки. Не будешь улыбаться — получишь пулю. Ни тени недомогания, ни намека на усталость. Слабым здесь нет места, слабым нет хлеба, слабым ждет крематорий. Андрей понял, каких усилий стоит эта бодрость смертельно усталым людям. Он тоже старается изобразить улыбку, а во всем теле пудовая тяжесть, кружится голова, тошнит. Терзает мысль: неужели так и гибнуть без сопротивления, без борьбы, без намека на протест?

Идут команды штрафников.

Дежурный офицер принимает рапорт: сколько человек выходило на штрафные работы, сколько погибло. Время от времени он останавливает капо:

— Почему так мало?

Это относится к количеству убитых.

— Завтра будет в два раза больше, герр капитан! Я постараюсь! — вытянувшись по швам, обещает капо.

И по спине узников пробегают мурашки.

Смерть, словно тень, следует за командами штрафников. Она их преследует везде ежедневно, ежечасно, ежеминутно...

И так день за днем. Андрей вместе с другими заключенными вскакивал, как автомат, в четыре часа утра, бежал умываться, на ходу одевался, спешил на «аппель». Он научился четко отбивать шаг, мгновенно снимать головной убор и лихо хлопать им по бедру при встрече с эсэсовцами. Андрей чувствовал, как все живое тускнеет в его душе, как он постепенно становится похожим на машину. Подъем, умывание, кружка эрзац-кофе и триста граммов черствого суррогатного хлеба, на котором можно различить клеймо 1939 года. Хлеб на весь день. Хочешь — ешь сразу, хочешь — дели по частям. Днем штрафникам пища не полагается. Им разрешен часовой перерыв. Но разве отдохнешь, когда горит уставшее тело, а в желудке отчаянная пустота? И снова — бегот-

ня в солдатских ботинках. В девять часов вечера обед — семьсот граммов брюквенной или шпинатной похлебки, приправленной каплей маргарина. Не успеешь ее проглотить, уже сигналият на вечернюю проверку. Два-три часа постой на площади — и отбой, сон в темной клетке второго яруса нар. Через пять часов все повторяется сначала.

Ужасы, ежедневно происходившие на глазах, вошли в жизнь как что-то обычное, неизменное. Бурзенко постепенно к ним привык. Привык к тому, что каждое утро из тесных нар за ноги вытаскивают трупы штрафников, умерших от голода или от болезней; привык к тому, что надсмотрщики и эссы убивают беззащитных заключенных по всякому поводу и без повода, просто так, ради удовольствия, привык к тому, что ежедневно на его глазах умирают люди. Смерть перестала пугать. Она все время находилась рядом, около. И Андрей, думая о смерти, улыбался: она несла с собой избавление от мук, конец страданиям.

А страдал Бурзенко сильно. Особенно мучал его голод. Здоровый крепкий организм властно требовал одного: еды, еды, еды... А ее не было. Лишний черпак баланды, как называли в лагере брюквенную похлебку, стал пределом его желаний. Андрей постепенно терял силу, ловкость, здоровье. С трудом бегал он по плацу в новых ботинках. К обеду ощущал обессиляющее головокружение и тошноту. С каждым днем было все тяжелее подавлять в себе эту унижающую слабость. Голод стал злейшим врагом Андрея. Голод, казалось, сосал из него кровь. Андрей видел, как постепенно обезображивается его тело.

Как муки можно сравнить с муками голода? Сознание медленно мутится, воля постепенно ослабевает. Появляется безразличие ко всему происходящему. Когда, обессиленный бегом, Андрей падал на разогретый солнцем асфальт плаца, он едва заставлял себя подниматься. Так приятно было лежать, ощущая всем усталым телом теплоту камня.

Того, кто поддавался этой слабости, тут же пристреливали или добивал Черный Изверг. Трупы бросали на тележку и везли во двор крематория. Труба дымилась круглые сутки...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Лицо Ивана Пархоменко в кровоподтеках, левый глаз заплыл. Правым он тревожно всматривается в темный квадрат двери. Может быть, сегодня зеленые не придут, сделают перерыв, сволочи? Они приходят каждый день, и каждый день повторяется одно и то же.

Пархоменко переводит взгляд на профессора. Тот сидит за столом, его узкая, длинная спина непомерно согнута. Он сжимает худыми пальцами кусок известня и чертит им на неровной поверхности стола. В левой руке — влажный, в кровавых пятнах, платок. Всякий раз, кашляя, профессор подносит его ко рту. Кашляет он очень часто. Этот глухой, стонущий кашель вызывает у Пархоменко чувство острой боли.

Вокруг профессора сидят и стоят узники. Их лица, как и у Пархоменко, в кровоподтеках и ссадинах. На острых плечах профессора чужой пиджак, ноги укутаны чьим-то одеялом. На шее кашне из полотенца. И все-таки ученому холодно. Он говорит прерывисто, с трудом сдерживая озноб.

— Предлагали прорыть канал от Азовского моря. Оригинальное решение, друзья мои. Да-с. Напонт Каспийское море Азовским! Но такой проект пришлось отклонить. Ведь Азовское море соединяется с Черным, а в нижних слоях Черного моря содержится много процентов соли. Это, дорогие мои, смерть рыбам! Были и другие проекты. О них говорить не будем. Скажу только, что ни один из них не решал до конца главную проблему — напонт Каспий, предотвратить катастрофу. А ведь это сделать можно.

Петр Евграфович обвел слушателей воспаленными глазами.

— Каспий можно напонт! Напонт хорошей, пресной водой. Всю свою жизнь я посвятил проблеме Каспия, и только здесь, здесь мне пришла в голову эта мысль. Как... Как же я раньше не додумался! Смотрите, как все просто, — кусок известня заскользил по крышке стола. — Северные реки Печора, Вычегда, Северная Двина и даже вот эта маленькая Мизень. Миллионы кубометров выбрасываются в Ледовитый океан. А если эту воду повернуть к Каспию. Как? Это действительно трудно, но выполнимо. Надо создать плотны, прорыть каналы

и через Вычегду направить часть стока северных рек в Каму и Волгу. А Волга понесет воду Каспию.

Петр Евграфович помолчал и тихим усталым голосом добавил:

— Это будет обязательно. Такой план предложит кто-нибудь. Не надо отчаиваться — Каспий будет жить!

Вдруг профессор откинулся на спинку стула. Судорога исказила его лицо. В лихорадочном взгляде глубоко запавших глаз ученого Пархоменко увидел такую обреченность, какую ему приходилось видеть в глазах идущих на казнь.

Узники сидели молча. У Пархоменко тоскливо сжалось сердце: почему не идет Сергей? Он обещал помочь. Почему он не идет?

* * *

Сергей Котов вошел в седьмой блок, где жили советские военнопленные и помещался небольшой госпиталь. В одной из комнат этого блока сегодня должно было состояться заседание руководителей подпольной русской военно-политической организации.

Перед блоком, у выхода на площадь, прохаживался, покрикивая на заключенных, немец-полицай. Котов сразу узнал здоровяка Альберта. Тот едва заметным кивком приветствовал Сергея и тут же заорал:

— Проходи, проходи. Нечего здесь околачиваться!

Это пароль. Значит, все в порядке, можно входить. Если бы грозила опасность, Альберт взмахнул бы дубинкой и крикнул: «Марш отсюда, русская свинья!»

В небольшом помещении амбулатории, имевшем два выхода, уже собрались члены подпольного центра. В дверях Котова встретил Николай Симаков, руководитель центра военно-политической организации. Обменялись крепким рукопожатием.

— Проходи, Сергей.

Котов скользнул взглядом по осунувшемуся лицу Симакова, по впалым щекам, на которых горел нездоровый румянец, и подумал: «Опять проклятый туберкулез вспышку дает... Надо бы с ребятами посоветоваться, взять под партийный контроль здоровье Николая Семеновича».

Затем Котов попал в объятия Миханла Левшенкова, возглавлявшего отдел пропаганды и агитации.

— Входи, входи. Тут тебя давно ждут.

Левшенков подвел Котова к невысокому, плотному, круглощекому незнакомому немцу, одетому, как и все политические, в полосатую куртку.

— Вот это и есть Котов, наш теоретик.

Немец широко улыбался, открывая ровные зубы, его пронизательные глаза засветились. Он сунул свою небольшую ладонь Котову.

— Вальтер... Вальтер Бартель.

Имя Вальтера Бартеля, руководителя немецкой подпольной антифашистской организации Бухеивальд, Котов слышал не раз на заседании русского центра. Ему рассказывал о нем и Левшенков.

Котов назвал себя и крепко пожал Бартелю руку.

— Степан, Степан, иди-ка сюда, — Михаил Левшенков подозвал Бакланова. — Помоги-ка объясниться.

Степан Бакланов, рослый, двадцатитрехлетний, с открытым русским лицом и голубыми глазами, недовольно проворчал:

— Вот они где школьные грехи открываются. Учить надо было, Сергей Дмитриевич, этот самый иностранный, а не отделяться шпаргалочками...

Увидев Бартеля, которого он не заметил из-за спины Котова, Степан шутливо добавил:

— Переводчик — что дипломат, всегда будет гнуть в свою сторону.

Вальтер Бартель уловил смысл сказанного и произнес по-русски:

— Я немножко понимаю.

Все засмеялись.

Потом Бартель заговорил на немецком. Бакланов, чуть наклонив голову к Бартелю, вбирал в себя каждое сказанное им слово и быстро переводил.

— Интернациональный центр передает вам, товарищ Котов, самую сердечную благодарность за статью. Ее уже переводят на немецкий и французский. Особенно блестяще вы написали раздел о борьбе с международным ревизионизмом, в котором привели обширные ленинские цитаты. Какая у нас феноменальная память!

Мочки ушли у Котова стали розоветь. Он не привык к похвалам. Он чаще хвалил других, а к себе относился строго и требовательно. Сын портового рабочего-большевика, ленинца, он всю свою сознательную жизнь трудился

и учился. Его отец, Дмитрий Котов, скрываясь от царских жандармов, переселился со своей большой семьей из Ижевска в Астрахань. В этом крупном портовом городе активный участник революционных боев 1905 года продолжал вести подпольную работу. Жили впроголодь, ели одну рыбу. В доме часто не было хлеба, но зато почти каждый день бывали гости: рыбаки, грузчики, портовые рабочие. Сильные, загорелые, от их одежды пахло морем, мазутом и солью. Сергей помнит, как эти бородачи засиживались до петухов, читая у коптилки какие-то листки.

Жили Котовы на фортпосте, в каюте старой баржи. И сынки портовых торговцев дразнили Сергея «Бездомным». Что он им мог ответить? Сергей помнит шершавые теплые ладони портовых грузчиков, которые неумело вытирали ему слезы и гладили по голове:

— Чудак ты, Сергей! Да ведь баржа — это корабль. Настоящий, морской. Дома-то у всех есть, а вот парохода ни у кого. Ты, брат, гордись этим! А насчет дома не волнуйся. Когда вырастешь, к тому времени будут и у нашего брата дома. Дворцы!

И Сергей стал гордо называть себя:

— Я Котов с баржи!

Отец умер, когда землю охватил пожар первой империалистической войны. Всего три года не дожил старый подпольщик Дмитрий Петрович Котов до светлых дней Октябрьской революции, не услышал грома пушек «Авторы», не увидел своими глазами того, чему отдал всю свою жизнь. Пребывание в жандармских отделениях и ссылках сломило его здоровье. Старшие братья и сестра остались работать в Астрахани. Мать, вместе с Сергеем и двумя младшими дочерьми, поехала к своему отцу в Рязанскую губернию.

Февральская революция осталась в памяти веселым праздником. Крестьяне привязали к конскому хвосту портрет царя, а они, мальчишки, догоняя лошадь, бросали в самодержавца комья грязного снега. Помнит Сергей и вторую демонстрацию, уже в Октябре. Мать повесила на стене под фотографией отца большой красный бант. За околицей мужики делили помещичью землю. Потом, в двадцатом году, в дом пришел траур: братья и сестра Сергея погибли в боях под Перекопом.

В школу Сергей пошел поздно, подростком. Учеба за-

хватила его. Советская власть дала сыну портового рабочего все возможности овладеть знаниями. Перед ним открылась дорога, о которой мечтали погибшие братья, за которую боролся отец.

Сергей учился жадно. После школы — годичные курсы, затем — «рабфак на дому» и, наконец, заочное отделение Московского института истории, философии и литературы. Котов учился и работал, работал и учился.

1939 год. Сергей призван в армию. И здесь он продолжает учебу, занимается марксистской философией, знает почти наизусть многие работы Маркса, Энгельса, Ленина. С увлечением читает он командному составу лекции по истории Коммунистической партии, по новой истории, по диалектическому материализму.

Май 1941 года остался в памяти Котова как самый счастливый месяц в его жизни. Его, комсомольца, политрука, приняли в ряды Ленинской партии! А через несколько дней командир полка подписал ему отпускное удостоверение:

— Езжайте, Сергей Дмитриевич, в Москву, сдавайте государственные экзамены.

И, прощаясь, дружески добавил:

— Ты, Серега, не торопись уходить из Армии. Нам позарез нужны такие, как ты.

Май и июнь пролетели незаметно. И вот в субботу 21 июня сдан последний экзамен. После напряженного дня захотелось остаться одному, наедине со своими чувствами и мыслями. Котов пошел бродить по столице, по набережной Москвы-реки, по Красной площади, вокруг Кремля. Он, сын портового рабочего, окончил высшее учебное заведение, столичный институт философии! Ни сон ли это, ни хорошая ли сказка?..

А завтра в жизнь Котова, в жизнь и судьбу миллионов людей смерчем ворвалась война.

Изменившийся, суровый облик столицы. Хмурые, озабоченные лица прохожих...

В тот же день поезд увозил Котова к линии фронта. Через два дня, сменив погибшего политрука, Сергей вместе с пулеметной ротой отбивал атаки гитлеровцев.

Жесткие бои на Днестре, в районе Дубосар, у станции Колосовки, оборона Николаева, Херсона. Враг рвется в Донбасс, в металлургический район страны, тянет свои руки к всесоюзной кочегарке. Старший политрук

Сергей Котов, теперь уже комиссар полка, поднимает в контратаки бойцов, останавливает гранатами танки, обороняется до последнего патрона и отступает с боями, чтобы занять новую оборону и встречать огнем зарвавшегося врага.

В первых числах июля 1942 года разгорались особенно жестокие бои под станцией Миллерово. Атаки гитлеровцев следовали одна за другой. Ночью пришло тревожное известие: прорван Южный фронт. Фашистские танки, отрезая части, в которых воевал Котов, рвались к Воронежу и Ростову.

Утром, личным примером увлекая смертельно уставших бойцов, Сергей бросился в атаку. Но прорваться не удалось. Рядом раздался взрыв, и что-то горячее обожгло левый бок. Котов упал и потерял сознание.

Очнувшись от странного холода. Открыл глаза. В памяти медленно одна за другой всплывали события последних дней, атака, взрыв... неужели плен?

Рука инстинктивно потянулась к нагрудному карману... Карман пуст. Он еще раз ощупал гимнастерку. Чужая... А где его? Кто взял? Где партбилет?

Котов пережил страшные минуты. И только много времени спустя, в немецком концлагере, танкист Иван Габеев рассказал Сергею, что произошло. Габеев с товарищами, спасая комиссара полка, спрятали его в балке, сожгли партбилет и документы и переодели в солдатскую одежду. Они пытались вынести раненого комиссара из окружения, но их обнаружили фашисты.

Так начался длинный путь через концлагери, путь страданий и унижений. В Германии его, человека с высшим образованием, делают рабом и заставляют работать на сахарный завод. Но можно ли сделать рабом советского человека? Раздобыв коробку спичек, Сергей прикрутил к ней жгут из ваты и совершил первую диверсию. Перед обедом он подожг свою «мину» и бросил ее в цеху, находившимся рядом со складом.

Пожар бушевал три дня. Сгорел цех и большой склад.

Пленников выстроили. Брызжа слюною, хозяин грозил расстрелом и пытками в гестапо. Сергей твердо решил, что, если опасность будет угрожать товарищам, он признается. Лучше погибнуть одному...

Вызывали инженера-химика, пленного француза.

Исследовав причины пожара, он дал заключение: произошло самовоспламенение.

Первая диверсия окрылила. Котов задумал сжечь всю фабрику, но его и других русских перебросили на работы в шахты близ Брауишвейга.

Добывать руду для нацистов никто из русских добровольно не хотел. Котов группировал людей. Создалась подпольная организация. Диверсии следовали одна за другой. То неожиданно портилась врубовая машина, то кто-то вставлял костыль в развилку узкоколейки, и груженные рудой вагонетки сходили с рельсов, громоздясь друг на друга и выбивая крепила. Потом стали взрывать ся и «заваливаться» забой.

Нацисты в бешенстве. Чтобы найти виновных, в команду засылают провокатора. Он выдает организацию.

Котова пытаются в гестапо. Он проходит через тюрьмы Касселя, Ганиовера, карательный лагерь Ильминау. В начале 1943 года его бросают в лагерь смерти Бухенвальд.

И сейчас, перед началом заседания центра подпольной русской военно-политической организации, Сергей Котов немного смущенно выслушивает похвалу от Вальтера Бартеля, видного антифашиста, руководителя немецких подпольщиков Бухенвальда.

— Да, да, особенно блестяще вы написали раздел о борьбе ленинцев с ревизионистами и удачно привели цитаты Ленина. Очень хорошо рассказываете о пребывании Ленина в Германии и Швейцарии, — тут переводчик Бахламов остановился, недоуменно взглянув на Бартеля, пожал плечами и сказал Котову:

— Бартель говорит, что они проверили твою работу.

Котов поднял брови:

— Проверили?

Бартель, наблюдавший за Котовым, улыбулся и дружески похлопал его по плечу:

— О, друг, друг! Надо всегда точно, — и продолжал по-немецки. — Я понял, обижаться не надо. Статью вашу читал Роберт Зиверт! О! Это коммунист! Роберт Зиверт ветеран нашей партии. Он встречался с Лениным! Роберт Зиверт — один из участников событий, которые вы так хорошо описали.

— Как? Встречался с Лениным? — Котов даже чуть подался вперед. — Хотел бы я с ним познакомиться.

— Роберт Зиверт дал высокую оценку вашей работе. Он сказал: «Автор этой статьи наверняка видел все, о чем пишет, своими глазами».

Бартель дружески оглядел Котова.

— Я тоже думал, что встречу пожилого коммуниста. А вы почти юноша... У вас прекрасное будущее...

— Если не вылечу в «люфт», — улынулся в ответ Котов, кивая на окно, в котором был виден дым зловещей трубы крематория...

В комнату вошли Николай Кюнг, руководитель отдела безопасности подпольной организации, и члены центра Василий Азаров, Александр Павлов и Кальгин.

— Кажется, все в сборе, — Симаков обвел присутствующих усталым взглядом. — Начнем, товарищи. Сегодня на повестке три вопроса: сообщение руководителя интернационального центра, доклады Кюнга о новых кадрах, Левшенкова о внутрилагерном положении, как всегда, сообщения о положении на Восточном фронте.

Повестку утвердили. Симаков предоставил слово Бартелю.

Вальтер Бартель встал, оперся о стол небольшой ладонью и заговорил по-немецки, вплетая в свою речь отдельные русские слова. Баклаиов быстро переводил.

— Немецкие товарищи отдадут должное русской смелости и мужеству. Мы восхищаемся вашими успехами на Восточном фронте. Немецкие коммунисты поручили мне передать вам, нашим братьям по борьбе, наш подарок. В знак интернациональной солидарности немецкие коммунисты передают русским коммунистам свой арсенал: двадцать шесть исправных боевых винтовок и к ним пятьсот десять патронов. Мы надеемся, что наше оружие будет в надежных руках.

— Ого! Двадцать шесть винтовок! — У Азарова загорелись глаза. Вот это подарок!

Симаков тепло поблагодарил Бартеля, крепко пожал ему руку.

Тут же условились, как и когда немецкие товарищи передадут оружие.

— А где вы будете хранить винтовки? — поинтересовался Бартель.

Симаков хитро улыбнулся:

— Этого не знаю даже я. Оружием у нас ведает Баклаиов. А он умеет хранить тайну.

— О! Друг Степан! Очень хорошо! Степан наш друг номер один.

Симаков подошел к Бартелю:

— У нас к вам просьба. Нам нужно еще много оружия. Мы просим немецких товарищей помочь нашим коммунистам попасть на работу в сборочные цеха военного завода. Мы имеем в виду пистолетный цех и пристрелочный..

Бартель, подумав, ответил утвердительно.

— Теперь второй вопрос, — лицо Симакова стало жестким, — немецкий центр обещал убрать русского предателя и провокатора Кушнир-Кушнарера. Однако время идет, а этот подлец продолжает свою гнусную работу. Из последней партии советских военнопленных он отправил в «хитрый домик» двадцать восемь комиссаров и командиров.

— Дорогие друзья, это очень сложный вопрос. Убрать провокатора обычным способом нельзя, сразу же начнутся массовые репрессии. Но мы ищем пути, мы обязательно уберем предателя.

Потом выступил Николай Кюнг, человек среднего роста, подтянутый, с командирской выправкой. Он докладывал о кадрах. Кюнг назвал ряд русских патриотов, которые прошли тщательную и всестороннюю проверку, умело справляются с опасными поручениями. По его мнению, им можно доверить серьезные задания. Среди названных Кюнг особо выделил Ивана Ивановича Смирнова.

— Кадровый командир. В Армии с гражданской войны. Имеет специальное высшее военное образование, подполковник. На фронте командовал артиллерией дивизии. В Бухенвальде с первых же дней завоевал среди пленных большой авторитет. Это он так смело вел с Кохом дискуссию, о которой я рассказывал на прошлом заседании.

— Вот это то, что нам нужно! — Василий Азаров, один из организаторов подпольной борьбы, повернулся к Симакову: — Как ты думаешь, Семеныч?

Центр единогласно постановил: ввести подпольщика Смирнова в руководящее ядро подпольной военно-политической организации.

После Кюнга выступил Левшенков. Он обстоятельно проанализировал обстановку в Бухенвальде, доложил о сближении и укреплении дружбы между советскими

патриотами и антифашистами других стран, рассказывал о проведенных встречах и беседах, организованных активистами, и обратил внимание подпольщиков на активизацию зеленых, которые затеяли массовые избиения под видом «бокса».

— Конечно, Кох рад натравливать одних заключенных на других, — вставил Котов.

Все понимали, что положение создалось серьезное. Но что можно сделать? Организовать массовые драки? Они ни к чему хорошему не приведут, а только сыграют на руку эсэсовцам, послужат поводом к массовым репрессиям. Нет, надо искать какие-то другие формы борьбы.

— Я уже советовался по этому вопросу с товарищами. — Симаков встал и продолжал, отчеканивая каждое слово. — Мы должны обратить очередное издевательство в оружие политической борьбы. Мы должны показать заключенным всех национальностей, что русский солдат, пусть голодный и полуживой, умеет отстаивать честь своей Родины. Необходимо, товарищи, найти среди наших людей таких, которые своими кулаками могли бы дать настоящий отпор. Надо разыскать бывших спортсменов, найти боксеров. Мы должны показать всему лагерю, что такое советский человек!

Подпольщики задумались. Предложение Симакова было верным. Но можно ли среди истощенных узников Бухенвальда найти таких, которые смогли бы драться с сытыми и здоровыми бандитами?

— Михаил, — обратился Симаков к Левшенкову, возглавлявшему в подпольном центре отдел агитации и пропаганды, — придется и вам включиться. У вас большая сеть, дайте задание своим пропагандистам.

— Будет исполнено.

Раздался условный стук в дверь. Все насторожились. Николай Кюнг вышел и через несколько секунд вернулся:

— Посты сигналият, что через площадь по направлению к нам идет лагерфюрер Шуберт и с ним эсэсовцы.

Вальтер Бартель встал:

— Предлагаю расходиться, товарищи.

Уходя, Бартель передал Кюнгу двадцать «шоинигов» — освобождений от работы, которые выдавались только больным.

— От Гельмута Тимана. Он приносит извинения за то, что не смог в субботу.

— Благодарю. Шонинги нам крайне необходимы.

— Желаю удачи.

Подпольщики быстро разошлись.

Котов подождал Кюнга.

— Николай, ты обещал в субботу передать шонинг. Я жду уже пятый день... Профессор очень болен.

— Знаю, дружище, но мне принесли их только сейчас.

Розовая карточка мгновенно исчезла в нагрудном кармане Котова. Он поспешил к шестьдесят второму блоку. Завтра профессора освободят от работы, он будет находиться в больнице, где ему предоставят отдых, улучшенное питание...

Котов миновал деревянные бараки русских военнопленных и двухэтажные стандартные, серые, как земля, бараки немецких политзаключенных. Слева тянулись ряды колючей проволоки, вдоль которой метрах в ста друг от друга угрожающе возвышались сторожевые вышки.

Котов торопится. Еще несколько бараков — за последним надо пройти через небольшое внутрилагерное ограждение — и ты в Малом лагере. А там несколько шагов — и шестьдесят второй блок.

На фоне блеклого пасмурного неба колючая проволока кажется Котову скопищем хищных пауков, сцепившихся между собою кривыми тонкими лапами. По жилам этих железных пауков пульсирует ток высокого напряжения. Глухой монотонный гул плывет от столба к столбу.

Скорей, скорей. Котов почти бежит. Вот уже последний барак. И вдруг Сергей останавливается. Что это? На темной крючковой паутине проволоки он видит очки. Они висят, зацепившись за проволоку одной дужкой.

— Очки... Как они могли сюда попасть?..

Тоскливое предчувствие охватывает Котова. Он переступает порог блока. В полутьме глаза плохо видят. Котов шагает в дальний угол — там яры профессора. Неожиданно на пути вырастает костлявая фигура Пархоменко. Сергей вглядывается в лицо украинца и хрипло спрашивает:

— Где профессор?

На круглом лице Пархоменко скорбная гримаса.

— Поздно, товарищ Котов. Профессора больше нет. Он бросился на проволоку... — Пархоменко молча показывает в окно, в сторону ограждения.

— Ночью. Моя вина, не уберег...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Перед самым рассветом Андрей Бурзенко проснулся от легкого шума: в спящем блоке кто-то ходил, разговаривал. Андрей, не открывая глаз, прислушался. Один голос показался знакомым. Так и есть. Андрей узнал помощника старосты блока штрафников Радзивилла, грубого и себялюбивого человека, польского князя, фанатика националиста, ставшего провокатором.

— Какой номер? — переспрашивал Радзивилл.

— Сорок тысяч девятьсот двадцать второй.

Андрей вздрогнул. Незнакомый голос назвал его номер! Да! Он не ослышался. За время пребывания в концлагере Андрей привык к этому номеру, который стал его паспортом, который заменил все — и имя, и отчество, и фамилию.

Андрей весь превратился в слух.

— Сорок тысяч девятьсот двадцать второй лежит тут, — сухо сказал помощник старосты блока.

Бурзенко слышит шаг людей. По топоту грубой кожаной обуви он догадался — не заключенные. Екнуло сердце. Мысль работает напряженно. Андрей перебирает в памяти события последних дней. Как будто ничего не произошло, он, как и все другие штрафники, добросовестно «разнашивал» солдатские ботинки...

Чья-то тяжелая грубая ладонь легла на плечо:

— Вставай!

Андрей притворился спящим, не спеша открыл глаза. Перед ним полицейский.

— Шнель!

Из-за спины полицейского выглядывали два санитары в синих халатах.

— Поспешай! — командует помощник старосты блока. — Надо идти ревид!

Ревид — это больница.

О ней ходили страшные слухи. Там орудовал матерый фашист врач Эйзель. Он и трое его помощников делали различные медицинские опыты на заключенных, отправляя на тот свет десятки ни в чем не повинных людей. Кроме того, они смертельными уколами убивали коммунистов, общественных деятелей, евреев и прочих неблагонадежных.

В груди боксера сначала похолодело, а потом полых-

нуло жаром. Он готов был броситься на полицая, на санитаров, на старосту блока, бить, рвать, кусать... Нет. Он не подопытный кролик. Он, если пришел смертный час, погинеет по-русски — «с музыкой»... В борьбе! Он убьет хоть одного гада.

«Хоть одного!» — сказал себе Андрей и сразу успокоился.

Все это произошло в голове Бурзенко за какую-то секунду, пока он делал вид, что спросонья ничего не понимает, и, растирая заспавшие глаза, переспрашивал:

— А? Что? Куда?

— В рефир, — повторил полицейский. — Сам пойдешь или санитары понесут? Ну, что же, пусть несут!

Плавиво покачиваясь на парусиновых носилках, он смотрел на бледнеющее синее небо, еще усеянное звездами. Предрассветная прохлада обволакивала тело, а свежий воздух был опьяняюще приятен. Андрей смотрел на звезды. Через час-полтора взойдет солнце. А его, Андрея, может быть, уже не будет. И никто не узнает правду о его гибели, никто не сообщит о ней домой. А может быть, там уже давно считают его погибшим? Еще с той осени, с 1941 года, когда ночью он, раненый, упал на землю, когда не смог пробежать сотню метров до своих окопов.

Молча несут его санитары, молча топает коваными каблуками полицай. «Надо притворяться слабым, беспомощным, — думает Андрей. — Притворяться и ждать. А когда фашистский врач станет осматривать, броситься на него, вцепиться ему в глотку — и душить, душить». Андрей даже почувствовал, как его пальцы впиваются в холеное горло... «Вот так. Посмотрим, как он выкатит лягушечьи глаза и судорожно раскроет рот...»

В больничном блоке полицай отметил карточку и ушел. Санитары поставили носилки на стол и тоже вышли. В приемном помещении стоял специфический запах больницы.

В открытую дверь, справа от стола, Андрей увидел двухэтажные нары и на них спящих больных. Кто-то глухо, надрывно стоил.

Застегивая на ходу белый халат, вошел врач. Худощавый, седой немец. У Андрея бешено заколотилось сердце. Он весь напряжился, приготовился к прыжку. Вот сейчас, пусть подойдет ближе...

Но в это время за спиною врача показался санитар.

Андрей с ненавистью взглянул на него и застыл в недоумении. В синей форме санитары был Пельцер, тот самый Пельцер, который ехал с ним в одном вагоне и так задумчиво пел песни! Неужели этот, казалось честный, советский, человек стал, спасая свою шкуру, холуем гитлеровцев?

Андрей с таким уничтожающим презрением смотрел на Пельцера, что тот, казалось, должен был вспыхнуть, как солома от прикосновения зажженной спички. Но Пельцер держал себя невозмутимо спокойно.

Он остался почти таким, каким был там, в вагоне, — энергичным, с грустной смешинкой в глазах. Только лицо его еще больше осунулось, черты обострились.

Подойдя ближе, Пельцер сказал:

— Левую ногу придется загипсовать, иначе — общее заражение.

— Уйди, гадина, — процедил сквозь зубы Андрей.

Пельцер невозмутимо улынулся:

— Слушай, будем потом ругаться. А сейчас время дорого. Снимай ботинок.

Он наклонился, чтоб помочь Бурзенко, но тот рывком схватил его:

— Гадина! Продался? Прежде, чем сдохну, я и тебя и этого гада удушу...

Оторопевший Пельцер, пытаясь освободиться от пальцев боксера, прохрипел:

— Вот так и выручай вас, вот так и получай благодарность. Неужели ты, дурак, не хочешь, чтоб тебя спасали?

Врач немец, молчавший до сих пор, заторопился:

— Шнелль, геиоссе, шнелль...

Пораженный Андрей понял, что убивать его никто не собирается. Он внимательно поглядел на врача и только теперь заметил: из-под распахнутого халата выглядывала полосатая куртка политзаключенного. Андрей начал стягивать ботинок.

Ногу загипсовали.

Через час Бурзенко лежал на верхних нарах хирургического отделения лагерной больницы и торопливо хлебал брюквениую похлебку.

Пельцер стоял возле дверей на страже. Потом он забрал чашку и, сказав на прощанье, чтоб «больной» вел себя осторожно, ушел.

Андрей увидел, что он попал к друзьям. Но кто они? Почему именно его выбрали из тысячи узников? Чем он заслужил это? Ни на одни из этих вопросов он не находил ответа.

О нем заботились постоянно. То ему дадут лишнюю пайку хлеба, то нальют еще одну чашку брюквенной похлебки, то отнесут «на перевязку», и там суровый и неразговорчивый врач немец вдруг сунет в руку кусочек мармелада. Андрей ни от чего не отказывался, жадно поглощал еду и добросовестно исполнял роль «больного»: глухо стонал, когда врач фашист Эйзель делал ежедневный обход.

Пельцер часто навещал Бурзенко и рассказывал ему о том, что делается в больнице. Теперь Андрей знал, что главный врач Говен — зверь, которого нужно опасаться. Большую часть дня этот фашист проводил в другом отделении больницы, находившемся под особой охраной. Что он там делает, никто не знал. Пельцер заметил: в то отделение направляют почти здоровых заключенных, но оттуда никто не возвращается. Обычно Говен сам отбирал узников для своего закрытого отделения. И эти тоже исчезали навсегда.

В отделениях Говен появлялся раз в сутки, а то и вовсе не заглядывал, поручая осмотр своему помощнику фашисту Эйзелю и лечащим врачам — заключенным Крамеру и Соколовскому.

Крамер — немец, старый врач. Его сухая фигура, седина и строгость внушают уважение. Как он попал в концлагерь, Пельцер не знал. Но у Крамера на куртке красный треугольник. Значит, немцы считают его политическим противником. О втором враче — Соколовском — Пельцер сказал Андрею всего три слова: «Он наш, одесит». Соколовский был разговорчивым, веселым. Он умел пошутить, подбадривал больных и держался подчеркнуто просто.

С особой теплотой Пельцер отзывался о начальнике хирургического отделения Гельмуте Тимане. Коммунист Тиман находился в заключении чуть ли не со дня основания Бухенвальда. Он был добр и внимателен к больным. Высокий рост, крупные мужественные черты лица, спокойный властный голос Тимана напоминали Андрею командира его роты, который погиб в первый день войны в отчаянной рукопашной схватке.

Бурзенко быстро поправлялся, восстанавливал свои силы. К нему возвратилась бодрость, энергия. Внимательно присматриваясь к окружающим, Андрей с каждым днем все больше приходил к убеждению, что и в этом страшном концлагере люди борются. Они, рискуя жизнью, срывают замыслы эсэсовцев, спасают обреченных на уничтожение заключенных, ведут тайную жестокую войну с фашизмом. Андрей несколько раз начинал разговор с Пельцером на волнующую его тему, но одесит каждый раз уклончиво отвечал:

— Разве тебе плохо? Ты пока отдыхай, набирайся сил. Сила — она всегда нужна!

Андрей понял: надо ждать. В конце концов ему скажут о том, что он должен делать. И на душе его было радостно. Так он чувствовал себя два года назад, когда в августе 1941 года досрочно, едва затянулась рана, выписался из госпиталя и возвращался на фронт, в свою часть. Он еще будет сражаться с ненавистными врагами!

Однажды ночью Бурзенко проснулся от необычного шума. Из коридора доносился топот кованых сапог, брань, кто-то требовал немедленно вызвать хирургов. Через приоткрытую дверь палаты Андрей увидел Гельмута Тимана, который торопился в операционную, на ходу надевая белый халат. Следом, не по возрасту резво, пробежал Крамер, за ним — санитары. Затем голоса смолкли. Андрей отвернулся к стене.

Но спать ему не пришлось. Снова захлопали дверьми. Со стороны операционной послышались глухие удары, брань, снова удары. «Что там происходит?» — Бурзенко насторожился. Шум разбудил многих больных. Они тревожно переглядывались.

Андрей слез с нар и проковылял к дверям. В операционной кого-то били. Слышались частые удары. Но тот, кого били, молчал. Ни звука, ни стола.

Вдруг Андрей замер и метнулся к своей постели. Мало палаты, направляясь к выходу, прошли гестаповцы. Они были возбуждены и яростно ругались.

Бурзенко натянул одеяло до подбородка. Сердце все еще колотилось: наверняка били больного. Боксер не мог заставить себя уснуть, смотрел на дверь и напряженно думал.

В палату торопливо вошел Крамер. Он был встревожен:

— Геноссе, друзья... Срочно нужна кровь...

Повторять Крамеру не пришлось. Бурзенко рывком приподнялся:

— Возьмите мою.

В операционной на столе лежал человек.

— Ему? — шепотом спросил Андрей у Крамера.

Тот тихо ответил:

— Да... Товарищу Поссеру...

Андрей быстро сел в кресло, закатал рукав.

Но Поссер и после вливания крови не приходил в себя. Врачи делали все возможное, чтобы спасти умирающего, привезенного из ваймеровского гестапо. Там Поссера пытали. Обер-лейтенант, взбешенный упорным молчанием, стал угрожать коммунисту страшной смертью. В ответ мужественный антифашист поднял скованные руки и ударил кандалами гестаповца по голове. Пока следователь приходил в себя, Поссер подскочил к окну и выпрыгнул со второго этажа. Смелчак перебежал широкую дорогу и хотел спрятаться в густых зарослях парка. Но, перелезая через ограду, он запутался кандалами в ее острых железных прутьях. Подоспевшие гестаповцы открыли стрельбу.

Смертельно раненного коммуниста стащили с ограды. Узнав, что Поссер умирает, обер-лейтенант пришел в ярость:

— В больницу! Из него еще надо выдавить показания!

Но ни одна городская больница не взялась спасать Поссера. К полночи его доставили в Бухенвальдский ревир. После операции коммунист пришел в себя. Гестаповцы выгнали врачей и продолжали допрос прямо в операционной. Ничего не добившись, они зверски избили только что оперированного тяжело раненного человека.

Вливание крови повторили. И тогда Поссер открыл глаза:

— Вот и конец моей жизни... — чуть слышно прошептал он. — Умираю... Я был активным членом коммунистической партии Германии... Последнее время работал курьером между Иеном, Ваймером и Зихль... Передайте мой привет товарищу Тельману!

Собрав последние силы, Поссер приподнялся и судорожно вскинул правый кулак:

— Рот фронт...

В один час тридцать минут ночи, после недолгой агонии, он умер.

Это был первый коммунист, подпольщик, оттуда, с волн, которого встретил Андрей. Значит, Германия борется!

Чуть свет в больницу неожиданно явился капитан Эйзель. Он был взволнован. Помощник главного врача прошелся, или, вернее, пронесся, по всем палатам, отдавая распоряжения. Вслед за ним двинулись группы санитаров, уборщиков с ведрами, тряпками, щетками. На глазах у изумленных узников больница преображалась. Засверкали вымытые окна, на рамах появились марлевые занавески, пол отмыли до блеска. Больных узников спешно одели в чистое белье, а на вонючие матрацы постелили свежие простыни. Фельдфебель, ведавший хозяйственным складом, повесил на каждые нары полотенце и, уходя, пригрозил:

— Свины, не вздумайте вытираться!

Стало ясно: гитлеровцы кого-то ждут.

После завтрака по палатам прошелся гестаповец Мартин Зоммер.

— Слушайте, швиные собаки! Тут делегация от Красного Креста шляется. Так запомните: если кто вздумает болтать или жаловаться, тот познакомится со мной. Ясно?

Знакомиться с Зоммером желающих не было. Все знал, что этот гестаповский палач своими руками уже убил сто восемьдесят семь заключенных.

В полдень пришла делегация: двое мужчин и четыре дамы. Мужчины гладко выбритые, полные, в черных костюмах, поверх которых небрежно накинута белая халата. Дамы — в коротких модных платьях. Делегация, сопровождаемая майором Говеном, неторопливо прошла по больнице. В каждой палате одна из женщин, высокая, седая, раздавала больным черные крестники с рельефным изображением распятого Христа.

— И в смятении душевном и в муках телесных пусть всегда с вами будет образ Спасителя...

Когда рука с черным крестником протянулась к Андрею, боксер вежливо отказался:

— Мадам, я атеист.

Дама быстро отдернула руку. Растерянно посмотрела

на Бурзенко. Вздохинула и, порывшись в своей сумке, достала маленькую плоскую коробочку:

— Это тоже успокаивает нервы.

Санитары шумно ввезли в коридор тележку, нагруженную картонными ящиками.

— Сейчас каждый из вас получит маленькую посылку. Наша организация заботится о вас. В посылке каждый из вас найдет то, что любил еще в детстве, что он любит и теперь.

— Господа, прошу не нарушать наш режим, — Говен прервал представительницу Красного Креста. — Больных ждет обед. Не следует портить им аппетит. Ваши посылки мы вручим после обеда. Как вы уже успели заметить, господа, в нашем лагере всюду царит порядок и чистота. А здесь, в больнице, вы убедились, что в Германии лечат врагов государства. По возвращении, господа, вы можете рассказать во всеуслышание, что в немецких концлагерях с государственными преступниками обращаются лучше, чем в Америке со свободными гражданами.

Делегация удалилась. Через некоторое время тележку с посылками укатили обратно. Фельдфебель прошел по палатам, забирая простыни и полотенца.

Вытащив из кармана плоскую желтую коробочку, Андрей прочел надпись: «Made in U. S. A.» — «Сделано в Америке»... Открыл крышку. На ладонь высыпались мелкие блестящие конфеты, похожие на русскую карамель «подушечки».

Бурзенко нетерпеливо сунул карамель в рот. Но его ждало разочарование: конфета оказалась тягучей резинкой... «Жевательная», — определил Андрей. Ему захотелось догнать сердобольную даму и швырнуть ей коробочку.

Около месяца Андрей провел в реви́ре. Окреп, набрался сил. Вынужденное безделье начало его тяготить. Хотелось действовать, бороться. Показывая Пельцеру налившиеся бицепсы, он шутил:

— Вот как откормили!

Пельцер щупал тощими пальцами мышцы и тихо восклицал:

— Это то, что надо!

Наконец Крамер выписал Андрея из больницы. На последнем осмотре он похлопал Бурзенко по плечу и напутствовал:

— Карош, геноссе! Гут!

Соколовский предупредил, чтоб он ничему не удивлялся. А удивляться было чему: Андрею принесли полосатую робу, на которой не оказалось мншенн, но номер был прежний — 40 922.

— Старайся не попадаться на глаза тем, кто был с тобой в штрафной, — сказал Соколовский. — Обходи их. Особенно старосту и капо. Направляем тебя в Большой лагерь. Это целый город. В нем находится несколько десятков тысяч человек. Будешь работать в сапожной мастерской, а жить в сорок втором блоке. Там встретишь узбека Каримова. Будь с ним поближе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Бурзенко быстро осваивал сапожное дело. На первых порах часть его работы брал на себя Каримов. Он натягивал на колодку брезентовую заготовку и несколькими гвоздями прикреплял ее к деревянной подошве. Андрею оставалось прибить к подошве кожаную полоску, служившую рантом. Ботинки снова брал Каримов и срезал выступавшие из-под ранта части заготовки. Колодка вынималась, и новая пара обуви ставилась на полку.

Работа не сложная, но однообразная. С утра до вечера одно и то же.

Через несколько дней после прихода Андрея в сапожную мастерскую вошел заключенный, принесший на ремонт несколько десятков пар деревянных башмаков. Взглянув на него, Бурзенко застыл в радостном удивлении. Перед ним был не кто иной, как подполковник Смирнов, вместе с которым его в Дрездене втолкнули в эшелон. Андрею хотелось встать, вытянуться и сказать: «Здравия желаю, товарищ подполковник!» Но он сдержался — надсмотрщик недобро оглядывал каждого входящего и выходящего из мастерской, хмуро следил за работой узников.

Спросив разрешения у обер-мастера, подполковник снял свои башмаки и протянул Андрею:

— Подбей косяки.

— Давайте, — Андрей быстро взял протянутый ботинок.

Иван Иванович сел рядом и, улучив момент, шепнул:

- Поговорим в другой раз.. Где Батыр Каримов?
- Понес ботики на склад.
- Передай ему, пусть после отбоя заглянет ко мне.

Он знает куда.

— Слушаюсь! — тихо ответил Андрей.

И снова Бурзенко подумал о том, что в лагере смерти ведется тайная борьба с фашистами. Когда же в эту борьбу включится и он?

Каримов был на много старше Андрея. Черные волосы Батыра тронуло серебро седины. У него скуластое круглое лицо, типичное для ферганца, и чуть раскосые, внимательные глаза. Каримов, казалось, никогда не грустил, не тосковал. Правда, в вечерние часы он любил, лежа на нарах, вспомнить о садах Ферганы и проспектах Ташкента, о родном Узбекистане.

Каримов называл Андрея, который хорошо владел узбекским языком и не раз бывал в Ферганае, «русским земляком» и расспрашивал о его прошлом. Бурзенко отвечал охотно, открыто. Он видел, что Каримов связан с подпольной организацией и ждал от него заданий, был готов, не щадя жизни, выполнить любое поручение.

...Жизнь в Большом лагере Бухенвальда немного легче, чем в карантинном блоке или в штрафной команде. Здесь более сносный порядок. Надсмотрщики не так измываются над заключенными, не пускают в ход дубинки, а чаще ими только грозят. И в бараках нет особенной тесноты. А в остальном все то же: жизнь на грани голодной смерти.

Сегодня после вечернего отбоя Каримов ушел к Ивану Ивановичу. Андрей лежит на нарах и думает о Ташкенте, о товарищах по боксерской секции, о Лейли.

Он часто вспоминает ее, эту веселую и смелую девушку, их первую встречу, ночной парк. Где она сейчас? Что делает? Как сложилась ее судьба?

Андрей мысленно переносится в далекий Ташкент. Сейчас начало сентября. В садах ветви деревьев гнутся под тяжестью яблок. Пospели гранаты, лучшие сорта винограда, инжир. Андрею представилось: Лейли возвратилась из института — она обязательно должна учиться — и вышла на веранду с книгой в руках. А может быть, пошла в парк к берегу реки на то самое место, где он когда-то просидел целую ночь. В руке — виноград, а на коленях — книга. Лейли читает и, съев виноградину, бро-

сает косточки в воду. Вот бросила и задумалась. Задумалась о нем, об Андрее. Иначе не может быть. Ведь она сама, сама обещала в своих письмах поинить и ждать. А проводы? Андрей уезжал в Армию. Его проводжали друзья, отец, мать. А он все смотрел по сторонам — искал Лейли. Она опоздала. Началась посадка. «Не пришла», — решил Андрей и, быстро поцеловав родителей, направился к вагону.

— Андрей!

Он оглянулся.

— Лейли...

Она подбежала и, запыхавшись, неловко сунула ему в руки букет цветов.

Они, как тогда около ринга, застыли друг против друга. Потом Андрея подтолкнули товарищи:

— Поезд тронулся.

Лейли порывисто обхватила его шею и впервые поцеловала:

— Мой джигит, я буду ждать тебя...

Андрей долго махал ей из открытой двери товарного вагона. Он, забыв обо всем, смотрел на удаляющуюся станцию, жадно искал глазами в толпе людей Лейли...

Вот уже почти три года, как они не виделись, но в ушах его по-прежнему явственно звучит ее дрогнувший голос: «Мой джигит, я буду ждать тебя...», а на щеке свежо ощущение поцелуя...

Андрей вздыхает и смотрит вниз. За столом сидят болгарии Дмитро, немец Курт, чех Владек и несколько русских. Чесноков, бухгалтер из Киева, вполголоса рассказывает о том, как он проводил воскресные дни. Одни заключенные слушают украинца, другие что-то мастерят, третьи молча смотрят на стену. И на ней, на белом квадрате, как на большом экране, каждый — в который раз! — мысленно просматривает кинокартину о своей прошлой жизни. Настоящее ужасно, а будущее покрыто мраком. Никто не знает, что его ожидает завтра...

Андрей слезает с нар, берет табуретку и подсаживается к заключенным:

— Споем, что ли?

Бурзенко негромко запевает свою любимую, которую выучил в плену:

Меня на фронт родная провожала,
Я на вокзале расставался с ней,

Она сквозь слезы тихо мне шептала:
«Будь верным сыном Родины своей».

Песню подхватывают голоса. Поют тихо, чтобы не услышали охранники.

И я пошел, я побывал в сраженьях,
Москву родную грудью защищал.
Был дважды ранен, был я в окруженье,
Помимо волн, к немцу в плен попал.
Когда схватили, в бункер посадили,
Давали пищу только раз в три дня.
Но только волю, волю не сломили.
Еще сильнее, Москва, люблю тебя!
Еще сильнее о Родине мечтаю,
Еще сильнее сердце рвется в бой,
Как тяжело за каменной стеною,
Москва родная, я навеки твой! —
Я вынес муки, вынес униженья,
Смотрел я смерти много раз в лицо,
Но никогда не ползал на коленях
И никогда я не был подлецом.
Но если, мать, судьба не пожелает,
Чтоб сын твой дожил до счастливых дней,
Когда-нибудь из песни ты узнаешь:
Твой сын был верен Родине своей!

Песня сближает узников, рождает светлые мысли, зовет к солнцу, к свободе...

На плечо Андрея ложится теплая широкая ладонь. Он поворачивается. Перед ним Гарри Миттильдорп.

— Андрэ, нам надо поговорить.

Андрей, научившийся в плену кое-как объясняться по-немецки, кивает головой:

— Хорошо.

Они выходят в умывальню. Там сыро и пусто. Гарри начинает умываться. Андрей ждет.

С первых дней пребывания в Большом лагере Бухенвальда Андрей сблизился с этим веселым, никогда не унывающим голландцем, революционером, спортсменом рабочего клуба.

— Андрэ, — прервал молчание Гарри, — ты знаешь спорт? Да? У тебя крепкие руки.

Бурзенко улыбнулся:

— Я был боксером.

— Бокс? — Гарри оживился. — Это очень хорошо! Я знаю, Андрэ — боксмайстер!

Андрею хотелось рассказать голландцу о своей Родине, о далеком Ташкенте, где во Дворце пионеров он осваивал технику бокса, о спортивном клубе, о соревнованиях. Но запас немецких слов у него был еще мал, и он не мог перевести голландцу всего того, о чем думал.

— Видишь ли, Гарри, я был не боксер, как у вас понимают, а любитель, — пояснил Андрей. — Понимаешь, любитель.

— Понимаю, — Гарри пожал ему руку. — И здесь нужны сильные, смелые парни...

Вдруг из блока донесся необычный шум и выкрики.

«Драка», — подумал Бурзенко и вместе с голландцем бросился к дверям.

В блоке какие-то незнакомые заключенные с зелеными треугольниками на пиджаках били Каримова. Узбек, видимо, только пришел и еще не успел снять верхнюю куртку. Четыре уголовника, обступив Батыра, ударами голяли его по кругу словно бильярдный шар. На руках у бандитов темнели перчатки. Настоящие, боксерские. Заключенные, не скрывая гнева, толпились в стороне, но вступить не решались.

Андрей в два прыжка очутился рядом с Каримовым. Уголовники бросились на смельчака. Но Бурзенко опередил их. Он сбил с ног одного, мгновенно повернулся к другому и, уверившись от тяжелого размашистого удара, приблизился к бандиту вплотную. Тот попытался отскочить, но не успел. Андрей обрушил на него апперкот — удар снизу по солнечному сплетению. Охнув, негодяй повалился на пол.

На помощь Андрею бросился и голландец. Вдвоем они быстро заставили бандитов отступить. Те обратились в бегство, бросая тяжелые боксерские перчатки.

— Что же вы... одного бьют, а вы смотрите? — Бурзенко тяжело дышал, разгоряченный дракой.

— Трусите?

Заключенные молчали.

Бурзенко много еще не знал. Он был новичком в Большом лагере.

— Посмотрим, насколько тебя хватит, — мрачно ответил киевлянин Чесноков. — Ты думаешь, на этом все кончилось?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Едва заключенные улеглись на своих матрасах, как в барак толпою ввалились зеленые. Это были «буйволы» во главе с Трумпфом.

Притаившись на своих местах, узники с жалостью поглядывали на новичка: быть будет...

— Кто тут боксмайстер? — насмешливо спросил Трумпф.

Прятаться было бесполезно. Андрей слез с нар:

— Ну, я...

Бандит презрительно осмотрел Андрея.

— Этот скелет? Боксмайстер?

Два уголовника с синяками под глазами услужливо подтвердили Трумпфу, что это он и есть.

— Ха! — бандит осклабился. — Пальцем ткни — упадет!

Андрею бросили боксерские перчатки.

— Одевай!

Но поднять их Бурзенко не успел. Рядом с ним оказался Миттильдорп. Схватив перчатки, голландец встал перед бандитом.

— Я тоже боксер. Давай схватимся. По-честному!

Рыжие брови Трумпфа угрожающе сдвинулись.

— Опять, Гарри, напрашиваешься? Мало я тебя бил?

— Назначай судью!

— Ну, держись, — Трумпф стал натягивать перчатки. — Обработаю тебя. Для разминки.

Бурзенко понял, что Гарри пытается спасти его, принимая на себя ярость зеленых.

Андрей стал возражать. Но Трумпф прорычал:

— Ты, скелет, смотри и дрожи! Сейчас и к твоим костям доберусь!

Уголовники расступились, освобождая место для поединка.

Бурзенко еще не знал, что его новый друг голландец не первый раз боксирует с Трумпфом и хорошо изучил все коварные приемы недавнего боксера. Выходя на поединок, Гарри жертвовал собой, надеясь в какой-то мере ослабить свирепого бандита. Голландец не был уверен в Андрее. Он опасался, что в жестоком боксерском бою, похожем на избиение, сломается воля русского парня.

Бурзенко мрачно наблюдал за поединком. С первой

же минуты он убедился в том, что рыжий уголовник с квадратным лицом и покатыми плечами действительно боксер. И притом хороший. Он был тренирован, легко передвигался, ловко уходил от ударов, резко и точно бил. Он был хозяином положения.

Гарри отчаянно защищался. Но силы были далеко не равными. Несмотря на все свои усилия, голландец смог продержаться не больше одного раунда...

Уголовники радостными выкриками приветствовали успех Трумпфа. Наступила очередь Андрея.

— Не трус, русский! — подбадривали зеленые. — Ты должен гордиться тем, что тебя бьет настоящий ариец!

— Попробуй только сдаться, лечь раньше минуты, — мы тебя сообща бить будем!

Бурзенко неторопливо снял куртку, сбросил деревянные башмаки, закатал до коленей штаны — так легче будет боксировать — и стал шиуровать перчатки.

— Скелет, не бойся! — Трумпф подмигнул своим друзьям. — Конечно, я буду драться не в полную силу.

И он начал бой, думая, что «игра» продлится недолго. Может ли устоять перед ним, профессиональным тренированным боксером, отощавший русский солдат? Да и знает ли он, что такое бокс?

Покровительственно улыбаясь, Трумпф атакует русского. Бьет прямым ударом левой. Андрей уклоняется. Бьет правой — то же. Еще левой, еще правой, левой... Андрей уходит от ударов уклонами, нырками. Руки держит свободными. Свободными для нанесения удара. И, экономя силы, отвечает: на удар — ударом, на атаку — контратакой.

Андрей понимает, что от результата боя зависит многое. Это не просто поединок двух заключенных, это испытание. Что же, он готов.

И Трумпф понял, что перед ним не новичок. С лица слетела улыбка. В маленьких голубых глазах загорелись злые огоньки. Предводитель уголовников решил покончить с противником и бросается в атаку.

Но Андрей начеку. Он делает шаг назад и сразу, без подготовки, наносит один за другим два удара снизу. Попал! Трумпф быстро прижимает локти к туловищу. Ага! Прячешь пораженное место?

Зрители — уголовники и политические — поражены. У Трумпфа, непобедимого Трумпфа, жожака «буйво-

лов», оказался достойный противник. Они видят не избиение, а профессиональный поединок, настоящий матч бокса!

Один из «буйволов» так увлекся, что решил исполнять обязанности судьи:

— Тайм! — закричал он, когда Андрей стал теснить Трумпфа. — Кончился первый раунд!

Бойцы разошлись. Андрею подставили табуретку, и он сел. Гарри Миттильдорп стал обмахивать его полой куртки. Другой политический — Курт — сунул в рот Андрею леденец:

— На, друг, подкрепись.

Бурзенко был тронут. Заключенные не видели сахар годами. Лишь иногда удавалось им выменять у немецких преступников на самодельный портсигар или мундштук маленькую конфетку. И вот с трудом добытый леденец Курт отдал ему.

Схватка возобновляется с новой силой. Темп боя высокий. Судья то и дело бросается разнимать сцепившихся бойцов. Часто слышны его возгласы: «Брэк!» («Шаг назад!»). Боксеры отступают на шаг и снова сходятся в ближнем бою. Ни тот, ни другой не уступает. Они обмениваются быстрыми, беспорядочными ударами. Бьют по корпусу, по локтям, перчаткам... Андрей устал, ему трудно дышать. Но и противник выдохся. Нет, не добился Трумпф легкой победы!

После окончания третьего раунда зрители загудели:

— Кто победил?

— Объявляйте победителя!

Но судья поднял руку:

— Победителя объявлять не будем.

Он спасал репутацию Трумпфа. «Буйволы» одобрили это решение:

— Гут, гут!

Трумпф, дыша как загнанная лошадь, молча снял пухлые перчатки и швырнул их на землю. Потом натянул свой свитер и, ни на кого не глядя, ушел. Уголовники последовали за своим вожаком.

Гарри помог Андрею одеться. У Андрея дрожали руки, на бледном лице выступила испарина. Никогда в жизни он так сильно не уставал. Даже после самых тяжелых поединков на первенство Средней Азии он не чувствовал себя таким разбитым и обессиленным: ноги стали слов-

но ватными, а в жилах, казалось, бродила газированная вода.

— Идем, Андрэ, — Гарри взял его под руку.

Путь к нарам показался бесконечно длинным. Бурзенко с помощью Гарри и Каримова вскарабкался на свое место. Не раздеваясь, плюхнулся на матрас.

Сколько времени он проспал, Андрей не помнит. Проснулся от того, что кто-то тормозил его за плечо. Андрей открыл глаза. К нему на нары влез Каримов. Пола его куртки оттопыривалась. Батыр, осмотревшись кругом и убедившись, что за ним никто не наблюдает, шепнул:

— На, земляк.

Он поставил перед Андреем чашку с густой брюквенной похлебкой.

— Рахмат, — поблагодарил Андрей по-узбекски и, проглатывая слюни, спросил: — А ты сам кушал?

— Это тебе от твоих друзей.

— Тогда садись, Батыр-ака, съедем вместе.

— Нет, — улыбнулся Каримов, — это все тебе одному.

Андрей осторожно, чтобы не пролить похлебки, отодвинул чашку:

— Один есть не буду!

— Нет будешь, — в шепоте Батыра звучали властные нотки. Я старше тебя. Значит, имею право приказывать. И не один я приказываю. Моим языком приказывают все старшие товарищи. Ясно?

— Не совсем.

— Так надо, — Каримов пододвинул чашку к Андрею. — Ешь, земляк, ешь. Набирайся сил! Твоя сила нам нужна. Нужна для борьбы.

*
*

Весть о поединке русского пленного с Трумпфом, одним из самых свирепых бандитов, облетела все блоки. Незнакомые люди приходили к Бурзенко, пожимали ему руки. Один из немецких заключенных принес Андрею пайку хлеба, группа чехов принесла вареной картошки.

— Друг, это тебе от нашего блока.

Два дня спустя староста блока Альфред Буицоль зашел после вечерней проверки в барак и приказал Андрею:

— Возьми чайник и принеси мне кипятку.

В маленькой каморке старосты за квадратным столиком сидели двое. Одного Андрей узнал сразу.

— Товарищ подполковник, здравствуйте! — радостно поздоровался он с Иваном Ивановичем.

Второй заключенный, в полосатой одежде, с красным треугольником на куртке, в деревянных башмаках, был Андрею незнаком. Он смотрел на боксера карими глазами, в которых играла смешинка. И Андрею трудно было понять: то ли он улыбается ему, то ли изучает его насмешливым взглядом.

Иван Иванович сказал:

— Бурзенко, познакомься. Это Михаил Левшенков. Товарищ Михаил. Интересуется твоими спортивными делами.

— Какой тут спорт, — вздохнул Андрей, — мне бы не перчатки, а автомат в руки...

— Всеу свое время, — мягко возразил товарищ Михаил.

Андрей понял, что перед ним один из руководителей подполья. «Наконец-то, — у Бурзенко сильнее забилося сердце, — наконец-то...»

— Ну, что ты стоишь? — Иван Иванович пододвинул табуретку. — Садись к столу.

Андрею налили кружку кипятку и дали большую вареную картофелину. Андрей откусывал ее бережно, маленькими кусочками и запивал горячей водой. Вкусно! Вдруг он заметил, что Смирнов и товарищ Михаил картошку не едят. Иван Иванович перехватил взгляд Андрея:

— Ешь, ешь. Мы свои съели.

Андрей осторожно разломил картофелину на равные части:

— Теперь я вас угощаю.

Они пили кипяток и беседовали. Андрей рассказал свою биографию.

— Я здесь долго быть не собираюсь, — закончил он. — При первой же возможности убегу! Вот только товарищей надежных подобрать надо...

— Всеу свое время, — Левшенков повторил уже знакомую Андрею фразу и, посмотрев ему в глаза, сказал, что подпольный центр предлагает Бурзенко выступить в боксерских соревнованиях с уголовниками.

Андрей отказался:

— Развлекать гадов я не собираюсь.

— Нет, ты должен выступить, — возразил Левшенков. — Так нужно. Понимаешь?

Андрей удивился. Спортивные соревнования в Бухенвальде! Странно... Зачем?... Если он озлобит уголовников, ему не миновать крематория... Но Левшенков говорит с ним от имени подпольного центра...

И он ответил:

— Я готов выполнить любое ваше поручение.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Старший санитар Гигиенического института Карл Пайкс был доволен началом дня. Сегодняшнее утро мало чем отличалось от вчерашнего — такой же туманный рассвет и обычный для Бухенвальда сырой, пронизывающий до костей, ветер. Но на этот раз пасмурная погода не влияла на настроение политического заключенного Карла Пайкса, в недавнем прошлом молодого, но уже довольно известного врача одной из клиник Гановера, а ныне старшего санитаря Гигиенического института концентрационного лагеря Бухенвальд.

Жизнь такая загадочная штука, что, сколько ни смотри пристально вперед, все равно не увидишь того, что ожидает тебя завтра. В этой истине Карл Пайкс убедился на собственном примере. Застенчивый по натуре и напуганный бурными действиями фашистов, наводивших в старой доброй Германии так называемый «новый порядок», молодой врач всячески избегал общественных выступлений и сторонился всего того, что, по его мнению, могло скомпрометировать доброе имя нейтрального человека. Пайкс был далек от политики. Он мечтал о карьере хирурга и кандидатской диссертации.

Но политика не осталась к нему равнодушной. В один из зимних солнечных дней в операционную с шумом вошли гестаповцы, оставляя на розовом паркете грязные широкие следы сапог. Пайкса обвинили... Впрочем, в 30-х годах для ареста не требовалось серьезных, проверенных обвинений, достаточно было указать чернорубашечникам на человека и сказать, что он против «нового порядка». Кто же наклеветал на него, — Пайкс так и не узнал. Очевидно, один из коллег по работе, которому оказался не по душе талант и успехи молодого врача. В камерах гестапо Карл долго не задержался. Все его попытки возмущаться и говорить правду были остано-

лены кулаком и резиновой дубинкой. На десятом допросе он махнул на свою жизнь рукой и в полубессознательном состоянии признал себя виновным во всех политических грехах и поставил собственную подпись под «показаниями».

Следователь, поздравив Пайкса с успешным окончанием следствия, посоветовал ему впредь быть таким же благоразумным и беречь свое здоровье. Потом ему зачитали приговор, посадили в арестантский вагон и привезли в Бухенвальд.

Так он стал государственным преступником, политическим заключенным. На его голове от высокого лба до затылка простигли машинкой широкую полосу, надели на него полосатый костюм каторжанина, на куртку и штаны пришили четырехзначный номер, который заменил ему имя и фамилию, а под номером прикрепили матерчатый треугольник ярко-красного цвета — отличительный знак политически неблагонадежных...

Прошло около четырех лет. Осенью 1941 года, когда прибывшее из Берлина высокое начальство стало спешно организовывать Гигиенический институт специального назначения, о Пайксе вспомнили. Из огромной картотеки срочно извлекли его личное дело, в котором хранилось подтверждение того, что в прошлом он действительно был медицинским работником. Руки и ум хирурга оказались нужными. И Карлу Пайксу — политическому заключенному, немцу по происхождению, врачу по образованию — доверили ответственный пост — его назначили старшим санитаром...

Однако годы, проведенные в мученьях и страданиях, не прошли бесследно для Карла Пайкса. Он, как и многие другие немцы, которые считали себя «нейтральными» и стремились отгородиться от общественной жизни, уйти от политики, столкнувшись лицом к лицу с фашизмом и пройдя через ад гестаповских камер, стал осознавать свои заблуждения и ошибки. Произошел серьезный поворот в его жизни: он начал думать. Правда, этой способностью он отличался и раньше, но тогда, до Бухенвальда, все его мысли ограничивались медициной и узким кругом личных интересов. А здесь он словно прозрел, словно поднялся на ступеньку выше и оттуда посмотрел на мир, на жизнь. Товарищ по несчастью Вальтер Крамер, политзаключенный, коллега по профес-

сии, исполнявший обязанности старшего лечащего врача в больнице для заключенных, помог разобраться в хаосе международных событий, найти главные противоречия, вокруг которых бушевали страсти. И чем больше Пайкс размышлял, сопоставлял свое прошлое и настоящее, тем сильнее становилась его ненависть к гитлеровцам.

Пайкс стал антифашистом при помощи доктора Вальтера, с жаром включился в подпольную борьбу.

Сегодняшнее утро прошло у Пайкса на редкость удачно. Он перед самым приходом главного врача майора СС Адольфа Говена успел побывать в разных местах и сделать несколько дел, на которые раньше приходилось тратить чуть ли не целую неделю. И главным из них было то, что он достал шонинги — больничные листки.

Вчера Вальтер Крамер сказал ему:

— Нужно спасать русских офицеров. Их вчера бросили в Малый лагерь. Им грозит смерть. Нужны шонинги.

Пайкс поправил очки и, немного подумав, ответил:

— Не раньше, чем через три-четыре дня. У меня нет даже бланков.

— Но ты постарайся. Встретимся у меня — в отделении тяжелобольных.

А полчаса назад Пайкс успешно изъяс из сейфа бланки больничных листов. Сотня новеньких розовых бумажек, хрустящих, как пачка денег, приятно оттягивала карман полосатых брюк. Впрочем, в Бухенвальде шонинги ценились дороже денег. Каждая такая бумажка являлась драгоценностью: освобождала ее обладателя от каменоломни, где жизнь узников зависела от настроения надсмотрщиков, давала право остаться в лагере, давала короткий отдых.

Теперь нужно было сделать главное: выждать удобный момент, когда майор Говен отлучится, незаметно проникнуть в его кабинет и проштамповать больничные листки. Но, судя по всему, главный врач не собирается покидать кабинета. Старший санитар уже дважды заглядывал к доктору и оба раза видел одно и то же: Говен писал. Очевидно, он работал над своей докторской диссертацией. Такие часы бывали редкими, ибо обычно майор большую часть дня проводил то в патологической лаборатории, то в экспериментальном отделении, где испытывались новые препараты, или просиживал у химиков

и биологов, строго контролируя производство высокоэффективной сыворотки против сыпного тифа. Ее делали из крови заключенных. Заказы на сыворотку резко возрастали. Особенно много ее отправляли на Восточный фронт. Судя по-этому, в частях «победоносной» армии фюрера свирепствовала эпидемия тифа.

Сейчас биологи подготовили к отправке новую партию сыворотки. Оставалось только заполнить соответствующие документы. Эту процедуру всегда выполнял сам Говен. После получения выговора он стал подозрительным и не доверял своим помощникам.

Пайкс дважды докладывал Говену о том, что ампулы упакованы и готовы к отправке, но тот не торопился уходить. Он писал.

Пайксу ничего не оставалось, как ждать. Ждать удобного случая. И он, чтобы не привлекать к себе внимания эсэсовцев, которые шныряли по институту, занялся переписыванием в толстый журнал сведений о наличии больных, состоянии их здоровья и о числе умерших.

Вдруг раздался телефонный звонок. Пайкс снял трубку. Адъютант коменданта лагеря Бунгеллер — Пайкс узнал его низкий грудной голос — спрашивал Говена.

— Доктор Говен очень занят.

— Срочно передай доктору, что его вызывает штандартенфюрер Карл Кох. Пусть сейчас же, слышишь, болван, сейчас же явится к коменданту.

— Будет исполнено.

Пайкс отложил в сторону ручку, спрятал в ящик стола журнал учета и в третий раз решительно открыл массивную дверь кабинета.

— Доктор Говен!

— В чем дело?

Говен в белом халате, надетом поверх офицерского мундира, не сидел, как несколько минут назад за письменным столом, а стоял спиной к дверям и, опершись руками о стену, смотрел в маленькое потайное окошко. Об окошке Пайкс ничего не знал. Это было для старшего санитаря открытием. Он и не подозревал, что, сидя в кабинете, можно следить за работой в соседней специальной камере.

— Карл, вы же знаете, — голос майора звучал раздраженно, — что в эти часы я никого не принимаю!

— Герр майор, вас вызывает штандартенфюрер Карл Кох.

— Хорошо.

Говен продолжал смотреть в маленькое окошко. Его круглые желтоватые, как яйца черепахи, глаза блестели, а по толстым губам блуждала самодовольная улыбка.

— Доктор!

— Ну? — майор резко повернулся. — Что еще?

— Уитерштурмфюрер Бунгеллер требует, чтобы вы явились немедленно.

— Хорошо. Можете идти.

— Слушаюсь!

Выйдя из кабинета, старший санитар услышал, как Говен звонил по телефону, долго что-то горячо доказывал, а потом бросил трубку.

За время пребывания в Гигиеническом институте Пайкс хорошо изучил характер своего начальника. Когда у Говена появлялось хорошее настроение, он называл старшего санитаря своим помощником, именовав его по фамилии и даже похлопывал по плечу. В обычные дни майор ходил с безразличным выражением на совииом лице и называл Пайкса «санитаром»: «Санитар, сходи за анализами», «Санитар, проведи операцию легких» и т. д. Но в дни, когда жидкие брови майора хмурились, а уголки губ угрожающе опускались, Пайкс старался не попадаться ему на глаза. Говен не ругался, как другие, не бил, не оскорблял. Нет, он действовал. Каждого, кто ему в это время был не по душе, Говен отправлял в крематорий. К счастью узников, работавших в институте, такие дни выпадали редко.

Послышалось шелканье замка: Говен запирает ящики стола и сейфа. Через несколько минут он вышел. Пайкс вскочил с места и застыл, вытянув по швам руки.

— Пайкс, я вчера отправил в лабораторию мокроту сорока «кроликов». — Кроликами Говен называл подопытных заключенных. Майор быстро снял халат и бросил на руки старшего санитаря. — Чтоб к моему приходу на столе лежали анализы.

— Будет исполнено, герр майор.

Проводив глазами Говена, Пайкс повесил халат на вешалку и взглянул в окно. Майор быстро шел к главным воротам концлагеря, за которыми в эсэсовском городке находилась резиденция коменданта.

Пайкс, не теряя времени, достал из потайного кармана самодельный ключ и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, открыл дверь кабинета. Штамп, как всегда, находился в правом верхнем ящике стола. Через несколько минут бланки больничных листов приобрели силу подлинных документов. Нужно было только вписать личные номера заключенных да проставить даты освобождения.

Пора было уходить. Но Пайкс не спешил. Он решил разгадать тайну маленького окошка. Несколько секунд в его душе шла борьба: а что если окошко имеет сигнализацию?..

Поборов колебания, Пайкс отдернул маленькую темную шторку. На кафельной стене вырисовывался квадрат смотрового окна. Под ним была кнопка. Пайкс нажал ее. Раздался щелчок, и крышка открылась.

Пайкс приник к выпуклому стеклу и отшатнулся. Не может быть! Не веря глазам, снова поглядел в окошко, — и мурашки побежали у него по спине. За толстым стеклом, за массивной стенкой шел чудовищно варварский эксперимент. Там задыхались заключенные с желтыми туберкулезными лицами. Их было не менее сорока. Пайкс увидел, что воздух в ярко освещенной камере очень мутен, и ему стало ясно — туда нагнетается какая-то мелкая пыль.

По впалым щекам мучеников струился пот, оставляя кривые грязные полоски, ввалившиеся глаза лихорадочно блестели. Одни с безразличным видом сидели на полу, прислонившись спиной к стенке, и покорно ждали конца. Другие еще боролись за жизнь. Они судорожно прижимали к носу и рту рукава или полы своих полосатых каторжных костюмов. Но, очевидно, пыль проходила сквозь редкую матерью...

Пайкс захлопнул окошко. Теперь все ясно! Свою докторскую диссертацию майор СС Адольф Говен писал на тему «Роль угольных частиц в новообразовании туберкулеза легких и задержке развития туберкулеза». Пайкс знал, что над этой темой работает чуть ли не весь подневольный состав Гигиенического института. Ученые в полосатых каторжных костюмах — химики, биологи, хирурги, терапевты — вкладывали в диссертацию Говена свои знания, свой опыт.

Теперь Пайксу стало понятно, зачем по указанию

Говена для исследований отбирали здоровых узников. Хотя в лагере было много туберкулезных больных, Говен желал наблюдать за развитием болезни на всех стадиях в интересующих его условиях. И вот для этого изверг в халате врача сажал в специальную камеру узников, чтобы они задыхались угольной пылью и заражали легкие. Эсэсовский доктор использовал людей как морских свинок и кроликов, как подопытных животных.

Пайкс ничем не мог помочь несчастным. Из камеры, которая тщательно охранялась, имелся только один выход — на операционный стол и в крематорий.

Хорошего настроения как не бывало. Радостное чувство удачи улетучилось. Опасная операция с больничными листками, все попытки облегчить существование узникам показались Пайксу до обиды мелкими и ничтожными. Он торопливо вышел из кабинета Говена, запер дверь и спрятал поддельный ключ, но совершенно забыл о том, что маленькая темная шторка на стене осталась незадернутой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Откровенно говоря, Андрей был немного разочарован. От встречи с представителями подпольного центра он ждал большего. Он хотел настоящей борьбы, сложных заданий. А ему предложили состязаться в боксе с зелеными. Особого проку в этом Бурзенко не видел. Ну, хорошо, он будет биться на «состязаниях», приложив все силы и знания к тому, чтобы побеждать. А дальше что? Разве это дело для подпольщика?..

В то же время Андрей видел, что о нем, именно о нем, постоянно заботятся товарищи. Его перевели на еще более легкую работу: он стал штубенистом — постоянным дневальным в бараке. В его обязанности входило совсем немного: следить за чистотой и порядком в блоке. Утром уйдут товарищи на работу, он подметет и протрет пол шваброй, вымоет обеденные столы, иадрант до блеска бачки для супа и кипятка, а затем может отдыхать. Такие условия позволяли Бурзенко сберегать силы и тренироваться, хотя последнее было нелегко делать в полуголодном состоянии. Он быстро утомлялся. Переутомление при плохом питании могло привести, как говорят спортсмены, к перетренировке, а она выводит из строя,

Поэтому Андрей после каждого занятия мылся теплой водой и ложился вздремнуть на час-полтора. Сон восстанавливал силы. Но организм требовал также хорошего питания. Андрею ежедневно доставали лишнюю пайку хлеба, добавочную чашку брюквенной похлебки, но чувство голода по-прежнему оставалось постоянным спутником боксера.

Шел сентябрь. Осень в Германии была солнечная, теплая. По небу плыли редкие облака, в воздухе носились паутинки. И за колючей проволокой концлагеря дыхание осени чувствовалось особенно остро. Трава, кое-где выступавшая сквозь камни и асфальт, поблекла. В темно-зеленых кронах буковых деревьев, которые гордо стояли на оскверненной земле, запрокинув кудрявые головы к небу, виднелись блеклые желтые листья. Они появились, как иногда появляется седина у людей, — неожиданно, за одну ночь. Казалось, что ужасы концлагеря коснулись и деревьев.

Андрей Бурзенко часто любовался величественными лесными богатырями — буками и вязами, напоминавшими ему юг, родную Среднюю Азию. Там, дома, он любил в знойные дни отдыхать под тенью широколистных чинар и карагачей. Как давно это было!

Одно дерево — старый кряжистый дуб — пользовалось особым уважением заключенных. Под ним сотню лет назад любил отдыхать великий поэт Гёте. Узники, особенно немцы, с грустью показывая дуб новичкам, рассказывали связанные с ним предания и легенды. Согласно одной из них, Гёте сказал герцогу Карлу Августу: «Германия будет жить до тех пор, пока будет жить этот дуб!» А эсэсовцы чтили исторический дуб по-своему: они всегда устраивали под ним массовые экзекуции и казни. Это место и выбрали уловиники для боксерских состязаний.

За три дня до их начала Батыр Каримов сказал Андрею:

— Сегодня тебя вызовет к себе староста. Товарищи тебе подарок приготовили, — и ушел со своей группой на работу.

Подпольный центр устроил Каримова на военный завод «Густов-верке», который находился рядом с концлагерем. Андрей искренне завидовал земляку. Там, на военном заводе, советские пленные, рискуя жизнью, пор-

тят станки, выводят из строя ценное оборудование. Там, на заводе, люди борются. Там фронт. Каримов рассказывал, что в последний месяц поток брака вырос на много процентов. Эсэсовцы выбились из сил, но найти причины этого не могут. А заключенные-специалисты утверждают, что виной «низкое качество стали».

Андрей мыл шваброй пол, когда его окрикнул староста барака:

— Аидрэ, зайди ко мне.

В каморке Альфреда Бунцоля сидел Костя Сапрыкин. Тот самый Костя-моряк, который еще в вагоне эшелона готовился к побегу.

— Костя! — Бурзенко порывисто шагнул к другу.

— Андрюха! Братишка!

Они обнялись, расцеловались.

— А ты ничего,— пошутил Андрей, хлопая Костю по его крутым плечам,— крепок. Только вот седины много.

— Фрицы покрасили, на всю жизнь,— отшутился Костя и сразу перешел к делу:— Андрюха, получай. По распоряжению центра выдаю тебе из нашего неприкосновенного запаса миску сливочного масла.

— Сливочного масла? — переспросил Андрей, не веря своим ушам.

— Самого первосортного,— Костя взял со стола алюминиевую миску и сиял с нее крышку.— Вот оно. Позаимствовали у эсэсовцев без отдачи. Только ты сразу не набрасывайся — живот заболит.

— А зачем оно мне? — облизывая губы, спросил Андрей.— Есть более нуждающиеся.

— Вот что, братишка,— Костя положил руку ему на плечо.— Приказы не обсуждают, а выполняют. Знаешь,— продолжал он,— как бы я хотел быть на твоём месте. Как бы я хотел зеленых публично, чтоб все видели, по морде, по жирной морде!

Костя, подвинув свою табуретку ближе к Андрею, стал рассказывать о себе. Сразу же после прибытия в Бухенвальд он попал в особую рабочую команду, которая обслуживала крематорий и знаменитый бухенвальдский «хитрый домик». Жила команда прямо на территории крематория. Периодически она поголовно истреблялась, и на ее место набиралась новая.

Андрей узнал, что в крематории не только сжигают трупы. Одновременно он служит местом расправы. Еже-

дневно вечером к воротам крематория подъезжала крытая машина. Обреченных высаживали и вели к небольшой калитке. Едва человек переступал порог, как под ним открывался люк, и он падал в подвал. Крики и вопли заглушал рев мощных вентиляторов. Внизу узника ждал палач или его помощник бандит Вилли. Они били жертву по голове специальными молотками из дубового дерева. Обреченный терял сознание. Его подносили к стене и вешали на крюк. В стенах подвала было сорок восемь крюков. Тела висели по нескольку дней. Потом приходили уборщики из особой команды, в которой был и Костя, снимали трупы, грузили на лифт и поднимали к печам. Шесть печей за час сжигали восемнадцать трупов; в сутки — более четырехсот... Там же, в подвале, имелась специальная газовая камера. Но в ней Костя не был и устройства ее не знает.

А наверху, у печей, орудовали зеленые. Они старательно просеивали золу. Эсэсовцы подозревали, что их жертвы в последний момент глотали драгоценности...

Андрей молча слушал Костю, и его кулаки гневно сжимались.

— Привезли однажды английских летчиков — я их сразу узнал по форме. Рослые ребята, как на подбор, — что наши черноморцы. Я на них через окошко смотрел. Построил бедняг во дворе крематория. Эсэсовцы, значит, как положено, вокруг с автоматами. Сердце у меня защемило от жалости. Через час-другой придется грузить их в лифт. А как помочь? Как сказать англичанам, что они последние минуты живут, воздухом дышат. Смотрю, эсэсовцы сбились в кучку, пошептались меж собой, и двое ушли. Возвратились они скоро с посылками, которые для заключенных «Красный Крест» присылает. И что ты думаешь? Охранники оставили одного эсэсовца караулить, а сами сложили автоматы на земле и пошли делить посылки: кому шоколад, кому консервы. У меня от радости все внутри полыхнуло: ну, думаю, сейчас начнется! Оружие рядом. И лежит оно ближе к летчикам, чем к охранникам. Я про себя решил: возьмутся англичане за оружие, — первым к ним на выручку брошусь! Но проходит минута, вторая, стоят они и все меж собой по-своему разговаривают. «Хватайте, братишки, — хотелось крикнуть им, — хватайте автоматы! Умирать, так с музыкой!» Нет, стоят. Подозвал я одного политического, из нашей

комаиды уборщиков. Фишем зовут. А Фиш мне говорит: «Конечно, они знают, что их ожидает. Я сам слышал, как начальник койвой сказал, что он их привез прямо из веймарского гестапо, где им приговор о смертной казни зачитали». Я опять к окошку. Стоят, бедняги! Сосчитал — тридцать шесть парней. Двое не в английской форме, вроде американская, брюки с напуском. Тридцать шесть здоровых, сильных и автоматы рядом! Видят же, куда их загиали, не слепые. И труба дымит, и трупы кругом, на тележках и так, штабелями сложены, и запах... Чему их там только в армии учили!? — Костя выругался.

— А потом?

— Что потом? Как телков на бойе...

Из особой комаиды крематория Сапрыкину удалось бежать. Он познакомился с одним поляком, который ежедневно привозил трупы умерших из Малого лагеря. Костя узнал, что поляк крестьянствовал под Львовом, в Бухенвальд попал за то, что зарезал свою свиью без разрешения местной управы. По просьбе Кости он принес ему полосатый костюм и номер одного умершего русского. Этот костюм моряк несколько дней носил под своей форменной курткой — ждал удобного случая. И ему удалось проскочить в рабочую команду Малого лагеря. Под чужим номером он живет и сейчас.

— Оттуда, из Малого лагеря, меня товарищи, политические, переправили в госпиталь. А там столкнулся с Пельцером. Ты помнишь его? Песни пел в вагоне. Он там фигура! Выручал меня он в госпитале, подкормил. — Костя, хотя и знал, что старик был знаком с морем только по пляжу, с восторгом называл Пельцера «черноморцем», «братишкой», «морской душой». Это была высшая похвала в устах севастопольца.

— Из госпиталя свои перевели на кухню, в камбуз. Правда не в качестве кока, а так, подсобным рабочим, кочегаром. Это мне ближе. Не раз кочегарил, — закончил Костя.

Андрей слушал моряка, а сам думал о летчиках. Неужели все так и было? Не хотелось верить. Андрей мысленно представил себя на их месте. Нет, он никогда бы не упустил такого момента. Никогда. Уж он-то знает, что надо делать с оружием, когда оно рядом лежит!

— А вчера к нам в кочегарку немка заглянула, жена комеиданта, — снова заговорил Сапрыкин. В офицерской

форме, в сапогах. В руке хлыст. Осмотрелась, приказала что-то по-своему охраннику. Тот к нам: «Фрау Эльза говорит — жарко у печки, надо рубашки снимать». Пришлось скинуть робу, — моряк замолчал, потом встал и заторопился:

— Засиделся я у тебя. Еще исходить будут...

Костя на прощанье по-медвежьему обхватил Андрея и попытался оторвать его от пола. Но как он ни пыжился, поднять боксера не смог.

— Силен, братишка, силен!..

Андрей напряг мышцы и легко поднял Костю над головой.

— Вот так надо...

— Пустя. Задыхнешь...

Бурзенко осторожно поставил Костю на пол.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В субботу, как обычно, Карл Кох в сопровождении помощника лагерфюрера Эрнха Густа на штабной машине медленно объезжал всю территорию концлагеря, останавливаясь чуть ли не у каждого барака. Штандартенфюрер был не в духе. Последние известия с Восточного фронта омрачали его: еще один город отдали большевикам...

От придирчивого взгляда коменданта не ускользала ни одна мелочь. Он проверял чистоту унитазов, заглядывал под нары, тыкал пальцем в оконные стекла, скоблил ногтем по обеденным столам. В сорок пятом блоке ему показалось, что пол недостаточно выскоблен. Кох влепил пощечину застывшему старосте блока, а санитару велел всыпать двадцать пять палочных ударов.

У дверей двадцатого барака несколько немецких заключенных — уборщиков лагеря — соорудили из обломка доски небольшую скамейку, чтобы в редкие минуты отдыха не сидеть на сырой земле.

Кох притормозил машину. Узники, оторопев, вытянулись по швам.

— Кто разрешил?

Подбежавший лагершюце отрапортовал:

— Староста лагеря, герр полковник!

— Убрать.

— Яволь! — рывкнул полицейский и побежал выполнять распоряжение.

Кох поехал дальше. Он объезжал каждую уллицу Большого лагеря, заходил во все бараки, побывал в мастерских, прачечной, кузне, бане, осмотрел подсобное хозяйство.

На отдаленной поляне за Малым лагерем комендант остановил машину.

Группа уголовников под руководством Трумпфа вкапывала в землю толстые сосновые колья и между ними натягивала веревку.

— Что это?

— Ринг, герр полковник, — торопливо объяснил помощник лагерфюрера. — Здесь в свободные часы немецкие криминальные заключенные будут бить русских политических.

Штандартенфюрер вылез из машины. Густ поспешил за ним.

Кох подошел к самодельному рингу, потрогал веревки. Усмехнулся. Фраза Густа «Бить русских политических» ему явно понравилась. Он скользнул взглядом по рослым уголовникам, по их мощным бицепсам. Повернулся и молча зашагал к штабному «ойпелю».

Трумпф вопросительно посмотрел на Густа. Тот махнул рукой:

— Продолжай.

Сегодня весь лагерь взбудоражен и гудит, как растревоженный улей. Рано утром с быстротою молнии все русские бараки облетела весть — немцы на Восточном фронте потерпели еще одно поражение! Разгромив фашистские танковые полчища в районе Курской дуги, Советская Армия перешла в новое наступление!

Андрей эту новость узнал еще ночью. Перед самым рассветом его растолкал Батыр. Он с вечера куда-то ушел и, вернувшись, разбудил земляка.

— Андрей, — зашептал он по-узбекски. — Наши наступают! Взят Орел! Проснись, наши наступают!

Андрей недоверчиво посмотрел на Каримова:

— Это ты перед боем меня ободряешь.

— Приемник не врет, — вспыхнул Батыр и сразу осекся. Потом быстро зашептал: — Это военная тайна. Но тебе доверяю. Ночью, наконец, собрали приемник. Понимаешь, наш радиоприемник! Мы слушали Москву, слушали сообщение Советского информбюро.

Андрей обнял Каримова:

— Это правда?

— Клянусь Фергапой!

Бурзенко вскочил на ноги и хотел от радости закричать на весь барак — пусть каждый знает о нашей победе! Но Батыр успел шершавой ладонью закрыть рот товарища.

— Джинны, сатана, ляжы! У каждой стены есть уши предателя.

С утра, сразу же после завтрака, к Андрею приходили друзья, и каждый по-своему стремился подбодрить и вдохновить его. Гарри Миттильдорп принес новые брезентовые тапочки:

— Подарок тебе от всех ребят из сапожной мастерской.

Костя Сапрыкин забежал на минутку и, чтобы никто не увидел, вытащил из-за пазухи выглаженные белые трусы:

— Почти новые. Выменяли за три пайки хлеба.

А перед самым состязанием неожиданно появился лагерный полицейский и объявил:

— Номер сорок тысяч девятьсот двадцать два вызывается в ревер.

Товарищи переглянулись. Провал? Предательство?

— Надо идти, — Андрей встал и направился к выходу.

Следом за ним двинулась группа советских военнопленных.

В ревере Андрея проводили в кабинет Соколовского. Пельцер, дружески подмигнув, вышел из кабинета и остался караулить возле дверей.

— Да вы садитесь, садитесь. — Соколовский придвинул табуретку. — Сюда, к столу.

Бурзенко сел на край табуретки.

Соколовский открыл шкаф, вытащил из-за различных склянок с лекарствами небольшую бутылочку и вылил из нее в стакан какую-то прозрачную жидкость.

— Нате, выпейте, — сказал он, — это даст вам силу.

Андрей, встав, старался говорить как можно мягче:
— Простите, доктор, но я не употребляю допингов. Мне возбудитель не нужен.

— Это не возбудитель, нет, нет! — Соколовский замотал головой. — Это сахар. Самый настоящий сахар. Сто граммов сахара и столько же воды.

— Сахар?! — удивился Андрей. Как давно он не произносил это слово! Он, кажется, забыл, как оно звучит.

— Да, сахар, — в карих глазах Соколовского светилась доброта и забота. — Мой немецкий коллега вчера выменял у охранников на мой портсигар. Пейте! Мы желаем вам только победы.

Андрею вспомнилось, как дома, в Ташкенте, перед каждым боем он выпивал стакан прохладного ароматного виноградного сока.

Бурзенко взял стакан. Жидкость была теплой, густой. Осторожно, боясь пролить хотя бы каплю, он перелил в бутылочку содержимое стакана, оставив на дне несколько капель.

— Что вы делаете?

— Доктор, я смогу драться и без сахара. А здесь есть люди, которым один глоток глюкозы возвратит жизнь. Отдайте им.

Потом, налив в стакан из графина воды и поболтав ее, выпил. Вода показалась необыкновенно сладкой.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Воскресный день, которого с нетерпением ожидали уголовники, выдался на редкость теплым, солнечным. К назначенному часу в дальнем конце лагеря, возле группы буковых деревьев и великана дуба, стали собираться обитатели Бухенвальда.

В первых рядах вокруг импровизированного ринга прямо на земле уселись зеленые. Они чувствовали себя хозяевами положения. Сегодня они перед тысячами узников, так сказать публично, покажут, что такое высшая, арийская, раса. Сила есть сила. И нация, обладающая этой сверхсилой, призвана править миром. А тот, кто не согнется перед ней, будет сломлен.

А тысячи советских военнопленных и узников других национальностей пришли сюда, чтобы увидеть неизвест-

ного русского смельчака, решившегося выйти на поединок с уголовниками, на поединок со своей смертью.

На самодельном ринге хлопотал судья — политзаключенный француз Шарль Рамсель, один из старожилов Бухенвальда. В молодости он несколько лет боксировал на профессиональных рингах и выступал в качестве судьи.

Первым на ринг вышел Жорж, появление которого зеленые встретили оглушительными аплодисментами. Уголовники его побаивались и уважали за силу. Он был их кумиром. Они утверждали, что Жорж был чемпионом Германии.

Жорж, рисуясь, прошел через весь ринг к своему углу. Он не сел на табуретку, услужливо подставленную секундантом, и, подняв руку, раскланялся перед публикой. Боксер-профессионал оказался в своей стихии. Им нельзя было не любоваться. Широкоплечий, стройный, молодой. Под нежной атласно-белой кожей буграми перекатываются послушные мышцы. Каждая из них таит в себе запас взрывной энергии. Глядя на его холеную тренированную фигуру, тысячи заключенных лишней раз убеждались в том, что Жорж и ему подобные не прогадали, выбрав Бухенвальд вместо Восточного фронта.

Жорж искренне верил в фашистскую теорию сверхлюдей, считал себя чистокровным арийцем, рождением для повелевания над представителями низшей расы. Он был на хорошем счету у эсэсовцев и добросовестно служил им своими тяжелыми кулаками.

В Бухенвальд он попал почти добровольно, не захотев ехать на фронт. Однако в трусости упрекнуть его не мог никто, ибо Жорж не боялся смерти. Причины дезертирства были более глубокие. Спортсмен, как это ни парадоксально, боялся не гибели, а увечия, ранения. И не без основания. Что ожидало после войны однорукого боксера или безногую бегуна? Жорж думал всю ночь и к утру решил, что за колючей проволокой он сумеет сохранить и руки и здоровье. Придя к такому выводу, Жорж, по его выражению, «наломал дров». В одном из нацистских комитетов он набросился на своего руководителя, крупного фашистского спортивного деятеля, и избил его. Но, давая волю кулакам, боксер перестарался. Пострадавший поднял большой шум. Жоржа судили. Вместо ожидаемого легкого наказания, ему «пришили», как он говорил,

«политику» и отправили на пожизненное заключение в Бухенвальд. Но, несмотря на такой суровый приговор, Жорж лелеял надежду на амнистию после победы Гитлера в войне.

Жорж появился на ринге в черных шелковых трусах с широким светлым резинковым поясом. Трусы украшала эмблема: черная фашистская свастика, вписанная в белый круг. На ногах Жоржа были белые кожаные боксерки. В этом наряде он выступал на многих знаменитых матчах.

Андрей вышел на ринг, грустно размышляя. Три года назад, до войны, он страстно мечтал попасть в сборную команду боксеров Советского Союза и выступить в международных соревнованиях. Кажется, его мечта сбылась. Но разве о таком международном матче он мечтал?

Появление Бурзенко зеленые встретили холодно. Но задние ряды, где разместились политические, дружно аплодировали, и шум рукоплесканий, нарастая, широкой волной катился к рингу.

У Андрея прежде было не менее красивое и тренированное тело, чем у Жоржа. Он и сейчас широкоплеч и строен, но на могучей груди четко обозначились ряды ребер. Под тонкой загорелой кожей просвечивались косые полосы мышц — сухих, плотных и настолько рельефных, что по ним хоть изучай анатомию человека. Худоба и истощение, казалось, делали Андрея и ниже ростом и слабее. Кто-то из зеленых выкрикнул:

— Жорж, бей осторожней, а то скелет развалится!

— Го-го-го! Ха-ха-ха! — прокатилось над первыми рядами.

Андрей взглянул на своего противника, на массивные кисти его рук, тщательно забинтованные эластичным бинтом и ахнул: «Эх, голова садовая, был в больнице, а бинты попросить забыл... Как же теперь?»

Из задних рядов настойчиво протискивался к рингу Костя Сапрыкин.

На него шумели, цыкали, но он упрямо лез.

— Пропустите, пропустите...

Едва Жорж вышел на ринг, Сапрыкин подметил на его руках бинты. А своему подопечному он их не достал. Костя моментально сбегал в больницу.

Видя, что к рингу все равно не пробраться, Костя протянул бинты впереди сидящим:

— Передай русскому боксеру!

Бинты поплыли над головами. Вскоре их вручили секунданту Андре — Гарри Миттильдорпу. Он начал быстро бинтовать кисти рук товарища. Бурзенко с благодарностью кивнул ему головой.

Судья Шарль Рамсель старался соблюсти весь этикет международных соревнований. В центре ринга он расстелил белое полотенце и на него положил две пары боксерских перчаток. Потом позвал к себе секундантов и, подбросив монету, разыграл право выбора перчаток. Оно досталось секунданту Жоржа. Тот долго ощупывал перчатки, мял их и, наконец, взял одну пару. Вторую подал Гарри.

Рамсель тщательно проверил шнуровку перчаток, следя, чтобы шнурки были завязаны у большого пальца — так требуют правила. Потом обратился к секунданту Жоржа:

— Боксер готов?

— Боксер готов, — ответил секундант.

— Первый раунд! — торжественно объявил Шарль и сразу же раздался удар «гонга», которым служил кусок железа, висевший на одном из кольев. Возле него сидел секундометрист с песочными часами, взятыми из эсэсовской амбулатории.

Жорж, вобрав голову в плечи, ринулся вперед, как таран. В маленьких глазах его сверкали огоньки. Он жаждал боя, хотел скорее отплатить этому русскому, осмелившемуся выйти с ним на поединок. Жорж обещал своим друзьям показать «настоящий класс бокса».

И он его показал. Бойцы сошлись на середине ринга. Едва они сблизились, Жорж сразу, без подготовки, без разведки, обрушил на Андрея целую серию атак. Это были не беспорядочные атаки новичка, не нападение потерявшего самообладание спортсмена. Нет, Жорж пустил в ход сложный каскад продуманных и отработанных многолетними тренировками комбинаций, каждая из которых включала в себя серию из пяти-шести разнообразных ударов. Перчатки, словно черные молнии, замелькали в воздухе.

Жорж бросил в бой, как говорят спортсмены, свои главные силы. Стремительно наступая, он учитывал, что противник знает тактику и обладает высокой технической подготовкой, но к матчу подготовлен слабо — голод-

ный рацион сделал свое дело! На это и рассчитывал волк профессионального бокса. Это была его основная ставка. Жорж стремился бурным натиском деморализовать соперника, сломить его волю, заставить беспорядочно отступать. Потом, не давая ему опомниться, преследовать, загнать в угол ринга и несколькими сильными ударами подавить всякую попытку к сопротивлению.

Андрей понимал все это. Натиск Жоржа был ошеломляющим, руки его работали, словно рычаги автомата. Андрей едва успевал защищаться, подставляя под тяжелые удары перчатки, плечи, предплечья. Он защищался с большим искусством и внимательно следил за Жоржем. По едва заметным движениям его плеч, повороту корпуса, перестановке ног Андрей угадывал момент следующего удара и мгновенно принимал меры к защите, он «нырял» под бьющую руку, умело приседал, так что перчатка противника проходила над самой макушкой, чуть касаясь волос, отклонялся в стороны, заставлял Жоржа промахиваться, или мгновенно переносил вес тела на правую ногу, как бы делая отклон назад, и кулак противника, метивший в подбородок, бил воздух.

Андрей ждал, что атаки вот-вот кончатся, противник выдохнется. Проходили минуты, вихрь ударов не ослабевал, а, кажется, возрастал. Отдельные удары иногда стали прорываться сквозь защиту. Принимать удары на себя, делая вид, будто они нечувствительны, чтобы обмануть противника, было рискованно. Когда-то Андрей не раз применял этот, далеко не блестящий, но эффектный прием. Но тогда все складывалось по-другому, и Бурзенко был другим. Сейчас не до эффекта. Отвечая на шквал ударов редкими прямыми ударами левой, только одной левой, Андрей стремился выскользнуть из сферы боя. Дальнейшее пребывание на дистанции удара становилось опасным.

Жорж понял отход Андрея по-своему и ринулся за ним. Бурзенко отступил быстрыми скользящими шагами. Всем показалось, что он избегает сближения, избегает боя.

— Русский трусит! — завопили зеленые.

— Добивай его!

— Бей доходягу!

Но отступление в бою на ринге не бегство, а тактический прием, маневр. Русский уходил не назад, а в

сторону. Отходил так, что за его спиной были не канаты, а большая часть ринга, свободное пространство, широкое поле действий и маневров. И Андрей умело маневрировал, ускользал, заставлял Жоржа часто промахиваться.

Зрители слабо разбирались в тонкостях боксерского искусства. Они видели, что наступает Жорж, атакует Жорж. Значит, — он хозяин ринга, он хозяин положения. В рядах зеленых стоял шум. Бандиты буйно выражали свою радость, криками подбадривали своего боксера.

Политические смотрели молча и «болели» за Андрея. Особенно остро переживал Костя Сапрыкин. Когда подошли Левшенков, Симаков и Кюнг и спросили, как идет бой, Костя безнадежно махнул рукой.

И только некоторые заключенные, понимавшие толк в боксе, сидели как завороченные. Перед ними на этом примитивном ринге разворачивался один из самых красивейших поединков, какой когда-либо им приходилось видеть даже на крупнейших международных встречах. Два бойца, разные по внешнему облику, темпераменту и характеру, представляли собой различные боксерские школы. Темпераментный и упорный в достижении намеченной цели Жорж являлся типичным представителем западного профессионального спорта. Его стратегия основывалась на четко разработанном плане боя, в основу которого легли строго подобранные тактические элементы, состоявшие из целого ряда хорошо отработанных и доведенных до автоматизма серий ударов. Руки, натренированные годами, работали, как рычаги машины. Мозг выполнял роль не руководителя, а скорее контролера, который следил за тем, чтобы все части машины работали слаженно, четко, ритмично и неукоснительно выполняли принятый план. Никаких отклонений, никаких изменений. И, казалось, горе тому, кто попадается под эти рычаги живого автомата!

Андрей представлял советскую спортивную школу. В противоположность Жоржу, он был глубоко убежден, что успех на ринге, так же как и победа в шахматном поединке, приходит к тем спортсменам, которые в ходе сражения, в ходе постоянно меняющихся ситуаций, сумеют разгадать замысел противника и противопоставить им свой замысел, более эффективный. Андрей верил, что

бокс — это искусство, искусство боя. И, как всякое искусство, он не терпит ни шаблона, ни подражаний, ни тем более заранее подготовленных схем.

Сохраняя, насколько это возможно в бою, хладнокровие, Андрей уже к середине первого раунда знал все тактические приемы противника и его технику построения серийных ударов. Они, чередуясь друг с другом, непрерывно повторялись. В бурном каскаде ударов Андрей увидел то, о чем читал в учебниках бокса, в книгах воспоминаний ветеранов ринга, увидел то, о чем неоднократно рассказывали тренеры: Жорж действовал шаблонно. Начав комбинацию, он обязательно стремился проводить ее до конца, вне зависимости от того, доходят удары до цели или нет.

Этим и воспользовался Бурзенко. Он быстро приспособился к манере Жоржа, угадывал начало очередной серии ударов и мгновенно находил наиболее выгодное защитное контрдействие. Таким образом, отступая, делая шаги то вправо, то влево, он предупреждал и обезвреживал почти все удары Жоржа. И в то же время, защищаясь, успевал наносить удары сам. Они были редкими, но точными.

Звук гонга разнял бойцов. Жорж, улыбаясь публике, прошел в свой угол и не сел на табуретку. Оперевшись руками о канаты ринга, он сделал несколько приседаний. Он даже не обратил внимания на секундантов, которые стали торопливо обмахивать полотенцем его лицо, водить влажной губкой по лоснящейся от пота груди. Он как бы демонстрировал свою высокую тренированность, выносливость.

— Рисуется, — зло кивнул Костя Сапрыкин в сторону Жоржа.

— Нет, это не рисовка, — поправил Левшенков, — а психическая атака, на нервы действует. «Смотрите, какой я, меня никакая усталость не берет!»

Бурзенко сел на табуретку, откинувшись всем телом на угол ринга. Уставшие руки положил на веревки. Короткая минута. Только одна минута — так мало времени для отдыха, для восстановления сил! Андрей полузакрыв глаза, подставляя лицо под свежий ветерок. Гарри Миттльдорф в ритм дыхания боксера взмахивал влажным полотенцем. Как приятно его прикосновение к разгоряченному телу!

— Держи Жоржа на дистанции,— шептал Гарри,— выматывай...

Андрей улыбулся. Легко сказать — выматывай! Он только защищался, избегая обмена ударами, и то как устал! Эх, если бы встретился он с Жоржем не сегодня, а года два назад. Тогда бы он показал настоящий русский бокс! А сейчас опять начинается предательское головокружение и тошнота. А ведь только один раунд прошел, только один...

Андрей открыл глаза. Прямо перед ним в углу Жорж. Могучая спина, большие руки. И Андрей еще сильнее возненавидел его, своего противника, своего врага — сытого, здорового, сильного.

Удар гоига поднимает Андрея. Жорж большими шагами спешит навстречу. Первый раунд его не удовлетворил. Хотя внешне, кажется, план и выполняется: он гоигает по рингу этого русского, он непрерывно наступает. Но наступает, не чувствуя себя хозяином положения. Он наступает, но не так, как хотел бы, бьет, но чуть ли не все удары идут впустую. Противник все время ускользает. Что это значит, черт возьми?

Во втором раунде Жорж решил во что бы то ни стало загибать Андрея в угол: «Пора кончать»... Прикрыв подбородок поднятым левым плечом и выставив тяжелые кулаки, Жорж бросился в решающую атаку.

Андрей бил его вразрез, бил левой рукой в голову, снизу вверх. И тут же как бы вдогонку левой руке бросал вперед правый кулак.

Лицо Жоржа стало красивым. Глаза наливались кровью. Он на мгновение остановился, как бы недоумевая, и снова ринулся вперед.

— Bravo! — завопили зеленые.

Андрей, побледнев, шагнул навстречу Жоржу. Они схватились в центре ринга, сошлись на средней дистанции, осыпая друг друга градом ударов. Чаше бил Жорж. Казалось, он превратился в сторукого человека: его удары сыпались со всех сторон.

Но Андрей не отступал. Не отходил. Он вел бой! И этого было достаточно, чтобы политические, наконец, выразили свои чувства.

— Андрей!

— Давай!

— Луни зеленых!

И все поняли: настала решающая минута.

Андрей преобразился. Он весь собран, скуп в движениях и, вместе с тем, действует быстро, точно и хладнокровно. Он — воля. Он — один сжатый кулак. И, несмотря на удары, которые все чаще и чаще прорывались сквозь защиту, Андрей упрямо увеличивал темп боя. Темп возрастал с каждой секундой. Так схлестываются две встречные волны и, не отступая, вспениваются, закипают и устремляют друг друга вверх.

Зрители шумно выражают свои чувства. И политические и зеленые волнуются, кричат, спорят. Над поляной стоит сплошной гул. Два раза судья на ринге кричал «брэк» («шаг назад») — и грозил пальцем Жоржу. Тот, нарушая правила соревнований, бил Андрея открытой перчаткой, локтем, толкал, пытался нанести удар даже ногой.

— Наказать его! — требуют политические.

— Судью долой! — орут преступники.

Атмосфера накалялась.

И Жорж начал терять самообладание, терять контроль над своими действиями. Его мозг все так же точно фиксировал происходящее, но не успевал понять: что же происходит? Почему русский, который трусливо бегал весь первый раунд, не отступает, а идет навстречу его тяжелым ударам? И почему, черт возьми, кулаки Жоржа не попадают, не достают цель? Ведь подбородок русского почти рядом...

Думать, анализировать ход боя тренируемый годами автомат не мог. Тем более в бою с предельно высоким темпом. Жорж стал злиться. А русский «доходяга», как его презрительно называл Жорж, чувствовал себя, словно рыба в воде. Он оказывался то справа, то слева от Жоржа и находился по-прежнему в центре ринга. Не отступал. Не уступал. И неизменно вел бой на средней дистанции; на дистанции, казалось бы, выгодной Жоржу и не выгодной ему, Андрею. Что же происходит? Кто из них нападает? Кто защищается? Кто, черт возьми, ведет бой?

Жорж на мгновение растерялся. И он попытался выйти из сферы боя, чтобы осмотреться, понять обстановку. Но сделать этого не успел.

Умение выжидать на ринге — основа тактики, одна из основ искусства боя. Андрей, напрягая всю волю, со-

брав всю энергию и спокойствие, в вихре атак терпеливо ждал, ждал этого мгновения. Ждал, когда на десятую долю секунды Жорж забудет об осторожности, забудет о защите. И это мгновение пришло!

Не успел Жорж сделать короткий шаг назад, как его догнал удар в корпус. Жорж инстинктивно опустил руки вниз — он привык, что Андрей бьет спаренными ударами. Но на сей раз удар в корпус был «финтом» — обманом. Едва рука Жоржа скользнула вниз, как в ту же секунду правая перчатка Андрея прочертила короткий полукруг бокового удара в подбородок. Андрей вложил в этот удар всю свою силу и ненависть к врагу.

Удар был настолько быстр, что зрители не смогли его заметить. И для них было совершенно неожиданно и непонятно, что Жорж, нелепо взмахнув руками, начал валиться на землю...

На поляне воцарилась тишина. Стало так тихо, что было слышно, как тяжело дышит Андрей. Он одиноко стоял на ринге, опустив усталые руки.

Потом, когда Шарль, широко взмахивая рукой, отсчитал девять секунд и крикнул «аут», публика взорвалась. Зеленые вскакивали с мест. Как? Чемпион Германии, пусть бывший чемпион, но все же арийский, немецкий, национальная гордость Бухеивальда, проиграл какому-то русскому «доходяге»?!

Но свист и крики уголовников тонули в аплодисментах политических. Они торжествовали!

Андрея обнимали, целовали, пожимали ему руки. Его поздравляли друзья и совершенно незнакомые люди. Да, это была настоящая победа, одна из самых значительных, пожалуй самая важная в его спортивной биографии.

Празднично, насколько это было возможно, политические и советские военнопленные отметили победу Андрея. У русских приподнятое настроение. Бунцоль торжественно вручил Андрею кусочек — граммов двести — свиного сала — белого сала с розовыми жилками, сверху н снизу обсыпанного красным перцем.

— От немецких друзей, — сказал Бунцоль, — они сегодня послали получили.

Андрей разрезал сало на мелкие кусочки. Каждый сидящий за столом получил из его рук свою порцию. Заключенные отказывались. Но Андрей настаивал, шутил:

— Из рук победителя, возьми-ка!

Каримов взял свой кусочек и, подержав его в руке, отдал обратно Андрею.

— Съешь за мусульманина, — шутя сказал он, — что в твоём животе, что в моём, — все одно, общее.

— Ты и похлебку отдай, — весело посоветовал кто-то, — она у Андрея целей будет.

Заключенные смеялись, перебрасывались шутками, вспоминали о спортивных состязаниях и быстро уплетали «кобед» — чашку брюквениной похлебки.

Вдруг раздался щелчок репродуктора. Он угрожающе зашипел. Потом послышался лающий голос дежурного эсэсовского офицера. И все сидящие за столами оцепенели.

Эсэсовец выкрикивал номера узников, которые обязаны были завтра в восемь утра явиться в комендатуру к окошку номер три. Этот вызов буквально обозначал — расстрел. Те, кто уходили к окошку номер три, не возвращались...

Это была страшная минута. Люди, забыв обо всем, с трепетом вслушивались в номера. Чехи, французы, поляки, югославы, болгары, греки, русские с первых же дней пребывания в лагере вызубрили немецкие числительные. И в такие минуты — а они повторялись ежедневно — весь лагерь замирал.

У Андрея выступила испарина на лбу. Он ничего не видел, кроме черного круга репродуктора, ничего не слышал, кроме голоса эсэсовца. Ложка с брюквениной похлебкой так и застыла в руке на полпути ко рту. Все ожидали конца кошмарной лотереи.

Эсэсовец дважды повторил номера. И репродуктор, щелкнув, умолк.

Андрей нагнулся над своей чашкой: «Сегодня смерть прошла мимо»... Он доедал брюквениную баланду торопливо, без аппетита. Только сейчас он почувствовал, как устал от поединка. Нары, подушка и жесткий матрас стали будто магнитными и неудержимо тянут к себе. Тело просит отдыха и покоя. Только мозг лихорадочно работает...

часть
ВТОРАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Записная книжка Карла Пайкса

Страница первая.

«Вы не знаете, какая это радость держать в пальцах карандаш и писать! Три года я не знал такой радости. Я долбил киркою проклятый камень, а камень мою жизнь.

Кто я? Прошрое не соответствует настоящему, а настоящее не определяет будущее. Скажу одно — я немец. Сегодня я, начиная свои записи, даю клятву: быть объективным и записывать сюда только то, что видел своими глазами. Здесь только факты.

* * *

Концлагерь Бухенвальд расположен в центральной части Германии, в Тюрингии, в восьми километрах севернее города Веймара. На юго-западе, в восемнадцать ки-

лометрах от концлагеря, находится город Эрфурт, а на юго-востоке, в тридцати километрах, — город Йена.

Построен концлагерь на северном склоне горы Эттерсберг (четыре-десять метров над уровнем моря). Вокруг — густой лес (бук и сосна). Особенно плотная стена деревьев на юго-востоке. Она задерживает проникновение солнечных лучей. А постоянно дующим северо-западным ветрам нет преград. Осадки — тысяча двести миллиметров в год, что значительно выше средних показателей для Тюрингии. Суточная температура имеет резкие колебания. В течение двух-трех часов часто падает от десяти градусов тепла до трех-пяти градусов холода.

Резкие колебания температуры, дожди и постоянные туманы влияют на психику, способствуют массовым заболеваниям туберкулезом. В осенне-зимнее время полит-заклученные из стран западной Европы — испанцы, французы, бельгийцы, итальянцы — гибнут сотнями.

Почва — лесной суглинок, толщина слоя доходит до десяти сантиметров, большая примесь щебня. Растут культуры: ячмень, рожь, овес, картофель, брюква. Брюква — основной продукт питания заключенных.

* * *

Наша униформа — это пародия на одежду. Она лишена всех качеств, присущих даже самому плохому костюму. Видно, что основатели концлагеря позаботились, чтоб одежда узников была самой дешевой, непригодной, холодной и уродливой. Наша химическая промышленность выполнила и этот заказ. Материал сделан из дерева, тонкий, как сетка.

Страница вторая.

Пиджак и брюки яркой расцветки. Правильно чередуются белые и синие или темно-зеленые полосы, каждая шириной два сантиметра. В таком зеброобразном костюме человек виден издали и на любом фоне.

Зимой выдают подобие пальто. Во время работы его обязательно нужно снимать.

Головной убор — такой же полосатый колпак.

Материал непрочный, рвется часто. Это лишняя работа для узников. Если охранник заметит дырки, — жестокие побой.

Носить двое брюк или курток или подкладывать на грудь бумагу запрещено. В лучшем случае — побой, в худшем — смерть. Все зависит от настроения охранника.

Обувь — выдолбленные деревянные колодки, типа французских крестьянских сабо, или деревянная подошва с брезентовым верхом. От них — незаживающие мозоли и ревматизм.

* * *

Площадь концлагеря Бухенвальд составляет чуть более половины квадратного километра. И если отбросить территорию подсобного хозяйства, сада и огорода, то на шестьдесят тысяч человек останется совсем немного. Такую плотность можно встретить только на кладбищах.

* * *

Концлагерь окружен проволочным забором. Железобетонные столбы высотой два с половиной метра забетонированы в фундамент. На каждом столбе вделаны ролики для восьми нитей колючей проволоки с внутренней стороны забора и девяти — с наружной. Кроме того, колючая проволока переплетена поперек несколькими рядами нитей.

По колючей проволоке пропущен ток напряжением триста восемьдесят вольт и силой пять тысяч ампер.

* * *

Вокруг концлагеря через каждые сто метров — сторожевая трехэтажная вышка. Их всего двадцать две. На крышах мощные прожекторы, а в окнах страшные зрачки пулеметов.

* * *

Страница третья.

Охрану концлагеря несут солдаты Тюрингского полка отборной дивизии СС «Мертвая голова». Командует полком полковник Хиртес. Его семья живет в Бухенвальде в отдельной вилле.

Специальный собачий лагерь. Овчарки, боксеры, вол-

кодавы и другие породы. Собаки содержатся исключительно для травли заключенных.

Для собак имеется особая кухня, где готовят всевозможные блюда: молочную кашу, специальные галеты, мясо и др. Им также готовят бульон по два литра в день. Отдельных свирепых псов время от времени отправляют на специальный собачий курорт, расположенный где-то в окрестностях Берлина.

Заключенным категорически запрещено ухаживать за псами — собаки могут потерять вкус к человеческому мясу...

* * *

Наш дневной рацион:

Эрзац-хлеб из опилок, картофеля и тридцати процентов ржаной муки. Норма — триста граммов. Дают утром.

Брюквенная или из ботвы сорняков похлебка — восемьсот граммов.

Маргарин, добывающийся из угля, — двадцать пять граммов.

Творог — пять граммов.

Эрзац-кофе (без сахара) — кружка, утром.

Весь паек дает не более восьмисот калорий. А каторжная четырнадцатичасовая работа выматывает из заключенного более трех с половиной тысяч калорий.

Люди обречены на истощение. Живые скелеты бродят по лагерю. Общая слабость, анемичность. Затем следуют голодные отеки. Сначала «полнеют» нижние конечности, а через две-три недели и верхние, отекает лицо, все тело. В таком состоянии человек выдерживает не более двух-трех месяцев.

Страница четвертая.

Что я помню?

29 июля 1937 года. Нас, девяносто одного заключенного, привезли на машинах сюда. Два барака, обнесенные колючей проволокой. Вокруг в пелене тумана темный лес.

Первый лагерфюрер Редл держал перед нами речь:

— Вы, свиньи, вступаете в концлагерь политических заключенных, который только создается. Отсюда возврата нет. Здесь каждый из вас поймет, что такое работа. А кто из вас, свиней, вздумает бунтовать или попытается

бежать,—будет расстрелян. Это у нас просто — «чнк-чнк» и все!

В бараках уже были «новоселы» — те, что прибыли раньше нас на пару недель.

Ни коек, ни матрасов, ни соломы. Спали на полу.

Дневной распорядок тот же, что и сейчас: подъем в половине пятого, завтрак, проверка, выход по командам на работы. В полдень часовой перерыв без пищи. И работа снова до восьми часов вечера. Обед, проверка, чистка и починка одежды и отбой. Через пять часов все повторяется сначала.

* * *

Август, 13-й день. Первое убийство. Охранник застрелил политзаключенного Германа Кемпека «при попытке к бегству».

* * *

Начинаем строить виллу для коменданта. Она должна быть построена к 10 октября. Кох сам приходит смотреть ежедневно. Едва разогнешь спину, чтоб передохнуть, как твой номер уже запишет фюрарбайтер и в первый же четверг получишь двадцать пять ударов хлыстом из бычьих жил, а в воскресенье будешь стоять у ворот без пищи с самого утра до отбоя.

Роскошная вилла росла на наших костях.

Страница пятая.

30 сентября 1937 года. Двое смельчаков совершили побег. Заключенных выстроили и продержали под дождем всю ночь и весь день. Пищи не давали. Охранники избивали каждого, кто пошелохнется.

Распустили по блокам только после двух часов ночи. Не успели разойтись, снова команда «подъем». Погнали перетаскивать кровати в новые казармы эсэсовцев.

* * *

31 октября. Политический Кирхвайн из Касселя бежал. Стояли на апель-плацу до глубокой ночи.

Через три дня Кирхвайна поймали. После пыток убили. Труп выбросили для устрашения на площадь.

Утром, на поверке, комендаит Кох заявил:

«Вы злоупотребляли моим доверием. У Кирхвайна обнаружили письма, которые указывают на ваше содействие беглецу. Поэтому я решил наказать вас всех. С сегодняшнего дня вы будете получать меньше супа на обед и один кирпич хлеба (полтора килограмма) на пять человек. Мое распоряжение останется в силе, пока я его не отменю».

С той поры и начался голод.

* * *

Я думал о самоубийстве — все равно ждет смерть от голода...

— Вальтер, завтра я решил кончать, — сказал я своему другу Крамеру. — Пойду с лопатой на пост. Или эсэ-совец меня раньше, или я его...

Но Вальтер еще сохранил рассудок. «Подумай, — сказал он, — о последствиях для всех нас. Не делай глупости. Ты еще молод, ты сможешь еще многое сделать. Терпи и запомни. Твоя жизнь уже принадлежит не тебе. Ты должен бороться».

Он был прав.

Страница шестая.

Ни водопровода, ни колодца в концлагере нет. Воду привозят в бочках из деревни. Каждая капля на счету. От жажды многие сходят с ума.

* * *

1938 год. Наконец построили водопровод. Одиннадцатого января впервые за многие месяцы получили разрешение выкупаться. За десять минут баню проходили по пятьдесят человек. Воду в бане не подогревали.

* * *

После убийства секретаря германского посольства в Париже Эриха фон Рота неким Грюншпаном в Бухенвальд бросили двенадцать тысяч пятьсот евреев. Отобрав ценные вещи и продукты, несчастных заперли в пяти временных бараках. В первую же ночь семьдесят человек сошли с ума.

* * *

Июнь 1938 года. Массовый приток заключенных. В основном политические, уголовные преступники, евреи и так называемые «евангелисты».

Каждый день прибывают транспорты.

* * *

В конце июля 1938 года в заграничной печати появилась фотография четырех узников, повешенных в Бухенвальде. Мировая общественность узнала о существовании страшного концлагеря.

Политический Вальтер Опиц, старший фотолаборант, брошен в карцер. Он умер под пытками, не проорвав ни слова.

* * *

Сентябрь 1938 года. После оккупации Австрии в Бухенвальд поступают первые иностранные заключенные. Политические, государственные и общественные деятели расстреливаются «при попытке к бегству»... Убиты: генеральный прокурор Эйтерштейн, министр юстиции Цертес, зять президента Милькас и другие.

Страница седьмая.

Я видел пять баварцев, их приковали за руку цепями к стене, а другую руку привязали за спиной. Так они оставались четверо суток. Как я узнал, баварцы отказались вступить в армию.

* * *

Сентябрь 1939 года. Начало войны ознаменовалось новыми транспортами. Прибыли две тысячи восьмисот поляков и две тысячи пятисот австрийцев и евреев из Вены. Их поместили в отдельный «айзаль для престарелых и инвалидов». К февралю 1940 года от них осталось не более одной трети.

* * *

Всякий культ, богослужение запрещены. Под предлогом дезинфекции отбираются молитвенники и другие религиозные книги.

Листы из этих книг мы находили в туалетах.

* * *

Количество узников возрастает. В бараках царит закон джунглей. Бандиты и уголовные преступники отбирают у слабых хлеб, продукты и ценные вещи...

Капо Черный Изверг хвастался, что уже убил четверста евреев и забрал у них хлеб и пищу.

* * *

Надсмотрщики из бывших уголовников получили возможность быть сытыми: хлеб и суп умерших на работе будет доставаться им.

Каждый форарбайтер, капо и надсмотрщик вооружаются толстыми палками.

* * *

Один бельгийский министр умер во время переклички, которая продолжалась слишком долго на морозе.

* * *

1 апреля 1940 года. Убит депутат рейхстага от социал-демократической партии Гайльмаи.

* * *

3 мая 1940 года. Расстрелян член ЦК комсомола Германии Руди Аридт. На него донесли, как на организатора антифашистов в Бухенвальде.

На второй день доносчика нашли мертвым.

* * *

В «особый лагерь» бросили партию польских партизанских стрелков — сто четыре человека. Умерло сто три.

* * *

Февраль 1941 года. Из Бухенвальда отправили транспорт в составе четырехсот голландцев. Их отвезли в Маутхаузен. Всех отправили в газовые камеры.

* * *

Труба крематория стала дымить каждый день.

* * *

Желающим покончить самоубийством охранники выдают небольшие веревки. Какая забота!

Страница восьмая.

На все жалобы и протесты эсэсовцы говорят одно: — Никто из вас, прохвосты, отсюда живым не выйдет!

* * *

22 июня 1941 года. Весть о войне с Советской Россией, словно взрыв бомбы, потрясла всех узников. Политические с тайной надеждой вслушиваются в первые фронтовые сводки.

Большинство из нас уверены, что первый успех фашистов случаи — просто дань внезапности.

Лагерь ждет резких перемен на Восточном фронте.

* * *

Август. Сообщения с Восточного фронта разбивают наши мечты. Русские города падают один за другим. Бронированная стрела нацистских войск стремительно движется к сердцу России, к Москве.

Рушится последняя надежда.

Неужели коричневая паутина оплетет весь земной шар?

* * *

Лагерь становится многонациональным. Прибывают и прибывают транспорты: французы, голландцы, испанцы, югославы, чехи, венгры, болгары, греки, румыны, бельгийцы, норвежцы, датчане, австрийцы, итальянцы, поляки и другие. Здесь, словно в музее, собраны представители чуть ли не всех стран Европы.

* * *

Фашистские танки идут к Москве. Политические заключенные в отчаянии. Наглые заявления эсэсовцев, что отсюда никто живым не выйдет, приобретают реальную силу.

В отчаянии полторы тысячи политических пошли на проволоку...

* * *

Страница девятая.

Сентябрь 1941 года. Сегодня видел первых русских. Комиссары. Сильные, молодые, рослые. Их было десять человек, скованы цепями. Комиссаров сопровождал конвой из сильно вооруженных гестаповцев в штатской одежде.

Комиссаров привели не в лагерь, а прямо в отдел гестапо. Потом, окровавленных, погнали в район эсэсовского городка, где был оборудован тир.

Нас поразило, что русские гордо, даже очень гордо шли на свою смерть. Один из них разорвал на груди рубаху и что-то прокричал. Другие стали рядом и запели «Интернационал».

Растерявшиеся эсэсовцы открыли стрельбу из пистолетов.

* * *

16 сентября 1941 года. Пасмурный дождливый вечер. Тысячи узников на вечерней поверке. Идет монотонная переключка. И в это время на наших глазах вдоль колючей проволоки эсэсовцы ведут колонну измученных людей. По всему апель-плацу, словно электрическая искра, пробежала новость: русские! Их было около трехсот человек. Эсэсовцы погнали их мимо лагеря, по направлению к конюшне, которую узники окрестили «хитрый домик». Вскоре оттуда зазвучали автоматные очереди.

Рапортфюрер прекратил переключку, включили репродукторы. Но выстрелы все равно были слышны. Тогда нас заставили петь. На кучу камня взобрался капельмейстер и взмахнул рукой. Десятки тысяч голосов уныло подхва-

тили издевательскую песню, написанную по заказу коменданта:

Ох, Бухенвальд..
Я не могу тебя забыть,
Потому что ты судьба моя..
Кто тебя покинет,
Только тот оценит,
Как прекрасна свобода..

Мы пели несколько часов подряд. В этот дождливый вечер все триста русских были расстреляны.

Когда нас распустили и мы шли к своим блокам, крытые черные машины двигались к крематорию. Они везли трупы.

* * *

18 сентября. Меня отправили на работу в штрафную команду чистить отстойники нечистот. Рядом со мной трудился политзаключенный голландец номер 3416. Разговаривать между собой мы не имели права. Унтершарфюрер Домбек не отходил от нас ни на один шаг.

Одна из решеток канализационной трубы оказалась чем-то забитой. Домбек велел расчистить. Мы взяли лопаты и спустились.

Решетка оказалась забитой человеческими костями. Мы сразу догадались, что это кости тех, расстрелянных позавчера вечером. Видно, при кремации кости окончательно не сгорели. На черепиных коробках отчетливо краснели кровеносные сосуды.

Мы расчистили решетку и спросили Домбека:

— Куда деть кости?

Изверг усмехнулся и приказал разбросать кости русских по огороду и перекопать его.

Когда Домбек ушел на обед, мы с голландцем вырыли у здания хлорной станции яму и погребли девять полных тачек.

Страница десятая.

Октябрь 1941 года. Началось массовое поступление русских военнопленных. Они гибнут тысячами.

«Хитрый домик» и крематорий работают теперь на полную нагрузку.

* * *

Декабрь 1941 года. Вдруг вспомнили о нас. Меня переводят на работу в Гигиенический институт, который спешно создается в Бухенвальде. С радостью иду. Как я истосковался по любимой работе!

Начальник института, майор СС Адольф Говей, культуры, вежлив и, кажется, не похож на других, носящих кости черепа в петлице.

* * *

Вот подробности возникновения института.

По приказу Гимmlера в Берлине состоялось закрытое заседание специальной комиссии из представителей Верховного командования вооруженными силами Германии, Медико-санитарного управления, Верховного суда СС и личного посланца Гимmlера. На заседании обсуждался вопрос о борьбе с эпидемией тифа, вспыхнувшей в войсках Восточного фронта. На заседании постановили создать в Бухенвальде Гигиенический институт, подведомственный войскам СС, для развертывания исследований тифозной инъекции и производства лечебной эффективной сыворотки для немецких солдат, больных сыпным тифом.

Для института отведен три блока — сорок шестой, пятидесятый и шестьдесят первый. В сорок шестом разместилось клинко-санитарное отделение. Для института не жалеют средств, он оснащается последним усовершенствованным оборудованием и с большой роскошью. Только один сорок шестой блок имеет отличный диагностический центр, прекрасную лабораторию и помещение для приготовления сыворотки.

Страница одиннадцатая.

Сегодня узнал о чудовищном преступлении: вместо подопытных животных — морских свинок и кроликов, — в Гигиеническом институте используют людей!

Это страшно...

* * *

Все подопытные делятся на две категории. Первая категория — это добровольцы. В Гигиеническом институ-

те культурно обращаются, хорошо кормят, не заставляют работать. Многие узники идут сюда с надеждой сиюию пожить последние недели своей жизни.

Вторая категория — это те, кого назначают, это люди, обреченные на ежедневные пытки и уничтожение.

На практике особой разницы между этими категориями я не замечаю, ибо обоих постигает один конец. Тайна института не должна выйти за стены блока.

* * *

Институт Вейгл из Кракова прислал вакцины. Их нужно испытать на людях и улучшить.

* * *

Ввиду того, что микроб тифа невозможно сохранять в стеклянной трубке, для хранения служат подопытные люди, каждый из них является живым рассадником микроба тифа.

Страница двенадцатая.

Для определения эффективности вакцины берут сто узников — «кроликов» — и восьмидесяти из них делают предохранительные прививки. Через пятнадцать дней, после последнего ввода вакцины, им вводят в вену пять кубических сантиметров вирулентной крови больного тифом. Параллельно такое же количество зараженной крови получают и те двадцать подопытных, которым предохранительная прививка не делалась и которые исполняли роль так называемых свидетелей.

По истечении сорока пяти дней свидетели умирали, ибо человек, получивший такую дозу зараженной крови, как правило, не выживает. Чтобы вызвать смерть, достаточно одной десятой кубического сантиметра зараженной крови.

Если вакцина действовала, то через два-три месяца некоторые из восьмидесяти оставались в живых. В таком случае их ликвидировали внутрисердечным фенольным уколом.

* * *

Проводится опытное испытание лекарства Б-1034, которое должно применяться при больших нагноениях.

Безрезультатно.

* * *

Из Берлина поступило срочное задание: найти способ лечения ожогов, вызванных фосфоритными бомбами, которые сбрасывали американцы. Фирма «Монтгауз-Дрезден» прислала свой препарат от ожогов.

Выбрали пятьдесят русских, здоровых. Обожгли им спины фосфором и термитом. Лечебные средства фирмы «Монтгауз-Дрезден» оказались малоэффективными. На оставшихся в живых изучали, как быстро заживают раны.

Все выжившие были ликвидированы.

* * *

Из Малого лагеря привезли четыреста узников и взяли у них много крови. Большинство из них умерли или ослепли.

* * *

Проводятся и другие секретные опыты, но о них мне ничего неизвестно.

Страница тринадцатая.

«Хитрый домик» работает с полной нагрузкой. Каждая минута — один труп.

Печь не успевает сжигать тела умерщвленных, и остывшие трупы, словно бревна, складывают штабелями во дворе крематория. Бешеными темпами приводится в исполнение людоедский четырехлетний план «обезлюдивания» Европы.

* * *

Что такое «хитрый домик»?

Внешне «хитрый домик» напоминает пункт по медицинскому осмотру прибывших. Все, как положено в подобных заведениях: в большом зале чистота, порядок. На стенах медицинские плакаты и фотографии. Узников встречают люди в белых халатах — «медицинская комиссия». Только может быть слишком громко играют

динамики. Вновь прибывшим предлагается раздеться. В следующей комнате эсэсовские палачи, одетые в белые халаты, шупают живот, заглядывают в рот, справляются о состоянии здоровья. Ответы записывают в отдельные карточки. Это успокаивает. Бдительность жертвы приглушена. После взвешивания подводят к стене к прибору для измерения роста. «Медик» направляет голову, опускает планку. В подвижную часть ростомера вмонтирован пистолет. Эсэсовцу остается только нажать на спусковой крючок...

— Следов нет? — осведомляется старший, когда труп убран и кровь смыта.— Ввести следующего!

Страница четырнадцатая.

Наконец-то я раскусил главного врача. Адольф Говен не только изверг, он еще и садист, варвар двадцатого века. Сегодня я был в его кабинете. На стене под черной шторкой небольшое окошко. Через него видно, как в соседней комнате здоровые люди вдыхают пыль древесного угля, загрязняя свои легкие. Неужели в Бухенвальде мало туберкулезных? Так нет, ему необходимы туберкулезные от угольной пыли! Эти жертвы нужны для личных целей: Говен пишет докторскую диссертацию на тему: «Роль угольных частиц в новообразовании туберкулеза легких и задержке развития туберкулеза».

* * *

Настал мой черед, я слишком много знаю о Бухенвальде. Сегодня мне вручили повестку: явиться завтра к восьми утра в политический отдел. Все кончено. Кто же меня выдал? Кажется, я все делал аккуратно. А может быть, и нет? Меня мучит сомнение... Задержал ли я в кабинете Говена черную занавеску?..

Еще вчера я мечтал и надеялся...

* * *

Такую же повестку получил и Вальтер Крамер.

Страница пятнадцатая.

Я не был ни фашистом, ни коммунистом, ни социалистом, ни националистом. До концлагеря общественная

жизнь меня не интересовала, я самоустраивался от нее, считая себя нейтральным. Но от общественной борьбы, так же как и от воздуха, отгородиться нельзя. Она всюду, она сама жизнь. И пока я и подобные мне поняли эту простую истину, нам пришлось увидеть море крови и реки слез.

В мире всегда боролись и будут бороться две противоположности — добро и зло. Люди, не смотрите на эту борьбу глазами посторонних наблюдателей. Выступайте против зла, против всех проявлений жажды власти, против нацизма и черной тучи войны. Уничтожайте зло в самом зародыше, не давайте ему развиваться, взять верх над вами, над вашими мечтами, над вашими жизнями. Раздавливайте зло общими усилиями. Люди, объединяйтесь! Помните — в мире нет нейтральных! Судьба государств в ваших руках!

Я не хочу делать ни обобщений, ни выводов. В этой тетрадке только факты. Мир должен знать черное нутро фашизма. И суду Истории, суду Правды вместе с немymi свидетелями — с миллионами мужчин, женщин, стариков и детей, замученных, расстрелянных, казненных и сожженных в крематориях, — пусть послужат и эти мои скромные записи, где каждая строка написана человеческой кровью».

...Пайкс задумался, а потом крупным почерком написал на обложке: «Я верю, что придет время и фашизм, как позорную грязь, смоят с лица немецкого народа, и гитлеризм, словно черная шелуха, отстанет и упадет в бездну небытия, покрытый позором забвения. А очищенная и возрожденная немецкая нация снова засияет своим золотым сердцем, принося радость всем людям земли».

Он прочитал написанные страницы и подписался:
«Карл Пайкс».

Потом, тщательно завернув свою записную книжку в промасленную бумагу и кусок тонкой резины, он уложил маленький пакет на дно цветочного горшка. Через несколько минут небольшой ежикобразный кактус снова стоял на окне Гигиенического института. А Пайкс, печально вздохнув, отправился в свой блок. Он знал, что уже больше никогда не побывает в этом помещении. Пролонговая бумажка из спецотдела уводила туда, откуда не возвращаются...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Приказом рейхскомиссара Гимmlера полковник СС Карл Кох был освобожден от занимаемой должности коменданта Бухенвальда и назначен главным инспектором концентрационных лагерей всей оккупированной Восточной территории. Этот приказ ошеломил офицеров бухенвальдовского гарнизона.

Узнав о новом назначении Коха на высшую должность, майор Адольф Говен позавидовал ему. Майор знал всю подноготную происшедшего. Черт возьми, полковнику решительно везло! Неделю назад над комендантом нависла такая туча, что казалось, он не сможет спастись. А Кох не только выкрутился из тяжелого положения, но и, черт возьми, на этом же делает себе карьеру!

Неделю назад в Бухенвальд неожиданно нагрянула комиссия Имперского управления охраняемых отрядов СС во главе с генералом вооружения, носителем судебной власти СС, наследным принцем Вальденом. Принц Вальден был осведомлен о всех делах концлагеря. Он располагал сведениями о том, что Кох злоупотребляет своей властью, занимается взяточничеством и отправляет на фронт всякого офицера и унтер-офицера, которые не делали ему подходящих подарков. Таким образом, он получал золото, мебель, ценные вещи, дорогие одежды и драгоценности.

К изумлению своих подчиненных, Кох встретил комиссию очень холодно и в скором времени выпроводил ее из района концлагеря.

Говен ждал, что комендант поплатится за свою самоуверенность. Но у полковника, видимо, имеются достаточно сильные покровители.

В тот же день, когда гарнизону Бухенвальда зачитали приказ о новом назначении коменданта, офицер Марк Кубиц и унтер-офицер Руди Коглер покончили жизнь самоубийством. Узнав об этом, Кох сказал, что они счастливо отделались, ибо он готовил им нечто страшнее смерти. Кубиц и Коглер собирали материал против коменданта.

Кох обосновал свой штаб в Люблине. Наиболее достойных доверия служащих Бухенвальда полковник перевел в Люблинский концлагерь. С ним уехали прожженный авантюрист, мастер всевозможных фальшивых документов штабной фельдфебель Дальман, специалист по

массовым экзекуциям капитан Гакман, жулик и вор начальник вещевого склада заключенных фельдфебель Готхольд и другие.

Фрау Эльза не захотела покидать свою роскошную виллу. Она осталась жить в офицерском городке Бухенвальда. Это обстоятельство радовало майора. Говен все еще надеялся завладеть ее сердцем.

Новым комендантом Бухенвальда был назначен штандартенфюрер Пистер. Высокий, жилистый полковник, несмотря на свои шестьдесят шесть лет, был энергичен и подвижен. Он приехал, как язвительно отметил Говен, с допотопной старой мебелью и юной женой. Та была на сорок пять лет моложе своего мужа. Пистер ревниво оберегал ее и держал взаперти. Фрау Пистер почти не выходила из своего особняка. Адьютанта Бунгеллера, который попытался было установить деловое знакомство с женой коменданта, Пистер отправил на фронт, а лагерфюреру Эрнху Густу прозрачно намекнул, что офицеру в его возрасте не следует жить врозь с собственной женой.

Особых перемен в жизни лагеря не произошло. Пистер придерживался коховской системы и считал ее идеальной. Собрав офицеров гарнизона, новый комендант приказал:

— Чтобы ни одна тварь из числа заключенных не шлялась без дела. Меня не интересует, что именно будут делать заключенные, но я хочу видеть одно: работу, работу и работу.

Узники по-разному встретили изменение в руководстве лагерем. Среди политических нашлись даже оптимисты, которые надеялись, что смена коменданта принесет заключенным некоторые облегчения. Но таких было мало. Большинство придерживалось мнения Николая Симакова, руководителя подпольного центра, сказавшего своим товарищам:

— Хрен редьки не слаще.

Староста лагеря бандит Олесс, желая повысить свой престиж в глазах сообщников, задумал устроить пирушку:

— Надо обмыть такое событие!

Староста вызвал к себе двух зеленых — Косолапого

Пауля и Маленького Шульца, двух дружков, которые и до Бухеивальда промышляли вместе, — и многозначительно подмигнул им:

— Есть дело.

Косолапый и Маленький радостно ухмыльнулись.

— Свилярник знаете?

Друзья насторожились.

— Ну, знаем, — ответил Пауль.

— Ты был там?

— Ну, бывал, — Косолапый пожал плечами и сплюнул. Если этот староста думает заставить их таскать навоз, то он ошибается. Не на тех нарвался.

— Там есть свинка, такая... гм. С черным хвостиком.

— Кругленькая такая? И на лбу пятачок? — оживился Маленький Шульц.

— Ее надо «сработать».

Друзья опешили. С минуту они стояли молча, пораженные неожиданным предложением. Потом Косолапый Пауль потоптался на месте и, с трудом подбирая слова, произнес:

— Сработать... ха-ха... сработать! Ты, Малыш, понимаешь, что он нам предлагает?

— Угу... — Маленький Шульц кивнул. — Нам предлагают дорогу в крематорий. Легче расписать ножом десяток политических. За них меньше спросу, чем за эту ходячую отбивную...

Олесс посмотрел лисьими глазками на Пауля, потом перевел сощуренный взгляд на Шульца:

— Я думал, что вы еще не разучились работать. Внжу, ошибся. Быть вам вечно воиючими надсмотрщиками и ничего, кроме похлебки, не звать. Идите. Только языки завяжите на узелок, а то, — и Олесс многозначительно провел ребром ладони по шее. — Ясно?

В глазах Пауля сверкнул огонек. Слова Олесса, словно удар хлыста, обожгли его самолюбие. Он твердо шагнул вперед. Маленький Шульц хотел схватить его за рукав, удержать, но Пауль уже прорывал:

— Мы согласны.

Олесс смотрел мимо Косолапого Пауля в пространство и молчал.

— Мы согласны, — повторил Косолапый Пауль.

— А я, было, уже передумал, — лениво отвечал Олесс, — и без вас охотников много. Только свистни.

— А что мы будем иметь? — спросил. Маленький Шульц, переходя на деловой тон.

— Литр спирта.

— Спирта? — растягивая любимое слово, переспросил Косолапый Пауль, и его рот расплылся в блаженной улыбке.

— Да, — утвердительно кивнул Олесс, — и в придачу два билета в публичный дом.

Они ударили по рукам.

И ночью, в предрассветном густом тумане, свинья с черным хвостиком исчезла из эсэсовского свиннарника и очутилась в дальней комнате двенадцатого блока. А утром после всеобщей проверки два дюжих бандита чуть ли не силком привели упиравшегося узника, бывшего в недавнем прошлом поваром в одном из баров Берлина. Повару показали неразделанную тушу, дали трех помощников и велели «сварганить самое объедательное».

Этой же ночью бандит Гроельц совершил отчаянный, по общему мнению бандитов, «наскок»: мюнхенский вор отмычкой открыл дверь секретного блока патологии и «очистил» подготовленный к отправке стэнд заспиртованных частей человеческого организма. Гроельц унес пятилитровый стеклянный сосуд. Правда, орудовать ему пришлось в полной темноте, и это лишило его элементарной возможности выбора. Действовать приходилось на ощупь, не интересуясь тем, что именно заспиртовано в банке. Гроельц заботился только об одном — взять сосуд покрупнее.

Когда же наступило утро и Гроельц, наконец, рассмотрел содержимое сосуда, он пришел в бешенство. Судьба явно насмеялась над ним.

— Сволочи, всякою дрянью спирт мутят!

Гроельц стал разбирать надпись. Мюнхенский вор когда-то в детстве посещал школу. Он прочел длинную мудреную фразу и понял только два слова — «система» и «трубы». Бандит почесал затылок. Надпись, по его мнению, явно противоречила содержанию.

Но его сомнения развеял староста лагеря.

— Дубинна, буквы не знаешь? Написано ясно: «Фаллопневмы трубы». — Олесс прочел по слогам и ткнул корявым ногтем в слово «трубы». — Гм... Фаллопневмы это, должно быть, фамлия. Наплевать! Ну, а трубы... где у человека бывают трубы?

Гроельц вылупил глаза, не решаясь даже моргнуть. Он никак не мог сообразить: где же у человека могут быть трубы?

А Олесс уже вошел в роль проповедника, несущего науку в массы.

— Попробуем объяснить проще. Чем ты, мировой взломщик Гроельц, дышишь?

Бандит сразу схватился за собственный кадык.

— В самом деле, черт возьми, тут действительно, кажется, труба!.. Но она что-то не похожа на ту... Шире...

— А ты сам, дурак, похож на Фаллопиеву? Тот, может, доходяга был, глист... А ты вои какой! Крокодил.

И Олесс, удовлетворенный результатом научной обособленной консультации, перешел на деловой тон:

— Все ясно, и нечего философию разводить. Выкидывай к чертям кишки!

Пирушка, устроенная следующей ночью, удалась на славу. Бандиты веселились до утра. Дежурные полицейские — Олесс позаботился, чтобы на внутренних постах оказались его сообщники — изредка забежали в двенадцатый блок и, пропустив стаканчик спирта, разбавленного водой, уходили в сырую мглу. Туман, словно мокрое одеяло, лежал над Бухенвальдом.

Изрядно выпивший Трумпф ударил кулаком по столу:

— Парни! Какой-то скелет побеждает нашего чемпиона... немецкого! А мы... мы спокойно на это смотрим!

После знакомства с кулаками Андрея Бурзенко Трумпф возненавидел русского боксера и ждал удобного случая, чтобы отомстить.

Трумпф, шатаясь, направился к Олессу:

— Староста! Мои «буйволы» сегодня «сработают» русского боксмейстера... как эту свинку. Под ребрышко... тык — и готово! Ни одна душа не узнает...

Олесс еще не совсем опьянел. Он вспомнил слова Тимана: «За каждого политического — двух зеленых...»

— Дубина! «Сработает» на свою шею. Не забывай, что он политический.

— Ну и что? — Трумпф, сопя, двинулся к старосте. — Мало мы их били?

— Бей. Только боксом. Кто тебе не дает? А если не можешь, не суйся.

— Не суйся?! — переспросил Трумпф, и глаза его ста-

ли наливаясь кровью. — Не суйся?! Так ты, старая коряга, продался политикам?!

И Трумпф хотел схватить старосту за лацкан пиджака. Но не успел. Олесс мгновению ускользнул от цепких лап уголовника. На помощь старосте бросились несколько зеленых. Но Олесс опередил всех. Он выхватил из кармана длинный острый нож и приставил его к горлу Трумпфа:

— Не шевелись! Проткну трубу.

Зеленые замерли. Каждый знал, что если староста вынимает нож, то не жди пощады. В такие минуты лучше убраться подальше. Разъяренный Олесс выдавал сполна не только обидчику, но и тем, кто когда-то чем-то ему насолил. Он был жесток и беспощаден.

Трумпф глотил слюну:

— Режь, старая коряга... Если ты продался политикам, — режь!

Олесс рывком отбросил нож.

— Дубина!

Маленький Шульц поднял нож и услужливо подал его Олессу. Лицо старосты стало по-прежнему непроницаемо спокойным.

— Не твоими руками убивать таких. За это возьмусь я. Лагерфюрер Густ приложит свою руку, и русский боксер пойдет в «люфт».

Олесс кивнул в сторону крематория, труба которого была видна в окно.

Пирушка продолжалась.

* * *

Незадолго до рассвета надрывно взвыли сирены, зарывали репродукторы. По лагерю забегали эсэсовцы и лагерные полицейские.

— Хераус! Подъем! Выходи стронься!

Палки запрыгали по спинам и головам узников.

Проклиная все на свете, заключенные вскакивали со своих мест и, накидывая полосатые куртки на потные спины, бежали стронься. Андрей, чертыхаясь, спешил со всеми.

— Привыкай, джигит, к порядкам, — сказал Каримов. — Вспокоились звери. Значит, кто-то из наших бежал.

«Ого, — подумал Андрей, — это здорово!»

Узников строем погнали на аппель-плац — центральную площадь концлагеря. Через полчаса ее заполнили десятки тысяч людей — все невольники Бухенвальда. Они стояли побарачно. Старосты и блокфюреры застыли у своих колонн.

— Внимание! Внимание! — репродукторы разнесли картавый голос рапортфюрера. — Комендант концентрационного лагеря Бухенвальд штандартенфюрер Пистер доводит до сведения всех заключенных следующее: вчера какие-то негодяи выкрали из эсэсовского свиначника породистую свинку, завезенную из Бельгии. Прнметы свинки: толстая, розовая, кончик хвоста черный и небольшое пятно на лбу.

Волна оживления прошла по рядам узников. Пархоменко выругался:

— Бандюги нашкодили, а нам отдуваться...

Староста концлагеря Иосиф Олесс, стоявший перед самой трибуной рапортфюрера, мысленно перебирал участников пиршества. Кто же из них продал?

— Комендант концентрационного лагеря Бухенвальд штандартенфюрер Пистер, — продолжал рапортфюрер, — приказывает: немедленно выдать негодяев. В противном случае весь лагерь будет подвергнут наказанию. Срок для размышления — два часа.

Туман медленно рассеивался. Рапортфюрер уже дважды назначал срок выдачи похитителей свинки, и оба раза узники, стоявшие на площади, отвечали молчанием. В лагерь ввели подразделение эсэсовцев из дивизии охраны. Начался массовый обыск.

К полдню люди уже выбивались из сил. Они уже восьмой час стоят на площади с обнаженными головами. То здесь, то там слышится стук падающего тела. Поднимать упавших не разрешают. Их тут же оттаскивают на левый фланг, где складывают на тачки и отвозят в крематорий.

К четырем часам дня были объявлены результаты повального обыска:

— В двенадцатом блоке, в котором по случаю ремонта никто не проживает, обнаружена шкура, внутренности и кости свинки, — картавит рапортфюрер, — негодяи успели сожрать несчастную...

В дальнем конце площади в колонне двадцать третьего блока Косолапый Пауль и Маленький Шульц сжались в смертельном страхе.

У Иосифа Олесса похолодело в груди. Все улики против него! И он мысленно почувствовал на своей шее прикосновение веревочной петли... Сто чертей! Олесс, решившись, позвал к себе дежурного офицера. Вдвоем они направились в канцелярию, в комнату рапортфюрера.

Через несколько минут прозвучал отбой тревоги и узников распустили по своим блокам.

А к вечеру репродукторы передали приказ нового коменданта Бухенвальда: криминальные заключенные Косолапый Пауль и Маленький Шульц, совершившие нападение на свиарник, приговорены к смертной казни. Приговор приведен в исполнение. Иосиф Олесс отстранен от должности старосты концлагеря и получил десять суток строгого карцера. Старостой Бухенвальда назначен политический заключенный Ганс Эйден.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Наступил солнечный ноябрь. Теплые погожие дни. Высоко в синем небе летят на юг стаи птиц.

Заключенные провожают их тоскливыми взглядами.

— А у нас сейчас аисты улетают, — задумчиво говорит Каримов. — Умная птица аист...

Ферганец вместе с Андреем неторопливо шагает вдоль колючей проволоки, по аллее, отведенной для «прогулок». Парами и небольшими группами прохаживаются по аллее заключенные. Сегодня воскресенье — «короткий день». Узники имеют возможность час-полтора подышать свежим воздухом, побыть наедине или встретиться с друзьями.

У Андрея с Батыром деловая встреча. Ферганец уже вторую неделю, по решению центра, живет в бараке, где размещены советские военнопленные азиатских национальностей: узбеки, таджики, киргизы, туркмены, казахи, татары.

— Придется тебе, Андрей, перед праздником не спать, — Каримов говорит по-узбекски, — и послушать ташкентское радио. Я пока опасаюсь отлучаться в ночное время. Возможно, за мной установлена слежка. Принимай, старайся записывать все. Любая мелочь играет роль... А записи передашь чеху Владиславу.

— Этому полицаяу? — Андрей даже остановился от удивления.

— Иди спокойно, не привлекай внимания, — голос Каримова звучит ровно и повелительно. — Владислав коммунист. И форму полиция носит по заданию центра. Записи отдашь ему.

— Слушаюсь.

И они разошлись.

«Вот это настоящее задание! — у Андрея радостно бьется сердце. Он будет слушать Родину! Москву, Ташкент!»

Но, придя в блок, Андрей спохватился: «А чем записывать? Где бумага? Карандаш?»

Он вернулся на аллею. Каримова нигде не видно. Ушел. «Эх, растапа, — мысленно корил себя Андрей, — нюни распустил, а спросить о главном забыл...»

У входа в барак его поджидал Бунцоль.

— Где ты шляешься? Кто за тебя убирать будет? Опять в моей комнате грязно!

Бурзенко взглянул на старосту, взял швабру и направился в его каморку:

— Хватит орать-то...

Но в каморке Бунцоль преобразился. Он положил свою широкую ладонь на плечо Андрея:

— Будить тебя не буду. Как только сменятся караулы и эсэсовцы прокричат «хайль», приходи, — говорил он по-немецки.

— Хорошо.

— А сейчас иди отдыхать. — Бунцоль забрал у него швабру. — Я и сам наведу порядок.

Но слушать голос Родины в эту ночь Андрею не пришлось. После вечерней проверки, когда заключенные возвращались в свои бараки, Андрея остановил Костя:

— Иди в вашраум, там тебя ждут.

В вашрауме — умывальне — Андрей увидел Михаила Левшенкова. Того самого, с кем он беседовал перед боксерским состязанием. Левшенков умывался. В этот момент в умывальню случайно зашли несколько зеленых, шумно разговаривая между собой. Когда Андрей подошел, Левшенков едва заметно подмигнул ему и «нечаянно» опрокинул ведро с грязной водой.

Андрей, поняв, напустил на себя суровый вид:

— Умываться не умеете! Ходи за вами, убирай! А ну, возьми тряпку и вытри!

Левшенков едва заметно улыбнулся.

— А ты не шуми, — он взял в руки тряпку, — давай помогу...

И, наклонясь к Андрею, торопливо шепнул:

— Ночью, как сменятся караулы, приходи в седьмой блок. Есть дело.

— А как же... — Андрей хотел было сказать о задании Каримова, но Левшенков, выкручивая тряпку, продолжал шепотом:

— Все прочие задания отменяются. А теперь выпроводи меня.

Андрей плечом отстранил Левшенкова.

— Ну, хватит, — громко начал он, — иди, отдыхай, на следующий раз — смотри! Будь аккуратнее.

Ночь выдалась лунной и звездной. Андрей не спал, прислушивался. Вот началась смена караулов, эсэсовцы дружно прокричали «хайль». Потом послышались выкрики команды, топот кованых сапог, и через некоторое время над лагерем снова воцарилась мертвая тишина.

Андрей слез с нара и направился к выходу.

— Ты куда? — остановил его спросонья сосед.

— Куда царь пешком ходит, — иашелся Андрей, — идем со мной.

— А-а-а, — неопределенно промычал сосед и перевернулся на другой бок.

Андрей, прижимаясь к стене и прячась в тень, добрался до седьмого блока. Там дежурил полицай Владислав.

— Сюда, сюда, — он проводил Бурзенко в комнату старосты, — осторожнее, не наступи на товарищей.

В темной каморке было тесно. На полу сидело много незнакомых людей. Андрей тоже уселся на пол.

— Двигайся, браток, ближе.

Андрей обрадовался моряку Косте. Они обменялись рукопожатием.

Потом в комнату втиснулось еще несколько человек.

— Все в сборе?

— Да, — тихо ответил кто-то. Голос показался Андрею хорошо знакомым. «Товарищ Михаил!» — догадался боксер.

Потом заговорил Иван Иванович. Подполковника Смирнова Андрей сразу узнал по голосу.

— Товарищи, мы вас собрали по боевой тревоге. Над нашей организацией нависла смертельная опасность...

Собравшиеся насторожились.

Потом заговорил политзаключенный, возглавляющий в подпольной военно-политической организации отдел безопасности. Андрей его не знал и слегка толкнул Костю:

— Кто это?

Костя так же шепотом ответил:

— Николай Кюнг.

— Мы располагаем точными сведениями, что сегодня ночью, в канун праздника Октября, — продолжал Николай Кюнг, — банда уголовников решила устроить «Варфоломеевскую ночь», праздник «крови и мести»: вырезать десятки коммунистов, общественников и активных политических, которые занимают административные должности. А завтра утром явиться с повинной к коменданту лагеря. Он, конечно, «великодушно» простит им убийство красных. У зеленых, как нам известно, на этот счет уже имеется договоренность с эсэсовцами.

Положение серьезное, — голос Кюнга звучал ровно, уверенно, словно он читал приказ. — Мы собрали вас, актив центра. Центр поручает нам боевое задание: не дать зеленым выйти из бараков, предотвратить террористские акты. С этой целью необходимо блокировать все выходы из бараков и любой ценой, вплоть до применения холодного оружия, удерживать их до утра. Огнестрельное оружие не применять. Вопросы есть?

— Все ясно, — Андрей ответил за всех.

— Тогда выступаем. У главных ворот дежурит наш человек. У него фонарик. Если будет опасность, он даст сигнал: короткими вспышками света.

Тут же в комнате разбилась на небольшие группы, и каждая из них получила определенное задание. В группе, в которую попал Андрей, был Костя. Моряк вооружился увесистой палкой. От ножа Андрей отказался. В короткой схватке он сможет действовать и кулаками. А нож — только лишнее вещественное доказательство.

— Пошли, ребята, — кратко бросил худошавый плечистый Валентин Логунов, и вся группа двинулась за ним.

Прячась в тени, одни за другим пробирались узники к девятнадцатому барaku. На пулеметных вышках царил покой. Правда, несколько раз группу нащупывал прожектор, но тут же луч света уходил в сторону. Андрей усмехнулся: эсэсовцы, видимо, принимали их за уголовников.

К девятнадцатому блоку, в котором с вечера собрались заправилы зеленых, подошли тихо, соблюдая предосторожности.

Андрей, Костя и еще пять человек заняли главный выход.

Потекли минуты ожидания. В блоке зеленых подозрительно тихо. Тишина висит и над всем концлагерем. Луна, поднявшись в зенит, заливает концлагерь холодным светом. Легкий морозец дает о себе знать. Хочется погреться, размять затекшие мышцы.

Подошел Валентин Логунов, руководитель группы.

— Вот что, ребята, — сказал он, — надо и технику использовать.

И он велел Косте и Андрею приготовить к действию противопожарный насос. Вдвоем они бесшумно размотали брезентовый рукав, опустили один конец в бочку с водой.

— Идем к дверям, — посоветовал Костя, — пусть с насосом возятся, кто послабее.

— Дело, — одобрил руководитель.

Бурзенко осмотрел свои кулаки и старательно обмотал кисти тряпками, которые он носил с собой вместо носового платка. А то при нанесении удара можно повредить суставы. Он несколько раз разжал и сжал кулаки. «Порядок, — решил Андрей и вздохнул, — скорей бы, что ли!..»

Вдруг Логунов поднял руку:

— Вниманье!

За дверью барака послышался легкий шум, шаг. Или это только показалось?

Дверь распахивается. В светлом проеме вырастает рослая угловатая фигура. За ней вторая, третья, пятая...

Андрей преграждает им путь:

— Назад!

От неожиданности уголовники оторопели. Первый — это был Трумпф — чуть попятился назад. Видно, бандит подумал, что перед ним охранник. В следующую секунду, сообразив, что это всего навсего заключенный, уголовник смачно выругался. В лицо Андрею пахнуло вонючим перегаром.

— Прочь, скелет! — зарычал Трумпф и коротко взмахнул рукой. Тускло сверкнуло лезвие ножа.

Но Андрей опередил бандита. Перенеся вес тела на левую ногу, боксер послал вперед правый кулак. Удар

попал точно в подбородок. Трумпф, лязгнув зубами, свалился под ноги своим друзьям.

— Бей красных! — взвыли уголовники и кинулись на боксера.

Но их встретили ударами увесистых палок. Схватка была короткой, ожесточенной. В разгар столкновения в лица бандитов ударила сильная струя воды. Вода была холодной, отрезвляющей. Это и решило исход сражения. Несмотря на численное превосходство, уголовники не выдержали. Мокрые, с разбитыми носами, синяками и кровоподтеками, они отступили назад, в барак, и шумно захлопнули за собой дверь. Закрылись.

— Сидите, швабры, и не вылезайте! — Костя выругался.

Зеленых караулили до самого рассвета. Но те больше и не пытались высовываться из блока. Крепкие удары и водяная струя, видимо, охладили их пыл.

Не смогли уголовники выбраться и из других бараков. Все их попытки вырваться были остановлены сильными руками. «Варфоломеевская ночь» не удалась, «праздник крови и мести» не состоялся. Уголовники лишний раз убедились, что заправилы внутри лагеря, какими они были еще год назад, теперь уже им не бывать, что политические — это такая сила, с которой просто так им не справиться. Концлагерь стал не таким, каким он был недавно.

Утром в праздник Октября весь Бухенвальд знал о ночном столкновении. Уголовники ходили хмурые, главарь, заправилы отсиживались в бараках. Капо, надсмотрщики и другие прислужники эсэсовцев присмирели. Авторитет зеленых, годами державшийся на силе и жестокости, таял. Даже многие лидеры немецких социал-демократов, перелуганные и забитые люди, боявшиеся не только выступить против фашизма, но и говорить на эту тему, немного оживились.

— О! Русиш! Гут, гут!

А ведь всего за несколько месяцев до этого они на встрече с представителями русского подполья печально разводили руками и уныло бубнили:

— Бороться? В концлагере? Бессмыслица, авантюризм...

Жизнь доказывала правильность курса, взятого коммунистами и комсомольцами. Их поддерживали антифашисты всех стран, на их стороне было большинство муче-

ников Бухенвальда. Бороться не только нужно, но и возможно!

А вечером, перед поверкой, когда тысячи узников выстроились на аппель-плаце, из колонны в колонну с быстротою молнии пронеслась радостная весть: «Советские войска заняли Киев!»

Столица советской Украины освобождена!

Узники, особенно советские военнопленные, вызывающе смотрели в лица своим палачам.

Эсэсовские офицеры, командиры блоков ходили мрачные, злые. У солдат был растерянный, хмурый вид. Наступление Советской Армии, видимо, заставило эсэсовцев подумать о будущем.

Мощные громкоговорители передавали специальный выпуск последних известий из Берлина. Гнусавый диктор долго и монотонно бубнил о какой-то «эластичной обороне», о пресловутой тактике «выравнивания линии фронта», о мифическом «восточном вале» и т. д. Но за всеми высокопарными словами, подтасованными цифрами явственно проступала растерянность, которая охватила правителей третьего рейха. Советские войска неудержимой лавной приближались к границам Германии.

И впервые тысячи советских военнопленных после вечернего аппеля не разошлись поодиночке, а четко отбивая шаг деревянными колодками, строго соблюдая равнение, колонна за колонной, направились к своим блокам. Они пели старинные украинские песни: «Распрягайте, хлопцы, коней», «Вечер близенько», «Рече та стогие Динпр широкий». Пели русские и татары, украинцы и узбеки, белорусы и грузины. И простые, чудесные песни Украины звучали над Бухенвальдом, как бы говоря о том, что нет в мире силы, способной покорить народы свободной страны и разрушить их братский союз.

С восхищением смотрели другие узники на измученных неволей, но не сломленных советских людей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Меч возмездия повис над плешивой головой Кушнер-Кушнарева. Тысячи его жертв: коммунисты и комиссары, советские офицеры и партийные работники, расстрелянные эсэсовцами по его доносам в «хитром домике», — зывали к отмщению.

А лагерфюрер Макс Шуберт, отмечая усердие провокатора, дружески похлопывал его по плечу:

— У вас есть возможности получить офицерский чин.

— Рад стараться, герр майор! — подобострастно отвечал Кушнир-Кушнарев.

— Старший надсмотрщик на вокзале Аусшвиц убил тридцать тысяч. И что же? Я сам читал в приказе: он получил высочайшее помянование и попал в личную охрану самого фюрера!

— Буду стараться, герр майор!

Подпольный интернациональный антифашистский центр Бухенвальда принял решение: уничтожить провокатора.

Гибель негодяя не должна была вызывать подозрений. После тщательного и всестороннего обсуждения подпольщики решили, что Кушнир-Кушнарев должен «заболеть» и умереть в больнице. Однако и этот вариант был не безопасен. Если и удастся утаить подлинную причину смерти бывшего царского генерала от эсэсовцев, то этого нельзя было скрыть от опытного глаза главного врача Адольфа Говена. Как же быть?

И вот подпольный центр принимает решение найти ключи к сердцу Говена. По заданию центра немецкие, чешские, французские и австрийские антифашисты, работавшие в канцелярии концлагеря, в больнице, Гигиеническом институте, уборщики, врачи, писари, разносчики обедов, повара следили за каждым шагом главного врача, запоминали каждое сказанное им слово. Полученные таким образом данные стекались к Рихарду, возглавлявшему отдел безопасности немецкой подпольной антифашистской организации. Однако тщательно проверенные сведения о майоре Говене ничего не давали подпольщикам. Говен, сын фрейбургского помещика, имеет твердый характер, железную волю, отличается стойкими взглядами. Он — фанатичный фашист, преданный до мозга костей Гитлеру. К своим сослуживцам, эсэсовцам относится высокомерно, презирая их «мышиную возню» с уничтожением людей. По своему складу ума он мыслит крупными масштабами и мечтает о грандиозных планах обезлюживания Европы и превращения ее в жизненное пространство для арийцев. У него нет никаких увлечений: не курит, не пьет. Из всех женщин

он, кажется, боготворит одну — Эльзу Кох, но та к нему равнодушна.

Антифашистский центр вынужден был признать, что Говен орешек более крепкий, чем предполагалось. У майора нет уязвимого места. И все же Рихард нашел «ахиллесову пяту». Он обратил внимание на фразу, которую Говен сказал в финансовом отделе при получении денег — эта фраза фигурировала в одном из сообщений разведывательной сети. Взвешивая в руке плотную пачку марок, майор Говен шутливо произнес:

— Дер даллес, дер даллес... (Бедность, бедность...).

Именно в этих двух словах Рихард и увидел «ключи к сердцу Говена».

— Нужна крупная сумма, — сказал Рихард на заседании центра Николаю Симакову.

Но какая именно сумма могла считаться для Говена «крупной», еще предстояло выяснить. Снова заработали все звенья разведки. Установили: ежегодно главный врач имеет от своего имения около двух тысяч марок чистого дохода. И тогда решили: дать ему сумму, равную его пятнадцатилетнему доходу.

Драгоценности поручили достать немцу-антифашисту Отто Галле и работавшему вместе с ним в вещевом складе русскому патриоту Косте Руденко. В вещевом складе хранились драгоценности, отнятые эсэсовцами у своих жертв. Начальник второго операционного отдела лагерной больницы политический заключенный коммунист Гельмут Тиман взялся выполнить основную часть задуманной операции: сделать предложение Говену.

Все сознавали — это риск. Но другого выхода не было. Русский военно-политический центр привел в боевую готовность ударную группу на случай провала. Если Говен откажется от взятки, его следовало немедленно умертвить. По условному сигналу Гельмута русские дружинники должны были напасть на сорок шестой блок, якобы для освобождения своих товарищей, над которыми собираются совершать медицинские опыты, и убить Говена. Заодно они могли расправиться и с Кушнир-Кушнаревым, дом которого находился поблизости. Участники налета сознательно пожертвовали бы собой ради общего дела: всех их ждала смерть.

Две недели Гельмут неотступно следил за Говеном. Ждал благоприятного момента. Русские патриоты были

начеку, готовые в любую минуту броситься на ненавистного эсэсовца.

За неделю перед рождественскими праздниками наступил, наконец, долгожданный момент. Майор СС иногда, будучи в хорошем настроении, снисходил до дружеской беседы с Гельмутом и даже играл с ним в шахматы. Именно такое настроение у него было в субботу. Придя в больницу и быстро покончив с текущими делами, он кликнул Гельмута:

— Расставляй фигуры. Сейчас я с тобой разделаюсь. За прошлое поражение.

— Это мы еще посмотрим, герр майор.

Гельмут Тиман считался в Бухенвальде одним из лучших шахматистов. Он быстро расставил фигуры и многозначительно произнес:

— Сейчас я вам испорчу настроение, под рождество...

Игра проходила остро, с переменным успехом. К концу партия складывалась в пользу Говена. Гельмут Тиман искусно «проигрывал». Несколько раз он готов был начать нужный разговор, но не решался. Кровь молоточками стучала в висках. Во рту пересохло. Вот сейчас, вот сейчас...

Говен заметил волиение Гельмута. Но понял его по-своему.

— Что, не по душе проигрыш? То-то! Вот сейчас я тебе мат сделаю, — майор сделал ход конем: — Шах!

Тиман искусно проигрывал. Успех окрылял майора. Он даже подобрел и, усмехнувшись, бросил Гельмуту сигарету:

— Можешь закурить, говорят, иногда помогает.

Тиман облизал пересохшие губы и спросил:

— Герр майор, можно вам задать не служебный, а так сказать рождественский, вопрос?

— Слушаю.

— Герр майор, вы как-то рассказывали, что у вас есть свое имение. Возле Фрейбурга. Красивые там места! Говен расплылся в улыбке.

— Какой там воздух! Наша, немецкая, Швейцария. Как там хорошо сейчас, ты даже и не представляешь.

Гельмут подался чуть вперед:

— Герр майор... Простите за любопытство, какой доход приносит вам имение?

Говен закурил сигарету и важно произнес:

— Три тысячи чистого.

«Врешь, голубчик,— подумал Тиман,— на твой счет поступает только тысяча восемьсот сорок две марки».

— А если бы вам сейчас, герр майор, на стол положили...— Гельмут немного помедлил и мечтательно произнес:— Ну, скажем, сумму, равную десятилетнему доходу. А?

Говен поднял глаза на Тимана и рассмеялся.

— Я не мечтатель.

— А все-таки,— не унимался Тиман.— Скоро рождество, можно и помечтать. Представьте, что однажды вы открываете кабинет и видите на вашем столе тридцать тысяч марок...

— Глупости,— сказал главный врач,— глупости вы говорите,— и, помолчав, снова рассмеялся.— Коммунист! Мечтатель! Все вы такие... Живете иллюзиями! То народам земной рай обещаете, этот самый коммунизм, то всякие пятилетние планы выдумываете...

Говен ткнул сигарету в пепельницу и продолжал:

— Учиться надо у американцев. Там не мечтают — делают деньги,— и уже совсем другим тоном, видимо, вопрос Тимана попал в цель, тихо спросил:

— А какая добрая фея их положит на стол?

Гельмут Тиман глубоко затянулся и, медленно выпустив дым, сказал, раздельно произнося каждое слово:

— Что бы вы сказали, герр майор, если бы Кушнир-Кушнарев неожиданно заболел... за тридцать тысяч.

Лицо майора стало жестким. Он впился глазами в Гельмута. Рука эсэсовца медленно потянулась к кобуре, но остановилась. Тридцать тысяч — это, черт возьми, целое состояние! Говен глотнул слюну:

— Хорошо, согласен.

У Тимана отлегло от сердца.

— Только не золотыми зубами,— брезгливо поморщился Говен.— Чистой валютой. В марках!

Через полчаса дежурный эсэсовец вручил провокатору повестку, подписанную самим главным врачом: Кушнир-Кушнареву предлагалось немедленно явиться в лагерную больницу для профилактики против сыпного тифа.

В одежде Кушнир-Кушнарева при осмотре была «обнаружена» вошь. Санитары «нашли» еще одну в постели провокатора.

— Придется вас положить в больницу,— сказал Тиман.

— Нет, нет, я в больницу не лягу,— задрожал негодй.— И лекарств пить не буду! И уколы делать не дам!

Главный врач презрительно осмотрел дряблое тело наркомана: за эту гадину дают тридцать тысяч! И распорядился:

— Положить Кушнир-Кушнарера в отдельную палату, под мой контроль.

Потом бросил бывшему царскому генералу:

— Вас будет лечить сам начальник отделения доктор Тиман.

— Спасибо, герр майор, спасибо,— улыбка застыла на лице Кушнир-Кушнарера.

Провокатора поместили в отдельной палате. Еду для Кушнир-Кушнарера по распоряжению Говена доставляли солдаты из эсэсовской кухни.

Тиман понимал, что, пока марки не будут у Говена на столе, ни одного волоса не упадет с головы предателя.

А перевести драгоценности в валюту было не просто. Центр искал способ переправить их из концлагеря в Веймар и в городском банке обменять на деньги.

Кухонная команда еженедельно ездила в Веймар получать продукты для эсэсовцев. В команде были свои люди. Им и поручили ответственную операцию. Русский подпольщик Александр Позевай до войны работал в Киевском уголовном розыске и хорошо знал, как воры прячут золото и бриллианты. Его советами воспользовались немецкие друзья. Старый коммунист Роберт Зиверт, имевший связи с подпольной коммунистической организацией Тюрингии, дал явки в рабочих кварталах.

— Передайте от меня привет, и вам помогут.

В кауи отъезда кухонной команды старший вещевого склада Отто Галле вынес драгоценности. Он их заранее отобрал и держал в специальном тайнике. Однако, несмотря на все предосторожности, эсэсовец Бамбус, отвечавший за вещевой склад, обратил внимание на исчезновение части слитков. Он кинулся прямо к Галле:

— Куда идет золото?

Отто не растерялся. Он таинственно прошептал:

— Герр коменданту.

Бамбус прикусил язык. Тут уж он был бессилен, про-

тив ветра не плюешь. Он промывал что-то насчет осторожности и посоветовал:

— Ты только записывай для учета. А то берет начальство, а расплачиваться своими головами нам придется.

В канун рождества Гельмут Тимаи выложил на стол перед остолбеневшим майором тридцать тысяч новеньких марок:

— Не трудитесь считать, герр майор, цифра точная.

Говей опустился на стул. Несколько секунд неподвижно смотрел на тугие пачки, горкой наваленные на письменном столе. Тридцать тысяч. Черт возьми, целое состояние! Главный врач выдвинул ящик письменного стола и торопливо сложил в него пачки ассигнаций. Щелкнул замок. Майор СС Говей поднял глаза на заключенного:

— Кушнир-Кушнарев ваш. Смею надеяться, что не останется никаких последствий?

Тимаи благодарно кивнул.

Гельмут уже подходил к двери, как вдруг в кабинете послышалось шипение репродуктора. Тимаи насторожился. В следующее мгновение из динамика раздался скрипучий голос рапортфюрера:

— Лагерь, слушай. Приказ! Руководителю блока девятисто девять немедленно явиться к воротам...

Тимаи знал: в девятисто девятом живут палачи. Значит, предстоят новые казни.

— ...Команда крематория, слушай! Немедленно выслать к воротам шесть человек...

Гельмут скрипнул зубами. Трусливые убийцы, торопятся жечь, замести следы.

— ...Лагерь, слушай! Немедленно явиться к воротам Кушнир-Кушнареву!

Тимаи вздрогнул. Значит, привезли русских... Нужен провокатор, предатель, чтобы уничтожить лучших... А он еще жив!

Гельмут сурово посмотрел на майора. Говей взял телефонную трубку и подчеркнуто спокойным тоном сообщил канцелярии:

— Кушнир-Кушнарев болен. Он находится в больнице в тяжелом состоянии.

Узник быстро вышел из кабинета. Надо скорей, сейчас же... Лишь бы не оказался включенным динамик.

Лишь бы Кушнир-Кушнарев не слышал вызова... Надо успеть...

Около палаты он увидел встревоженного Пельцера. Приблизившись к санитару, Тиман полупрошептом выдохнул:

— Динамик?

— Я проследил за этим, геноссе Гельмут. Динамик выключен. Провокатор пока ничего не знает.

Войдя в палату, Тиман любезно улыбнулся Кушнир-Кушнареву:

— Как себя чувствует господин генерал?

— Кажется, неплохо. — Кушнир-Кушнарев подобострастно оскалил гнилые зубы. Этому усердному врачу он начинал доверять. — Ваши уколы «таубенцукера» возвращают мне силы.

— О! Это совершенная правда. «Таубенцукер» — прекрасное средство! Я убежден, что вас уже можно выписывать из больницы. Но для большей уверенности сделаем еще укол.

И Тиман стал подготавливать шприц.

Бывший царский генерал, задрав рубаху, обнажил костлявую желтую спину.

Тиман вонзил шприц под кожу.

Провокатор судорожно взмахнул руками, застонал и рухнул на пол. Смерть была мгновенной.

А по всему Бухенвальду снова гремели репродукторы:

— Больница, слушай! Больница, слушай! Доставить Кушнир-Кушнарёва к воротам в любом состоянии!

Главный врач Бухенвальда нервно нажал кнопку звонка. Вбежал дежурный санитар.

— Гельмута Тимана ко мне. Немедленно!

В конце концов пусть Кушнир-Кушнарёв подыхает. Но в данный момент, черт возьми, гестапо нужно успокоить.

Без стука вошел Тиман. Говен нервно барабанил пальцами по столу:

— Необходимо Кушнир-Кушнарёва на пару часов выбросить к воротам.

Тиман подавил усмешку.

— Кушнир-Кушнарёв мертв, герр майор.

Говен вскочил. Заходил по комнате. Потом схватил трубку телефона. Он звонил самому лагерфюреру Шуберту.

— Макс, это я. Я, Говен... Как мне сообщили, этот несчастный Кушнир-Кушнарев уже мертв. Сдох! Поиимаешь, сдох!

Десятки тысяч узников недоумевали. Приказы сыпались из репродуктора один за другим. Что-то случилось. Что именно — никто не знал. Но заключенные понимали: если эсэсовцы всполошились, нервничают, — значит, случилось нечто такое, чему узники могут радоваться.

Захлебываясь от гнева, рапортфюрер снова орал в микрофон:

— Больница, слушай! Больница, слушай! Немедленно доставить труп Кушнир-Кушнарера в гестапо.

Говен сидел за своим столом, сжав виски ладонями. «Труп царского генерала могут вскрыть. Станет ясна причина смерти. Черт возьми, из-за этого вшивого агента может завариться каша! И больше всех достанется мне... Моя диссертация... Карьера... Имяние...»

Майор Говен, продолжая нервничать, неотрывно следил за движением минутной стрелки настольных часов.

Наконец раздался телефонный звонок. Говен судорожно схватил трубку и услышал хриловатый голос начальника крематория:

— Герр майор, докладывает старший фельдфебель Гельбиг. Ваш приказ выполнен!

Майор СС Говен поднимается со стула. В кабинете раздаётся его громкий смех.

— Ха-ха-ха! Гестаповцы опоздали!..

Через минуту он любезно разговаривает с начальником гестапо:

— Слушай, Губерт, дружище, ты немного опоздал. Кушнир-Кушнарера нет. Эти остолопы из крематория уже сожгли его. Надо было раньше. Сожжен — и ничего не поделаешь.

На этот раз майор СС Говен говорил правду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глубокой мартовской ночью взвыли сирены, захлопали выстрелы. Сонных узников палками поднимали с жестких постелей и гнали на аппель-плац. Андрей вместе с другими, поживаясь от холода, спешил на центральную площадь.

— Сами не спят, гады, и другим не дают...

Заключенные быстро заполняли площадь. Шли молча. Многие чертыхались, скрывая радость: ночная тревога — это побег!

Кто-то вырвался из клетки концлагеря! Счастливого пути, неизвестный товарищ!

Дежурный эсэсовец брызжет слюной в микрофон, и его голос разносится по Бухенвальду:

— ...Администрация лагеря примет все меры к тому, чтоб навести порядок. Тот, кто не желает подчиняться железному порядку, пойдет в «люфт». Отыне и навсегда устанавливается система заложников. За каждого, кто вздумает бежать, будут отвечать его товарищи. Ибо они, зная о побеге, своевременно не информируют администрацию и, таким образом, являются косвенными соучастниками совершения побега. И если сегодняшние беглецы не будут обнаружены, тогда...

Из длинной речи эсэсовца стало известно, что совершена групповая побег. Бежали пятнадцать человек. Они сделали подкоп. Среди беглецов — Иван Пархоменко. Бурзенко узнал об этом, услышав хорошо поминившийся ему номер.

У Андрея захватило дыхание. Как бы он хотел быть в числе бежавших!

Пошел мелкий дождь. Холодные капли падают на разгоряченные головы, стекают струйками за спину. Одежда постепенно намокает. Узники жмутся плотнее друг к другу, пытаясь согреться.

— Теперь настомся.

Время идет медленно. Блокфюреры зверствуют. Они мечутся, наводят равнение ударами палок. А до рассвета еще далеко.

Наступает хмурое утро. Мелко моросит дождь. Узники промокли до костей. Одежду хоть выжимай. И долго ли еще будет длиться эта пытка?

Так прошел день. К вечеру загрели барабаны, слышались отрывистые команды. В распахнутые ворота въехала крытая грузовая автомашинка. В кузове толпились автоматчики.

Беглецы пойманы!

Андрей похолодел. Он приподнимается на цыпочки и поверх голов товарищей видит, как мордастые эсэсовцы сбрасывают трупы на землю. Десятки тысяч узников

притихли. Только гремят барабаны, да в микрофон визжит самодовольный фашист:

— ...Такая участь ожидает каждого, кто осмелится высунуть свой нос за пределы лагеря. Великая, могучая Германия, самая гуманная и справедливая страна, может стать жестокой для тех, кто выступает против ее справедливых законов...

Надрывно гремят барабаны. Раздается команда Максима Шуберта. Кричат блокфюреры. Взмахивают палками надсмотрщики. Для устрашения и в назидание заключенных побарачно, команду за командой, прогоняют мимо растерзанных беглецов: смотрите и трепещите!

Первыми идут французы. Поровнявшись с теми, кто отважился попытать счастья и вырваться на свободу, они как по команде вскидывают руку. Они отдают воинскую честь героям.

Злоба перекосила лицо рапортфюрера. Эсэсовцы и надсмотрщики, взмахнув палками и плетками, бросились в гущу колонны. Палачам не понять, что они не могут сломить дух солидарности, силу дружбы людей, ненавидящих фашизм.

Узники, колонна за колонной, проходят перед изуродованными трупами смельчаков. Идут тихо, в скорбном молчании. Прощайте, дороге товарищи! Придет время — мы за все отомстим...

Андрей вместе со своими друзьями всматривается в погибших. Их лица изуродованы до неузнаваемости.

Андрей замедляет шаг, ищет взглядом Ивана Пархоменко. Но его почему-то нет. Не может быть. Он вспоминает, что у Ивана была половинка уха. Андрей еще раз внимательно просматривает убитых. Ивана среди них нет! Он жив! Он ушел!

— А это — это другие... Их вместо тех...

Весь день только и говорили о групповом побеге. По заданию подпольного интернационального антифашистского центра активисты вели разъяснительную работу среди заключенных. Они разоблачали «хитрость» эсэсовцев. Концлагерь походил на встревоженный улей.

Удачный побег Ивана Пархоменко и его группы всколыхнул душу боксера. Андрей целыми ночами напролет лежал с закрытыми глазами и думал, думал. Бежать. Бежать этой весной. Во что бы то ни стало!

Бурзенко чувствовал себя обиженным. Как же так? Иван Пархоменко, близкий человек, который был добрым наставником Андрея, не только не предложил ему участвовать в побеге, но даже не сказал о том, что побег готовится. Не пришел и проститься. Подпольный центр, конечно, знал о побеге, руководил им. Это факт. А Андрею никто из подпольного центра не намекнул на это. О нем забыли. Конечно, забыли! Но кто он такой, чтоб о нем заботились? Командир? Нет. Политработник? Он простой солдат, рядовой Советской Армии, комсомолец. И все. А сколько таких, как он? Тысячи. Десятки тысяч. И каждый рвется на свободу. А разве всех в побег снарядишь? Нет, чтобы освободить всех, другое требуется. Массовые выступления, чтоб всем сразу. Восстание!

При этой мысли Андрей оживился. Восстание! Вот тогда бы досталось и эсэсовцам и зеленым. Боксер мысленно представил себя в первых рядах штурмующих. Горят эсэсовские склады, дым окутал административный городок. В проволоке проделаны проходы. Везде бой. Он, с группой товарищей, захватывает главные ворота, влезает на башню, срывает немецкий флаг и на его место прикрепляет красное знамя. Бухенвальд свободен!..

На этом радужная картина, нарисованная воображением, обрывалась. Восстание? А где оружие? С пустыми руками на пулеметные вышки не полезешь. Нужна военная организация. Чтобы, как в армии, — батальоны, роты, взводы. У каждого свое задание. Тогда бы иное дело...

Сколько бы Андрей ни думал, он приходил к одному решению: надо самому начинать готовиться к побегу.

И Андрей решил поговорить с Батыром.

Каримов, внимательно выслушав исповедь Андрея, спросил:

— А как же бокс?

— Никак, — разозлился Андрей. — И выступать больше не буду! Я хочу настоящей борьбы. Понимаешь, настоящей!

— А бокс что — не настоящая? — в прищуренных глазах Каримова прыгали насмешливые искорки.

Андрей промолчал и сердито посмотрел на ферганца.

— Слушай, земляк, — Каримов начал говорить по-узбекски. — У нас в Фергане есть пословица: «Дурная мысль хуже змеи — она укусит даже сидящего на верблюде». Не надо горячиться. Надо серьезно подумать.

О твоём желании совершить побег я доложу центру. Если сочтут нужным и возможным...

— А если не сочтут?

— Молодой, горячий, — укоризненно сказал Батыр. — А знаешь ли ты, шайтан, что ради тебя десятки людей рискуют своими жизнями?

— Ну уж, рискуют! — недоверчиво сказал Андрей.

— Да, рискуют. Рискуют, по указанию центра, чтоб тебе достать лишнюю пайку хлеба, чашку похлебки, кусочек мармеладу. Они сами не едят, тебе отдают. Рискуют наши товарищи, которые сидят в канцелярии, оберегая твою личную карточку. А то бы ты давно уже зашагал к третьему окошку и вылетел в трубу, в «люфт». Ты у францев на примете. Рисковали и те, кто помогли тебе выбраться из команды штрафников, держали в госпитале, устранили на легкую работу. Ты думаешь, что это все так, за твои красивые глаза?

Андрей опустил голову.

— И теперь, когда на тебя возлагается большая надежда, ты хочешь бежать. Так не годится, друг. Бежать легче, чем бороться. Ты пока здесь нужен. Даже не представляешь, как нужен! Это не просто бокс. Это... — Каримов сделал паузу. — В общем, когда-нибудь сам узнаешь.

Андрея не удовлетворил этот разговор. Конечно, в словах Каримова была правда. Бурзенко во всем с ним согласен. Даже как-то на душе стало приятно, с ним говорили, как в армии: строго, требовательно, серьезно. Вместе с тем в словах ферганца Андрей ясно видел какую-то недосказанность.

И Андрей, оставаясь при своем мнении, решил еще поговорить с Иваном Ивановичем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Степану Бакланову спать не хочется. Он выглядывает в окно: рассвет почти на носу, солнце вот-вот выкатит. Проклятое оружейное масло хуже дегтя. Степан сладко потягивается и снова сует руки под струю воды. Чернота, оставленная на пальцах и ладони промасленными частями пистолетов, отмывается с трудом. Вода холодна, и мыло почти не мылится — скользит в руках.

На душе радостно. Еще бы! Пять новеньких «вальтеров» прибавятся в потайном складе. Их только надо испытать.

У каждого пистолета, у каждой даже самой маленькой их части — геронческая биография, трудная судьба, путь, полный драматизма. Сколько отваги и изобретательности проявляют подпольщики, антифашисты разных стран, чтобы под носом у эсэсовцев, в цехах военного завода «Густлов-Верке», расположенного рядом с Бухенвальдом, рискуя своей жизнью, сделать лишние детали пистолетов, лежащих сейчас перед Степаном. Охранники и надсмотрщики зорко следят за каждым шагом заключенных, мастера ведут строгий учет каждому кусочку металла, каждой изготовленной части.

Уполномоченный центра Леонид Орлов стал фюрарбайтером в пистолетном сборочном цехе, «правой рукой» известного нацистского оружейника Вицмана, того самого, который изготовлял именные пистолеты Гитлеру, Гиммлеру, Геббельсу и Кальтенбруннеру. Товарищи предупреждали Орлова: смотри, будь осторожен, такого мастера не проведешь! Но советский патриот, будучи прекрасным специалистом, сумел завоевать доверие Вицмана и за его спиной развернул подрывную работу.

Орлов поставлял самую основную деталь пистолетов: корпуса.

Но добыть детали оружия проще, чем пронести их в лагерь. Узников, возвращающихся после работы на заводе в Бухенвальд, сопровождает конвой. В главных воротах эсэсовцы прощупывают зоркими глазами рабочие команды. Малейшее подозрение — и обыск. Обыскивают и без подозрения, выбрав заключенных наугад из каждой команды. Иногда подвергают тщательному обыску и всю команду заключенных. В этих случаях подпольщику с оружием — смерть. Даже маленького безобидного вниктика достаточно для отправки в «хитрый домик».

И все же храбрецы проносят оружие. Уполномоченный центра по внешним командам офицер Николай Сахаров, которого подпольщики в шутку называли миннстром иностранных дел, подобрал группу отчаянных храбрецов. И опять пригодились познания бывшего сотрудника уголовного розыска Александра Позева. Части

пистолетов прятали в деревянных подошвах, в рукавах курток и других местах одежды. Рискую жизнью, подпольщики доставляли в Бухенвальд оружие.

Ночами в умывальных и уборных, на чердаках и в подвалах из принесенных частей собирали пистолеты, винтовочные обрезы и гранаты. Но будет ли это оружие стрелять? Сборка происходила при свете континки, без надлежащих инструментов. Кроме того, отдельные детали порой не соответствовали марке оружия, и их приходилось подгонять вручную. Такое оружие требовало тщательной проверки, испытания боевых качеств. Но как это сделать в концлагере?

Подпольный интернациональный центр решил считать достаточным, если оружие подает патроны и подающие механизмы работают слаженно. Степан Бакланов не мог согласиться с таким решением. А вдруг в решающую минуту оружие откажет или, что еще хуже, взорвется в руках? Нет, с этим он никак не мог примириться. И Степан нашел место для испытания. Это была запасная канализационная труба, проходившая в центре лагеря. Ее люк находился за Малым лагерем возле небольшого сарайчика рядом с мусорным ящиком. Но неподалеку от люка находилась сторожевая вышка. С наступлением темноты каждый клочок земли освещался мощными прожекторами. После нескольких неудачных попыток Бакланов понял, что ночью к люку не обратиться.

И тогда он предложил сделать это днем. На него посмотрели, как на сумасшедшего. Но, выслушав доводы Бакланова, подполковник Смирнов оценил правильность отчаянного замысла.

Оставалось выбрать день и час.

— В воскресенье, — предложил Левшенков, — когда за Малым лагерем на поляне идут боксерские состязания. Тогда и людей там много, и шуму больше чем достаточно.

И вот сегодня после обеда Бакланов должен провести испытания. Успешно ли они пройдут? Удастся ли незаметно опуститься в люк? Как далеко будет слышен звук выстрела? Все эти вопросы волновали Степана. Он уже давно вымыл руки и лежит в блоке на своем месте, накрывшись одеялом. Но разве заснешь, когда сердце тревожно колотится, а мысли одна за другой проносятся

в мозг? Степан отвернулся к стенке и натянул одеяло на голову.

В то самое время, когда Бакланов ворочался с боку на бок, пытаясь уснуть, в седьмом блоке встретились подполковник Смирнов и Николай Кюнг. Они обсуждали важный вопрос: как организовать охрану Бакланова и обеспечить безопасность испытаний.

— Все будет сделано, товарищ подполковник,— в голосе Кюнга звучали твердость и решительность.

— Я надеюсь на тебя, Николай,— Смирнов пожал ему руку,— а то у Степана горячности много. Видимо, в детстве был сорви-головой. Отчаянный и рискованный!

Но Степан Баклаиов в детстве не был ни отчаянным, ни сорви-головой. У сына курского крестьянина было тяжелое, трудовое детство. Он вырос в селе Каплино, что в пяти километрах от города Старый Оскол. Село насчитывало более семисот дворов. Но расположено оно на берегу реки, которая своими старицами, превратившимися в заводи и затоны, разделила село на небольшие островки, на капли. Отсюда и пошло название — Каплино.

Осенью 1928 года сверстники Степана пошли в школу. Очень хотелось учиться и ему, Степану. Но его не пустили родители: надо малолетних ияичить.

В один из дней сверстники, соседские ребята, направляясь в школу, позвали и Степана.

— Степ, айда с нами в класс. А потом вместе домой пойдем.

На вопрос учительницы, что это за мальчик, ребята ответили шуткой:

— Аиисья Ивановна, это новый ученик!

Степан сидел весь съежившись: сейчас его выгонят. Но учительница не выгнала. Она расспросила его, чей он, как зовут, потом погладила ласково по голове:

— Так тебе очень хочется учиться?

— Очень-причень,— вздохнул Степан.

— Ну, ладно,— ответила учительница,— приходи и завтра.— Посмотрим, что из тебя выйдет.

С какой радостью летел Баклаиов домой! Ему хотелось прыгать и кричать всем встречным: «Смотрите на меня, какой большой я! Я уже школьник!»

Дома это известие встретили весьма сдержанно.

— А кто будет за меньшими глядеть? — мать осуждающе смотрела на сияющего сына.

Отец оказался более покладистым. Он сделал заключение:

— Походи до морозов.

Но месяца через полтора учительница встретила с отцом по пути в город и сказала:

— Сын-то ваш один из лучших в классе. Ему обязательно учиться надо!

Отец, видимо, был польщен такой характеристикой и дал согласие оставить сына в школе. Так Степаи Бакланов был «утвержден» в учениках.

Учился Степаи прилежно, с большой охотой.

Школа имела хороший земельный участок, фруктовый сад, огород. Все работы на пришкольном участке выполнялись самими учащимися. С каким детским задором и старательностью стремился каждый ученик обработать отведенную ему грядку, прополоть свой участок капусты, полить рассаду! А с какой любовью и вниманием знакомились в школьном саду с правилами посадки фруктовых деревьев, методами прививок, обработкой почвы. При школе имелась и своя столярная мастерская. В зимнее время ученики пилили, строгали, клеили, сбивали...

И, конечно же, был свой спортивный городок (школьники построили его сами): кольца и подвесьной канат, лестница и турник, футбольное поле и ямы для прыжков, секторы для метания и волейбольная площадка. Пусть спортгородок не имел должного оборудования и многие спортивные снаряды были сделаны самими ребятами, но зато какие жаркие состязания разгорались на этих самодельных турниках и футбольном поле! Степаи Бакланов был одним из вожаков школьных физкультурников. Ни одно состязание не проходило без его участия. Но наибольших успехов он добивался зимой в конькобежных соревнованиях. Уж тут никто не мог с ним соперничать. Степаи утверждал, что и летом он смог бы опережать сверстников, особенно в плавании (плавание Бакланов сильно любил), если бы не приходилось ходить на заработки. Дело в том, что каждое лето Бакланов шел работать в чунную мастерскую, в которой плели лапти из веревок. К новому учебному году он зарабатывал себе на книги, учебники, а также на рубаху и штаны.

После успешного окончания семилетки перед пятнадцатилетним подростком встал вопрос: что же делать?

Степан день и ночь мечтал об учебе. Но как сказать об этом отцу? Семья увеличилась еще на два человека. А работал только один отец. Но тот уже уверовал в способности сына и торжественно объявил свое решение:

— Продолжай, Степан, учебу. Выходи в люди!

В ту же осень с радостным волнением переступил Степан Бакланов порог Педагогического училища. Знания давались легко. Более всего полюбилось ему изучение истории и немецкого языка. «Все на лету хватает», — говорили о нем учителя.

Три года учебы пролетели, как три недели, и вот весной 1938 года Степан Михайлович Бакланов возвращается домой, становится учителем в семилетней школе. Перед ним открывалась большая дорога. Но война сорвала все планы.

Фронт. Бои. Ранение. Плен...

* * *

После полудня, когда для узников наступили часы свободного времени, к Бакланову пришел Николай Кюнг.

— Там уже начинают бокс. Пора.

Через несколько минут они уже выходили из блока с ведрами, наполненными мусором. На дне ведра, которое нес Бакланов, лежали пистолеты и патроны, аккуратно завернутые в промасленную бумагу. На углу блока к Бакланову и Кюнгу присоединились еще три подпольщика из отдела безопасности. Они также несли на свалку мусор. Вместе с ними шел и чешский коммунист Ян Геш, начальник огородной команды.

Ян Геш с повязкой на рукаве и увесистой палкой надсмотрщика сразу же приступил к исполнению своей роли.

— Пошевеливайся, свиньи! Шнель! Шнель!

Понукаемые им подпольщики благополучно прошли через лагерь к отдаленной поляне и приблизились к канализационному люку.

В двадцати метрах отсюда со сторожевой вышки эс-совцы, словно с балкона цирка, смотрят на боксерский поединок. Им хорошо видно все: и ринг, и столпившиеся вокруг него тысячи заключенных. Солдаты «переживают» ход матча. Они, так же как многочисленные зрители,

плотно обступившие ринг, бурно реагируют на перипетии напряженного поединка.

Один из эсэсовцев, высунувшись вперед, сложил кулак ладони и кричит:

— Дай русской свишь!

Над поляной стоит сплошной гул голосов. Он то затихает, то снова взрывается и перекачивается волнами, словно по мостовой катят десяток пустых бочек.

Подпольщики занимают выгодное положение. Они неторопливо выбрасывают мусор и старательно гремят ведрами. Ян Геш размахивает палкой:

— Шнель, собаки! Торопись!

А Кюнг тем временем за сарайчиком поднимает крышку люка. Баклаиов, схватив свое ведро, прыгает в отверстие. «Отчаянная голова! — у Кюнга перехватило дыхание. — Прыгает, даже не посмотрев в яму! А вдруг там колья поставлены?»

Крышка захлопнулась. Густой мрак окутал Степаиа. Ощупью иашел он ход в канализацию. Нагнув голову и протянув перед собой руки, торопливо направился вперед. Метров через пятнадцать должен быть поворот на лево. Немецким товарищам удалось раздобыть копию плана канализационной сети. Степаи тщательно изучил ее. Так и есть — поворот. Свернув за угол, он останавливается. Ощупью достает два пистолета. Кругом сплошной мрак. Тишина. Только издали доносится плеск сточных вод.

Баклаиов заряжает пистолеты и взводит курки. Они гулко щелкают. Сердце учащенно бьется. В голову закрадывается тревожная мысль: вдруг канализация контролируется?

Степаи поднимает руку и нажимает спусковой крючок. Выстрел звучит, как удар грома. Яркая вспышка на мгновение выхватывает из мрака уходящую вдаль квадратную трубу. Степаи даже замечает, что она сложена из массивных каменных плит. Гром выстрела, повторяясь многократным эхом, затихает где-то в темноте.

Баклаиов на ощупь проверяет пистолет: перезаряжен. Значит, все в порядке. Подающий механизм работает отлично.

В ушах стоит непонятный подземный гул. На душе радостно и тревожно. Степаи вслушивается. Как там, наверху? В случае опасности Кюнг подаст условный сигнал:

хлопнет крышкой люка. Кажется, все благополучно. По-прежнему вдали плещется вода.

Смельчак вновь поднимает руку. И опять вспыхивает молния, раздаются удары грома.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

На вечерней проверке дежурный рапортфюрер приказал через микрофон:

— Лагерь, слушай. Завтра всем азнатам остаться в блоках и на работу не выходить!

Андрей насторожился: «Что это значит? Какую новую пакость придумали гитлеровцы?» Еще вчера Альфред Бунцоль сообщил ему, что товарищи из канцелярии видали какого-то незнакомца в восточной одежде, приехавшего в лагерь на автомашине самого коменданта.

— Такие гости зря не приезжают,— сказал Альфред.

Эти слова оправдались. Утром всем узбекам, туркменам, татарам, киргизам дали отдельный завтрак. Впервые их накормили мучным супом, добавляя в каждую миску ложку постного масла, выдали по лишней пайке хлеба и, вместо суррогатного кофе, заварили настоящий чай. Узники, не понимая, чего от них хотят, настороженно переглядывались. Но скоро все выяснилось.

Когда после завтрака заключенных построили на плацу, к ним в сопровождении коменданта Пистера явилась делегация. Ее возглавлял загорелый белобородый мусульманин в полосатом шелковом халате ферганского покроя, подпоясанный расшитым платком — белбаком. Голову мусульманина украшала большая белоснежная чалма.

Батыр Каримов, догадавшись, в чем дело, усмехнулся и сказал по-узбекски:

— Настоящий муэдзин. Такие в Узбекистане давно вывелись.

— Слово из музея,— добавил какой-то молодой казах.

Мусульманин неторопливо вышел на середину плаца и ласково поглядел на узников.

— Селям-aleyкум, джигиты,— сказал он по-узбекски и, воздев руки к небу, пропел гортанным голосом стихи Корана. Покачивая бородой, он стал покровительственно

журнь заключенных за то, что они нарушили шариат и пошли за неверными, за отступниками, и этот неправильный путь привел их в страшный лагерь грешников. Люди истосковались по родной речи. Кое-кто жадно вслушивался в слова благочестивого мусульманина. А может быть, он прав?

— Но ваше положение не безнадежное,— продолжал мусульманин.— Аллах свидетель, я принес вам избавление. Есть у вас выход! Есть светлая дорога, указанная самим всевышним. Есть возможность каждому исправить ошибку молодости и с честью, как подобает истинному мусульманину, вернуться на землю отцов и дедов. Джигиты, клянусь минаретами Бухары, мавзолеями Самарканда и святыми камнями Шахимардана, по которым ступали копыта крылатого коня Аллаха, вы заслужили прощения. Ваш тяжкий грех вполне искупился слезами ваших родителей и жен. Джигиты, обратите взгляды в сторону солнечного восхода. Там, за горами и лесами, ваша родная земля. Вспомните своих отцов и братьев, жен и сестер, вспомните своих детей! Они ежедневно, с надеждой в сердце и со слезами на глазах, взирают на багряное зарево заката, мысленно переносятся в страну Запада. Они молятся Аллаху и просят его быть милостивым к вам и сохранить ваши жизни. И Аллах, могучий и всевидящий, синзошел к их мольбам, даровал вам жизни. И не только даровал жизни, а еще и шлет вам, греховникам, вседобрейшее прощение. Вознесите всевышнему, покровителю и вершителю судеб наших, должную славу.— Мусульманин, подняв глаза к небу, провел пухлыми ладонями по лицу и бороде.

— Омии! — ответили заключенные, проводя ладонями по изможденным лицам.

После мимолетного молчания мусульманин продолжал:

— О, правоверные! Все мусульмане земли, правоверные Востока и Запада, Юга и Севера встали под святое зеленое знамя Ислама и объявили «газо» — священную войну лживым большевикам. Мы создали свою армию. Она называется «Туркестанский легион». Все мусульмане из других лагерей, с благосклонного разрешения великого фюрера, уже вступили в этот легион. Я привез и вам всепрощение и высочайшее разрешение на свободу. Не теряйте времени, правоверные! Записывайтесь в «Туркестанский легион»! Святая земля предков ждет от вас му-

жества и храбрости! Ваши отцы и матери, братья и сестры, жены и дети с надеждой смотрят на вас и простирают к вам свои руки. Они ждут вас, освободителей! Они верят, что вы, встав под святое знамя Ислама, принесете им избавление от красной заразы коммунизма. Аллах смотрит на вас, джигиты!

Мусульманин умолк. Люди в полосатой одежде, стоявшие по команде смирно, сурово смотрели на него. Тогда мусульманин начал говорить опять. Свою речь он произнес на казахском, киргизском, таджикском и туркменском языках. Он призывал своих братьев по вере вступать в «Туркестанский легион» и воевать на стороне немцев против Советов.

— Армия Великой Германии наступает на всем фронте. Войска фюрера разгромили главные силы Советов. В войну вступают Турция и Иран. Они уже заняли Ашхабад, Карши, Термез, Мары и ведут бои на подступах к священной Бухаре. Эмир бухарский шлет своим джигитам прощение и зовет в бой за единую и великую веру. Джигиты, вступайте под священное знамя Ислама!

Худые лица узников мрачнели все больше и больше.

Выступил и немецкий офицер. Его речь переводил другой мусульманин в чалме. Офицер обещал большие привилегии за верную службу Гитлеру и предложил записываться в легион.

— Братья правоверные. Мы вас не насилуем,— добавил мусульманин,— нет, нет. Мы предлагаем вступить в «Туркестанский легион» добровольно. Подумайте, мусульмане, посоветуйтесь. Завтра мы придем.

Делегация удалилась.

Каримов злобно смотрел вслед важающему мусульманину и глаза его сверкали гневом. «Хитро придумали гады!» — думал он.

После ухода делегации узников распустили. Комендант «подарил» им выходной день. Разбившись на группы, они обсуждали случившееся.

В стороне собралась группа узбеков. Каримов направился к ней. В центре ее стоял незнакомый заключенный, по-видимому из вновь прибывших: он был не особенно истощен.

— Слышали? Турция и Иран объединили свои силы и объявили войну России,— торопливо говорил он по-узбек-

ски. — Их армии захватили Ашхабад, Кушку, Термез. Ведут бои почти у самой Бухары. Большевики бегут. Советы распались. Дехкане делят колхозные земли. Слава Аллаху, там начинается настоящая жизнь!

Узники недоверчиво молчали. Каждый вспоминал дорогие места, родных и знакомых. Кто-то сочувственно поддакнул.

Каримов придвинулся ближе. Не скрывая негодования, он прямо глядел в лицо «новичку».

Тот вытащил из кармана листовку.

— Вот, братья, смотрите и читайте, что наш поэт пишет.

Листовка пошла по рукам. Каримов взглянул на фотографию и обомлел. С листка смотрело знакомое лицо. Прищуренный взгляд, чуть раскосый разрез глаз, широкие скулы. Бурон? Не может быть... Батыр не поверил своим глазам. Известный узбекский советский поэт Бурон, бывший друг Гафура Гуляма, чьи стихи читались запоем и учились наизусть, был сфотографирован в немецкой офицерской форме!

— Бурон тоже перешел к немцам, — незнакомец, полуприкрыв глаза, нараспев стал читать стихи Буруна, воспевающие гитлеровскую армию.

В Узбекистане, во всей Средней Азии поэт Бурон пользовался большой популярностью. Его любили и молодые и старые.

— Не может быть, что это Бурон, — сказал пожилой узбек и покачал головой, — не может быть.

— А фотография? — всполошился незнакомец.

— Фотографию можно сделать любую, — ответил узбек. — Я знаю, у меня сын фотограф.

— Врешь про Буруна! Он погнб, — расталкивая узников, к «новичку» пробирался седой, но еще сильный и мускулистый узбек. — Врешь, мерзавец. Я с фронта приезжал в Ташкент после ранения. Тогда газеты много про Буруна писали, целые полосы. Стихи его печатали и статьи о героической смерти. На фронте он погнб.

— И я читал про смерть Буруна, — поддержал ташкентца Каримов.

— Я тоже. И я! — раздался голоса.

Подпольная организация срочно принимала меры. Каримов и другие товарищи, рискуя быть схваченными, вели разъяснительную работу.

— Друзья, Карши не взяты, Термез стоит на месте. И ни Турция, ни Иран войны не объявили. Это все вранье.

— По всему видно, что у немцев дела на фронте плохие,— говорил Каримов землякам.— Иначе они бы стали создавать «Туркестанский легион». Но мы-то не дураки! Нас не проведешь...

Заклученные утвердительно кивали головами.

— Да, видимо, у немцев плохие дела. Орел никогда не был другом шакала.

Ночью, передавая Каримову сообщения информбюро и последние известия, Андрей посоветовал другу:

— Будь осторожен...

Каримов молча пожал боксеру руку. Мог ли думать Андрей, что видит Каримова в последний раз?

Утром, после завтрака, делегация явилась снова. Плеиных построили. С короткой речью выступил комендант лагеря полковник Пистер. Потом мусульманин в чалме пропел молитву.

— Омин! — закончил он и провел ладонями по лицу и бороде.

— Омин! — нестройно повторили заключенные.

Немецкий офицер поднял руку:

— Прошу желающих вступить в «Туркестанский легион» подойти к столу.

Заклученные молчали. Желających вступить под зеленое «знамя пророка» не оказалось. Офицер снова повторил призыв.

Но вот, расталкивая плечом людей, из рядов вышел первый доброволец. За ним еще четверо. Заклученные зашептались: неужели нашлись предатели? Каримов, взглянув на добровольцев, спрятал усмешку: все — чужие. Подосланные. Среди них и тот негодай, который вчера распространял фальшивку о Бурое.

Пятеро быстро подходят к столу, по очереди берут лист бумаги с текстом присяги на верность Гитлеру, громко читают текст и, поставив подпись, выстраиваются возле мусульманина.

— Следующий? — говорит немецкий офицер. — Кто следующий?

Колонна молчит. Проходит минута, вторая. Офицер нервничает. Он начинает вызывать заключенных по списку. Первым к столу вызван пожилой таджик. Ему про-

читали текст «присяги» и сунули в руку автоматическую ручку:

— Поставьте подпись. Вот сюда.

Таджик вздохнул, посмотрел в упор на офицера и сказал:

— Извините, сынок, я неграмотный..

Мусульманнин насупил брови, но тут же взял себя в руки. С добродушной улыбкой он прошелся вдоль молчаливого строя и остановился около Каримова:

— Эй, джигит, зеленое знамя пророка зовет тебя! Покажи пример этим воронам!

Каримов молчал, словно обращаются не к нему. Тогда подошел узбек в форме немецкого обер-лейтенанта. Он ткнул пальцем в грудь Каримова:

— Ты, земляк, прояви смелость!

Каримов презрительным взглядом смерил с ног до головы изменника и, наконец, громко и отчетливо произнес:

— Я вступать в легион не буду!

— Что-о?! Большевистская гадина!

Широко размахнувшись, предатель ударил ферганца в лицо. Из носа Каримова к подбородку поползла красная змейка. Немецкий офицер повернулся к солдатам и коротко бросил:

— Взяты!

Батыра окружили автоматчики и повели к крематорию. А узбек в форме обер-лейтенанта обратился к другому пленнику:

— Ты, надеюсь, более разумен?

— Я вступать в легион не буду,— последовал смелый ответ.

— А ты? — заорал изменник на следующего заключенного.

— Я вступать в легион не буду!

Офицер растерялся. Он посмотрел на коменданта, но тот, насмешливо улыбаясь, пошел с площади.

Затея немцев с позором провалилась. Пять провокаторов, втянув в плечи головы, словно побитые собаки, торопливо побежали за своими хозяевами. Узбеки, таджики, киргизы, казахи, туркмены отвергли гнусное предложение.

Но радость победы над врагом была не долгой.

Едва делегация «Туркестанского легиона» удалась, как к заключенным рванулись взбешенные эсэсовцы.

Ударами прикладов и дубинок они вымещали на беззащитных людях свою злобу. Избитых военнопленных погнали к двору крематория. Вскоре оттуда послышались автоматные и пулеметные очереди...

Всю ночь Андрей не смыкал глаз. За окном барака дымил черная труба крематория. Над нею колыхался венчик багрового пламени, озаряя все вокруг красноватым светом... Вчера там сжигали незнакомых, сегодня там горит его друг ферганец.

Андрей думал о гибели своего друга, и ему становилось жутко. Зловещий дым крематория, казалось, обволакивал весь мир. Кончится ли когда-нибудь этот кошмар? Свобода вдруг представилась Андрею призраком, несбыточной мечтой, а его собственная жизнь ничтожной. И невыносимая тоска охватила боксера. Кому он нужен, кроме самого себя? И эта возня с боксом... Какая от нее польза? И стоит ли дальше жить, чтобы мучиться. Не покончить ли со всем этим, как некоторые? Один шаг — и ты на проволоке...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Предрассветные сумерки. Ревут динамики: дежурный эсэсовец сигналил подъем. Барак наполняется шумом. Просыпаются узники, звучат приказы фюрарбайтеров и капо. Стучат деревянные колодки. Андрей безучастно наблюдает за товарщиками по неволе. У него тяжелая голова и непослушное, уставшее тело. Опять одевать вечно сырые деревянные колодки? Опять натягивать на себя грязную полосатую одежду? При одном воспоминании боксер морщится. Будь что будет...

Впервые за годы неволи Бурзеико не поднялся вместе с другими, не побежал, ежась от холода, в умывальню, не встал в очередь за кружкой эрзац-кофе и крошечной пайкой суррогатного хлеба... Будь что будет... Безразличие овладело им.

Друзья встревожились. Позвали старосту блока. Но Андрей прогнал и Бунцоля, незаслуженно обругав его.

А когда колонны заключенных ушли на работы, в блок явился лагершютце чех Владислав.

— Сорок тысяч девятьсот двадцать второй!

Андрей даже не пошевелился.

— Сорок тысяч девятьсот двадцать второй, встать! — заорал полицейский.

Бурзенко нехотя слез с иар.

— Сорок тысяч девятьсот двадцать второй вызывается в канцелярию.

Андрей обул деревянные башмаки и, чертыхаясь, поплелся к выходу. Ему было все равно, куда и зачем его ведут.

По дороге в канцелярию навстречу попался Трумпф. Уголовник злорадно усмешился:

— Попался боксмайстер! Сейчас получишь отбивные по ребрам, красная гадина!

Андрей хотел остановиться, но полицейский грубо толкнул его в спину:

— Топай, быдло! Топай!

Но в канцелярию они не пошли. Перед выходом на площадь завернули в седьмой блок. Там Андрея встретили и провели в умывальню. Едва он переступил порог, дверь захлопнулась, щелкнул замок.

— Проходи, проходи, — слышался голос Ивана Ивановича, — подсаживайся к нам.

В умывальне находились незнакомые заключенные. Лишь одного Андрей знал — то был Валентин Логунов, который возглавлял группу по борьбе с зелеными. Он протянул Андрею руку. Молча обменялись рукопожатием.

— Продолжаю, товарищи командиры. — Иван Иванович говорил вполголоса. — В каждом взводе нужно систематически заниматься изучением Устава и материальной части оружия.

Уж не ослышался ли Андрей? «Товарищи командиры!» Вот это да! От этих слов захватывало дух... «В каждом взводе». Если есть взводы, — значит, имеются и роты, батальоны! Вот тебе и Бухенвальд!

Подполковник Смирнов продолжал:

— Доведите до сведения каждого бойца его задачу. Пусть люди знают, что они должны будут делать в решающий момент. Пусть каждый готовится к этому часу.

Андрей слушал как завороченный. Он жадно ловил такие знакомые солдату слова, почти забытые в плену. Как много говорили они сердцу!

— А как же с оружием? — спросил один из командиров.

— Часть оружия уже есть.— Иван Иванович полез в карман и вытащил новый немецкий пистолет.— Военный завод у нас рядом, под боком.

Глаза у собравшихся сверкнули радостью. Худые руки нетерпеливо тянулись к пистолету. Дай-ка поддержи!

Люди стосковались по оружию. Небольшой тяжелый предмет, а сколько веры вселяет, какие рождает надежды! Оружие — это уже не разговоры.

Но на этом не исчерпывались сюрпризы. Едва Андрей успел прийти в себя, как был потрясен новым чудом. Иван Иванович деловито достал из кармана и развернул перед собравшимися самодельную карту Бухенвальда. На ней были обозначены и бараки, и крематорий, и эсэсовский городок, и, самое главное, система охраны, пулеметные вышки, посты, блиндажи.

— Когда придет время, ваш батальон в составе бригады будет штурмовать здесь.— Иван Иванович провел указательным пальцем по проволочным ограждениям между больницей и главным входом.— А сейчас каждый из вас обязан детально изучить место будущего боя. Так, чтобы любой камень и кустик были знакомы. Ищите места наиболее удобные для прорыва колючей проволоки, готовьте постепенно людей.

Совещание командиров длилось недолго, но Андрей был готов сидеть здесь целую вечность. Подполковник на прощание каждому крепко пожал руку, сказал несколько теплых слов.

Боксеру он сказал:

— Андрей, остайся, ты мне нужен.

Когда все ушли, Иван Иванович осуждающе посмотрел на Бурзенко:

— Ты что там воду мутнишь?

— А что я, хуже всех? — не удержался Андрей.— Вы вот к бою готовитесь. Оружие, карты... А я? Почему не включаете меня? Не доверяете?..

— Мы надеемся на тебя,— подполковник немного помолчал.— Ты выступаешь на ринге...

— Да что бокс? Ни вы, ни Левшенков, никто из вас не ходит смотреть на бои. Думаете, я не вижу?

— Ничего ты не видишь,— в голосе Ивана Ивановича послышались суровые нотки.— Ничего не знаешь. Это военная тайна. Но я тебе верю и поэтому скажу то, что

не обязан говорить. Так знай, когда идут боксерские состязания, большинство уголовников и всякая другая мразь толпятся возле ринга. Это нам как раз и нужно. Пока идет боксерский поединок, вот эти самые командиры проводят занятия со своими бойцами. Теперь ясно, для чего нужен бокс?

Андрей был поражен. Как же он сам об этом не догадался? Мысли о побеге сразу стали ничтожными... Какой же он дурак!

— Простите меня, Иван Иванович, — Андрей виновато опустил голову.

— То-то, брат! — Иван Иванович проводил его к двери.

— Есть у меня к тебе просьба...

— Просьба?

— Ты в последнее время слишком быстро заканчиваешь бокс. Растягивай время. Нам каждая минута дорога.

— Есть! — Андрей счастливо улыбается и козыряет подполковнику.

• Под вечер в барак из соседнего блока пришел Роман Крипниевич, польский коммунист, которого Андрей не раз встречал у Левшенкова.

— Андрей, ходи на минутку, — позвал Роман. Он был чем-то взволнован. — Надо бить морду. Крепко бить!

— Кому? Что случилось?

Роман рассказал, что у них в блоке появился новый заключенный, бывший каратель. Он откровенно хвастает тем, что вешал русских партизан, жег их дома, насиловал партизанок.

— Когда я сказал ему: «Ты, псы кривые, за это ответишь перед русскими», — он бросился на меня и пытался задушить.

Вместе с Андреем в польский барак пошел летчик Алексей Мищенко, который на нарах занимал место погибшего Каримова, и сибиряк Григорий Екимов.

Каратель — рослый, длиннорукий, с сильно выступающей нижней челюстью, — увидав Романа, оскалился, обнажая редкие крупные зубы:

— Пришел, большевистская холера!

Роман не остался в долгу и ответил на оскорбление.

Негодяй соскочил с яра и двинулся к Роману. Не подозревая, что рядом с ним стоят русские, он начал, ругаясь, грозить, что сейчас расправится с польским коммунистом так же, как расправлялся с русскими партизанами и партизанками.

— Тут тебе не Россия, тут мы хозяева! А тебя, Роман Крипеневиц, холера большевистская, задушу, как котенка!

Андрей преградил путь карателю. Тот зарычал:

— Отступисы!

Рядом с Бурзенко встали Алексей и Григорий.

— Мы — русские партизаны.

Тот от неожиданности оторопел. Потом круто повернулся и бросился к окну.

Добежать он не успел. Его перехватил Алексей Мищенко. Каратель брыкался, кусался, визжал. Ему скрутили руки, выволокли в умывальню и сунули головой в цементную ванну для мытья ног...

Трое русских пленников действовали молча, решительно. Они ни о чем не договаривались. Все вышло как бы само собой. Гнев и ненависть, переполнявшие их души, вырвались наружу. Этот случай сразу сблизил Андрея с новичком летчиком Алексеем Мищенко и сибиряком-коммунистом Григорием Екимовым.

В ту же ночь, лежа на жестком матрасе, Алексей Мищенко показал Андрею самодельную записную книжку:

— Веду учет раздавленным гадам. Ты не знаешь, как звали карателя?

— Нет, не знаю...

— Надо у Романа спросить.

Бурзенко перелистал страницы, исписанные караидашом, прочитал фамилии предателей и вернул книжку владельцу.

— Где же ты их ухлопал?

Мищенко ответил спокойным шепотом:

— Здесь, в Бухеивальде. В карантинном блоке и Малом лагере.

Бурзенко тоже был в Малом лагере, там у него много знакомых.

— Ты в каком блоке жил?

— В пятьдесят шестом, — ответил Мищенко. — А ты?

Они беседовали чуть ли не до рассвета. Мищенко догадывался, что боксер связан с подпольщиками. Летчик

жаждал борьбы. Андрей узнал, что весной прошлого года, в те дни, когда он с Усманом и Ефимом Семеновичем бежали из концлагеря и пробирались на восток, самолет Алексея Мищенко был сбит в неравном бою и загорелся. Мищенко спасся на парашюте. Он приземлился на территории, занятой врагом, в перестрелке был ранен в левую ногу, упал. Попытался подняться, но в это время получил удар прикладом по голове и потерял сознание. Так он попал в плен. Был в концлагерях под Орлом, Смоленском, Лодзем, Ноймарком. В Ноймарке создали подпольную группу, готовили групповой вооруженный побег. Но осуществить его не удалось. Гестаповцы схватили руководителя группы капитана Филиповского и Алексея Мищенко. Истязали ужасно. Голых, окровавленных, волоком тащили перед военнопленными, запугивая их ужасами пыток, чтобы они выдали организатора подполья. Гестаповцы не знали, что руководитель у них в руках. Но как они ни бесились, никто из товарищей по лагерю ничего не сказал. Наконец палачам надоело возиться с пленниками, и их отправили в городскую тюрьму.

— Мы с Филиповским не могли ни сидеть, ни лежать,— продолжал свой рассказ летчик,— ждали расстрела. К вечеру в коридоре тюрьмы послышался топот ног, голоса. Они приближались к нашей камере. Сердце мое ёкнуло. Мы поцеловались, пожали друг другу руки, приготовились к смерти... Вот загремел замок, раскрылась стальная массивная дверь. Из коридора нас с любопытством и страхом рассматривала толпа гражданских и военных. Слышались возгласы: «О! Комиссар! Русский комиссар!» Тюремщик объяснил, что «нас поймали вовремя, опоздай гестапо на день-другой, и мы подняли бы восстание в лагерях всей Померании». И мы поняли, в чем тут дело, что это за экскурсия. Очевидно, следовательно гестапо, решив получить следующий чин или орден, раздул и приукрасил наши «преступления». Стало ясно, что виселицы нам не избежать. Но, как видишь, нас не повесили, а бросили сюда, в Бухенвальд.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Вымыв умывальник, прибрал барак, Андрей направился за кипятком для бака. Он шел и, размахивая пустыми ведрами, насвистывал любимую песню:

Кто весел, — тот смеется,
Кто хочет, — тот добьется,
Кто ищет, — тот всегда найдет.

Эта песня как нельзя лучше отвечала его душевному состоянию. Он хотел и, следовательно, добился своего, он искал и нашел то, к чему стремился... Встречному эсэсовцу от так лихо отковырял снятием шапки, что тот только самодовольно ухмыльнулся.

— Андрей, подожди, — из дверей ревира махал рукой Пельцер. — Ты что не заходишь?

Бурзенко повернул в ревер:

— В гости к старым друзьям всегда со всем удовольствием.

У Пельцера, несмотря на приветливую улыбку, в глазах была грусть. Это заметил Андрей.

— Ты что, старина, печалишься?

— А ты что, не знаешь? Разве радоваться есть время?

— Моя веселость никого не страшит. Я не Смоляк.

— Да нет, я не об этом, — Пельцер посмотрел на Андрея долгим взглядом.

— Умирают только один раз, — не унимается Андрей, — и хуже смерти ничего не бывает.

— Бывает и хуже, — и, немного помолчав, Пельцер спросил: — Ты Костю-моряка давно встречал?

— Костю? Черноморца? Недавно... — Андрей задумался: когда же они в последний раз виделись? — Ну, недели полторы-две тому назад... А что?

— Почему он не показывается? Не случилось беды с ним какой?

— Костя из огня выскочит и в воде не утонет.

— Ты еще юн, молодой человек. Я слышал, к ним в кочегарку фрау Эльза заглядывала. Там, где побывает Эльза, всегда трупы остаются... Хуже гадюки она, чирый ей на всю голову...

Андрей принес кипяток, залил бак. Спрятал ведра. «Странно, почему Пельцер о Косте беспокоится?» Андрей задумался. Когда же, действительно, он в последний раз встречался с Костей? Стал перебирать дни, недели. После памятной ночи, когда они вместе лупили зеленых, черноморец забегал только раза два. А потом? Потом продукты из кухни начал приносить другой товарищ. Испанец Перессо. Андрей спросил у него, где, мол, Костя, но тот ничего вразумительного не ответил. И вот уже продолжи-

тельное время с Костей они не встречаются. Беспокойство Пельцера передалось Андрею. А вдруг и в самом деле с Костей что-либо случилось? Может, ему помощь нужна? А я песенки распеваю.

И Андрей направился к старосте блока. «Если нет каких-либо дел,— решил он,— попрошу поручения на кухню. Надо бы повидаться с моряком».

Альфред Бунцоль сидел у стола, положив голову на ладони. Когда он поднял голову, Андрей увидел в его серых глазах слезы.

— Что с вами? — Андрей подскочил к нему. — Больны?

— Не надо, не надо,— остановил его Альфред. — У меня вот тут болит,— он показал на сердце. — Душа болит...

И вдруг его словно прорвало. Стукнул ладонью по столу:

— Мы это ему не простим! Слышишь, Андрэ, никогда не простим! Сволочи! Выродок! Людоед двадцатого века!

Альфред махал кулаками, ругался, грозил всемирным судом истории. Андрей никогда не видел старосту таким возбужденным и не знал, что делать: стоять или уходить...

Израсходовав весь запас ругательств, Бунцоль сел, потом вскочил и, сжав руками голову, заходил по комнате:

— Какой ужас! Какой позор! Какое глумление над цивилизацией!

— Успокойтесь, не надо... — Андрей попробовал утешить его. — Вы же в концлагере. Здесь нечему удивляться. Ну, что вы от фашистов хотите?

— Все, только не это. Только не этого...

Успокоившись, Альфред рассказал Андрею, что сегодня он встретился с одним старым приятелем. Тот — художник. Попал в Бухенвальд за карикатуры. Они в детстве учились в одной школе. Зовут художника Макс. Макс находится в секретной мастерской патологии.

— Знаете, этот новый домик, выстроенный специально для жены коменданта фрау Эльзы Кох? Она там полная хозяйка. Под ее руководством в домике орудует «доктор» Вагнер. Отвратительная, мерзкая личность. Людоед двадцатого века. Вот к этому палачу и «прикреплен» художник. Бедный Макс! Что от него осталось! Весь седой, руки трясутся... Он долго не вынесет... Вагнер заставляет его художественно оформлять альбомы. Но какие альбо-

мы! У меня волосы встали дыбом, когда Макс показал один из них. Со слезами на глазах художник переворачивал страницы и показывал чудовищные вещи. Представьте себе массивный богатый альбом. В нем собраны не семейные фотографии, не коллекция марок или открыток. Нет, нет... В нем собрана редчайшая коллекция — татуировок! Рисунки на человеческой коже... Эльза Кох лично подбирала их. Она в сопровождении Говена появлялась в рабочих комнатах и заставляла заключенных снять куртки и рубашки. Узники с радостью выполняли ее желание. Они думали, что это милосердие. Но на самом деле гиена в женском облике высматривала красивые татуировки. Она записывала в свою записную книжечку номер узника. А через день узника вызывали по радио к третьему окошку, и он попадал в гестаповскую тюрьму. Оттуда в руки «доктора» Вагнера. И через некоторое время кусок кожи с красивой татуировкой вставляли в страницу альбома...

Там собраны различные рисунки, — Буицоль говорит тихо, — различные татуировки. Каждая страница — загубленная жизнь. Я смотрел, и у меня мурашки по спине бегали. Макс показал страницу, которую только кончил оформлять. На ней кусок кожи. Видимо, с груди моряка. Красивая татуировка. Трехмачтовый бриг иосом разрезает волны.

— Трехмачтовый корабль? — переспросил Андрей.

— Да.

— Паруса надуты ветром?

— Кажется, есть паруса.

— А сверху маленькая звездочка есть? — У Андрея сухо стало в горле.

— Да, есть, — все так же безучастно ответил Буицоль и, вдруг поняв вопросы Андрея, встрепелся: — Андрэ, ты... Ты знал этого человека?

— Знал... — голос Андрея дрогнул. — И вы его знали... Такая наковка была у Кости-моряка...

— Костя-моряк?.. — глаза Альфреда становятся круглыми. — Тот, который был кочегаром на кухне?

— Тот самый...

— О, доннерветер! — простонал староста блока и сжал костистые кулаки.

В гибель Кости Андрею не верилось. Не может быть! Внутренний голос подсказывал, что Костя жив. Ведь ста-

роста мог и ошибиться. И почему именно Костя? Андрей даже удивился сам себе. Действительно, почему он решил, что та татуировка принадлежит именно Косте? Ведь такая наколка могла быть и у другого моряка? Могла. Сам Андрей альбома не видел. А со слов человека, даже такого честного и правдивого, как Бунцоль, но все же со слов, он не имеет права делать такие выводы. «Нечего распускать нюни,— Андрей выругал сам себя.— Надо проверить. Нечего панику разводить. Не может быть, чтоб подпольный центр допустил его гибель».

Но в тот же вечер Левшенков подтвердил, что Костю забрали в гестапо и оттуда направили в «хитрый домик». И никто не мог ему помочь. Чешские друзья, которые работают в канцелярии, несколько раз самоотверженно спасали моряка. Его номер три раза фигурировал в списках заключенных, предназначенных к вызову к третьему окошку. Чехи как бы «невзначай» переставляли личную карточку Кости в другой отсек картотеки. И центр делал все возможное, чтобы спасти моряка. Но судьба Кости была предreshена, им заинтересовалась сама Эльза Кох. Она несколько раз приходила в кочегарку. И по ее личному распоряжению его взяли...

Гибель Кости-моряка, товарища по неволе, друга по борьбе, была такой нелепой, такой чудовищной, что никак не хотелось верить в нее.

— Прощай, братишка!..

Крепкие кулаки боксера сжимались в яростной злобе.

*
*
*

Жизнь Бухенвальда с каждым днем становилась все напряженнее. Победы Советской Армии, ее стремительное движение на запад выводили эсэсовцев из себя. Они пытались палками и убийствами доказать беззащитным узникам, что Германия еще сильна. С особенным ожесточением избивали русских. На них фашисты отводили душу.

«Международное первенство скелетов», так презрительно именовали эсэсовцы состязания боксеров, превратилось в арену острой политической борьбы. Андрей был ненавистен хозяевам Бухенвальда. Уголовникам хотелось свести с ним счеты, но лагерфюрер Густ запретил убивать русского до тех пор, пока тот не будет по-

бежден. Густ понимал, что уничтожить Андрея можно в любую минуту, но нельзя же просто убить общественное мнение?!

Между тем демонстрация превосходства высшей, арийской, расы с треском проваливалась. Уголовники, зеленые, всполошились. Откормленных арийцев-бандитов и других приспешников эсэсовцев побеждал голодный русский солдат. Побеждал честно, убедительно. Победы Андрея были бесспорными: все его противники побывали на земле...

В лагере, чтобы хоть немного умалить значение успеха Бурзенко, распускались слухи, будто он чуть ли не абсолютный чемпион СССР.

Напрасно уголовники выискивали сильных людей, бывших боксеров, кормили их до отвала и усилению тренировали. Никто из них не смог устоять перед ударами советского боксера.

После победы Андрея над сильным польским спортсменом Бойко зеленые выдвинули нового противника. Это был французский профессиональный боксер Жак Дулье. «Чемпион Франции среди профессионалов,— рекламировали его зеленые,— неодиократию участвовал в первенстве мира. Он покажет русскому настоящий кулак!»

Жак был чуть ли не на голову выше Андрея, превосходил работал на дальней дистанции, легко передвигался по рингу и умело сочетал защиту с контратаками. Состязаться с ним оказалось трудно. Осторожный француз все время ускользал от схватки, тщательно избегал сближения и стремился, отвечая быстрыми ударами, набрать очки. Бил он слабо, но часто. Замысел его не отличался оригинальностью. Он просто хотел продержаться на ногах до конца встречи и победить по очкам. «Ну, что ж, пусть пока будет по-твоему»,— решил Андрей, помня просьбу Ивана Ивановича.

В быстро чередующихся атаках и контратаках прошли два раунда. Француз радовал зеленых. Они уже готовились торжествовать. Наконец-то непобедимый русский потерпит поражение!

Но на последних секундах третьего раунда Андрей, проводя ложную атаку и якобы обескураженный сопротивлением Жака, сделал шаг назад. Француз бросился за ним, рассчитывая нанести два двойных прямых удара

и снова отскочить на безопасное место. И в тот момент, когда кулаки противника начали движение вперед, когда уже нельзя было остановить начавшуюся атаку, Андрей неожиданно «нырнул» под руку Жака и сильно ударил его в корпус. В следующую секунду, распрямляясь и не видя головы Жака, Бурзенко наугад ударил в челюсть. Перчатка точно попала в цель. Жак упал. Нокаут.

Так поединок за поединком Андрей нокаутировал бывших профессиональных чемпионов Германии, Австрии и Венгрии, побеждал сильнейших югославских и итальянских боксеров.

Трудно было Андрею растягивать поединки. Внутренний голос подсказывал ему, что этот риск равносителен самоубийству: в конце концов у него может не хватить сил, чтобы в последнем раунде провести решающий удар, бросить противника на землю. Андрей знал, что если он не выиграет бой, зеленые тут же воспользуются этим и учинят над ним расправу.

Когда-то в Ташкенте Бурзенко читал в учебнике бокса, что спортсмен за один раунд расходует столько же мышечной энергии, сколько тратит ее землекоп за восемь часов работы. Энергия целого рабочего дня сгорает за три минуты раунда! Три раунда — три рабочих дня. Колоссальное напряжение!

И все же Андрей проводил трех-, четырех- и шести-раундовые бои. Он всеми способами тянул время на ринге. А мысли его были там, за рядами зрителей, — в тесных умывальнях, в подвалах прачечной и в бане, там, где в эти минуты делали свое дело бойцы подпольной армии мстителей.

Андрей выходил на ринг, а в это время в подвале малого госпиталя, на чердаке восьмого блока Евгений Яльцев, Леонид Орлов, Владимир Холопцев и Борис Сироткин по винтикам, по частям, тайно вынесенным из цехов военного завода «Густлов-Верке», вручную собирали винтовки и пистолеты. В подпольной лаборатории Павел Лысенко заряжал взрывчаткой, приготовленной из ваты и кислоты, самодельные, изобретенные им, граиаты. Член подпольного центра Степан Бакланов опускался в канализационную трубу и испытывал оружие.

Андрей выходил на ринг, а рядом, в сорок четвертом блоке, командир подпольного батальона Валентин Логунов организовывал автороту. На чердаках и в подвалах

шли очередные занятия подпольных подразделений. Бойцы, собравшись небольшими группами в пять-десять человек, повторяли Устав, изучали немецкое оружие, учились владеть самодельными гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Андрей выходил на ринг, а рядом в подвале кочегарки собирался командный состав подпольной военно-политической организации и во главе с Иваном Ивановичем Смирновым разрабатывал планы боевых операций, намечал места будущих атак и боев.

Андрей тянул время на ринге, а рядом, в секретном блоке патологии, шло заседание подпольного антифашистского интернационального центра, и руководитель русской военно-политической организации Николай Симakov докладывал о ходе подготовки к массовому освободительному вооруженному восстанию...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Фрау Матильда не приехала. Густ, чертыхаясь, шагает по освещенному электрическими фонарями веймаровскому перрону. Ждать следующего поезда нет смысла. Очередной состав должен прибыть только под утро.

Лагерфюрер Густ раздосадован. Почтительно идущий чуть позади него фельдфебель Фишер говорит:

— Ваша супруга, возможно, прибудет завтра.

— Возможно, Фишер. Но тогда к чему было сообщать, что едет сегодня, и ставить меня в дурацкое положение!

Густ продолжает мерить платформу шагами. Наконец, поворачивается к фельдфебелю:

— Как ты думаешь, Фишер, может ли она приехать ночью?

— Ночью никак не может, герр оберштурмфюрер. Ночью ни одна молодая женщина не решится выехать в такое тревожное время.

— Ты прав, Фишер. Едем домой.

Подойдя к штабному «оппелю», Фишер услужливо распахивает дверцу перед обер-лейтенантом.

Лагерфюрер Густ молчал всю дорогу.

У въезда в эсэсовский городок концлагеря Бухенвальд, у контрольного поста, «оппель» остановился. Группа эсэсовцев во главе со Смоляком, не разглядев в сумерках, кто в машине, дружно воскликнула:

— Добро пожаловать, фрау Матильда!

Густ ответил ругательством. Оторопевшие эсэсовцы попятились. «Оппель», свернув с главной аллеи, направился к дому Шуберта.

Собственной виллы у Густа пока еще не было. Он занимал несколько комнат в доме своего начальника, первого помощника коменданта Макса Шуберта.

Эрих Густ был убежденным фашистом. Он верил в Гитлера, верил в то, что, когда победно окончится война и Германия, наконец, завоюет себе необходимое жизненное пространство, великий фюрер отрежет ему в одной из завоеванных стран солидный кусок земли. В честолюбивых мечтах Густ уже видел себя хозяином обширного имения, приносящего тысячные доходы.

Он твердо верил, что все низшие расы созданы для того, чтобы быть рабами в таких имениях. А чтобы приблизить радужное будущее, Густ, не стеснясь, готовился к нему сегодня: немецкие преступники, зеленые, судьба которых находилась в его руках, ежемесячно приносили оберштурмфюреру солидную дань.

Его, молодая жена черноволосая Матильда, чистокровная арийка, наследница обедневших баронов фон Рабфальцинг, весьма подходила для роли хозяйки будущего обширного владения. К тому же Матильда считалась красивой женщиной, а двадцатисемилетний оберштурмфюрер Густ, отличавшийся утонченной жестокостью, не был равнодушен к красоте.

Не скрывая досады, Густ поднялся в дом. Хозяйка виллы фрау Шуберт встретила его в передней. Узнав, что фрау Густ не приехала, она шумно затараторила, сильно картавя:

— Уж не случилось ли что? Ночью она, конечно, не придет. Такую молоденькую бедняжку могли не пустить в родителю. Ах, как жаль, как жаль...

Густ посмотрел на редкие, пожелтевшие брови фрау Шуберт, на ее дряблые обвисшие щеки и молча прошел в кухню, откуда его окликнул хозяин дома. Макс Шуберт, толстый, лысый, в стеганом малиновом халате, стоял у кухонного стола. Одной рукой он крутил ручку мясорубки, другой подкладывал в нее небольшие куски свежей телятины. Стоя к Эриху спиной, он сказал, не поворачивая головы:

— Не волнуйся, твоя половина еще успеет тебе надо-

есть, — и, изменив тон, вполголоса произнес: — Моя дура¹ живет со мной двадцать лет, а все еще не понимает меня, — Шуберт вздохнул: — Да что говорнты! Полжизни носит знатную фамилию Шубертов, а не приспособлена к нормальной жизни. — В голосе его звучала злость. — Мои коты и кошечки не могут употреблять мяса, если оно прокручено на мясорубке только один раз. А эта дура не может приглядеть за прислугой и всегда обманывает меня, уверяя, что мясо прокручено дважды.

— Тебя сам черт не обманет, не только я! — раздался из передней голос фрау Шуберт.

Густ не стал слушать начинающийся дуэт супругов. Он прошел в переднюю, оттуда в узкий коридор и, наконец, попал в изолированную уютную трехкомнатную квартиру. Прежде чем открыть дверь, Густ брезгливо отшвырнул огромного дымчатого кота. Эти отвратительные твари бродят по роскошно убраным комнатам дома, как хозяева. Они играют, грызутся, наполняют дом мяуканьем и требуют на обед лучшие блюда...

Привязанность Шуберта к кошкам была безгранична. Они влезали к нему ночью под одеяло — причина, по которой фрау Шуберт давно отказалась спать на кровати мужа. Кошки прохаживались перед ним по столу, пока он обедал, выгибая спины и расправляя хвосты над тарелками.

Войдя в свою квартиру, Густ включил свет и сразу же увидел на широкой голубой тахте белую жирную кошку. Она зажмурилась от яркого света и настороженно взглянула на вошедшего. Угадав намерения Густа, любимица хозяйна Альба вскочила, собираясь, как обычно, спрятаться под тахту. Но Густ успел схватить кошку за жирную шею и с силой вышвырнул за окно.

Молодой лагерфюрер прошелся по комнатам. В нем клочкотала злость. В спальне накрыт небольшой стол на два человека: сардины, заливной поросенок, шоколад и фрукты. На подносе бутылки с ликером, коньяком. В ведре со льдом шампанское. Сегодня, черт возьми, он собирался провести вечер со своей молодой женой, а на завтра в доме Шуберта назначен банкет в честь ее приезда.

Густ подошел к столу. Налил коньяку. Выпил. Еще налил. Подцепил вилкой сардину. А кто, собственно, запретит ему провести весело вечер? Он уселся и плотно поужинал. Допил бутылку коньяку и, шатаясь, подошел к теле-

фону. Почему бы ему сегодня не развлечься? Он снял телефонную трубку и вызвал фельдфебеля Фишера.

— Карину... Ко мне... Только там не застревай. Живо!

Через полчаса венецянку Карину Джованандо, одну из обитательниц публичного дома, доставили к Густу. Публичный дом в лагере был открыт специально для эссовцев. Отличившимся зеленым нюгда давались талоны для входа в это заведение. Туда было отобрано более сотни красивых молодых женщин из женского лагеря. Бессильные, сломленные, они являлись безответными жертвами нацистов.

Полупьяный Густ встретил Карину жадным пронизывающим взглядом. Семнадцатилетней девушкой Карина закончила хореографическую школу и дебютировала в венецянском театре, когда ее отца, антифашиста Джозефа Джованандо, схватили чернорубашечники. Его повесили, а семью бросили в концлагерь. Тонкая, изящная венецянка, с большими черными глазами, чем-то напоминала Густу его жену.

Густ перехватил голодный взгляд невольницы, устремленный на яства. Не поднимаясь из-за стола, бросил:

— Подойди!

Стройная фигура и сильные точеные ноги балерны едва обрисовывались под тубым арестантским платьем. Густ наполнил бокал:

— Пей.

Он поднес бокал к ее выпуклым губам:

— Пей... живо!

Захлебываясь, морщась, Карина пила один бокал за другим. Когда глаза девушки затуманились, а ноги стали подкашиваться, Густ короткими нервными движениями раздел ее, не оставив на теле даже тесемки. Приказав не двигаться с места, сел, откинувшись в кресло. Несколько минут, не отрывая взгляда от обнаженного тела балерны, затаивался сигарой.

— Танцуй!

Карина очнулась от равнодушного оцепенения. Не все ли равно перед кем танцевать? Перед этим молодым развращенным эссовцем или перед наглыми и еще более развращенными слугами фашистов? Она танцевала. Желтый свет торшера выхватывал из полутьмы очертания гибкого оголенного тела. Она танцевала под визгливые

звуки немецкого походного марша, который изрыгал огромный двенадцатиламповый радиоприемник. Танцевала до тех пор, пока Густ не выключил торшер. Тогда наступила бессонная, еще более отвратительная ночь.

Перед рассветом Густа разбудил телефонный звонок. Ночь казалась ему и без того короткой. Он швырнул трубку. Но звонок тотчас повторился.

— В чем дело? — заорал Густ.

Дежурный эсэсовец торопливо сообщал, что прибыла фрау Матильда и что помощник начальника караула сопровождает ее к дому Шуберта.

Густ подскочил к кровати и с силой тряхиул спящую. В следующий же момент та была на ногах.

— Живо! Собирайся!

Он кидал перепутанной девушке ее вещи и сыпал ругательствами. Пока Карина дрожащими пальцами застегивала пуговицы, Густ торопливо вызвал по телефону Фишера.

— Продери глаза, сонная свинья. Что? Матильда приехала... Нет, не встречать. Живо ко мне! Ко мне, говорю... Отведешь Карину...

После их ухода Густ заметался по комнате, сгребая бутылки и рассовывая по буфету посуду. В коридоре уже слышались шаги.

Когда фрау Матильда вошла в комнату, здесь царил полный порядок. Большими красивыми глазами она оглядела комнату, потом перевела взгляд на помятое лицо мужа. Босиком, в парадном галфе, криво натянутом на живот, он выглядел совсем не таким, каким она его себе представляла. От нее не ускользнула растерянность Густа...

— Ты рад, что я приехала, дорогой?

— Конечно. Но почему ты не предупредила...

Глаза Матильды стали круглыми:

— Но, Эрих! У нас была бомбежка. Меня не пускала мама. Все-таки я уехала! Опоздала на утренний поезд... И все-таки я здесь!

Не переодеваясь, Матильда принялась осматривать комнаты. Что-то ее тревожило... Женский инстинкт всегда начеку. Достаточно малейшего намека, и воображение дополнит все остальное.

Пройдя гостиную, Матильда переступила порог спальни. Она увидела две огромные двуспальные кровати,

белоснежные простыни, кружева пододеяльников, большие пуховые подушки... Вдруг Матильда вздрогнула: на обеих подушках — вмятины. Она закусила губу и медленно подошла к мужу. В ее взгляде скользнули недоверчивость и подозрение.

— Так ты рад моему приезду?

Густ молчал.

После полдника молодая супруга лагерфюрера почувствовала себя усталой. Дабы не выглядеть утомленной на предстоящем банкете, она решила отдохнуть.

В гостиной на тахте нежилась Альба. Матильда любила животных. Кошка сразу это почувствовала. Она прыгнула с тахты и потерлась о ногу Матильды. Подсунув под голову подушку, фрау Густ прилегла на тахте. Кошка безмятежно устроилась на животе молодой женщины и, жмурясь, потягивалась под теплой ласкающей ее ладонью.

Матильда не заметила, как уснула, и не слышала стука в дверь. В коридоре перед дверью стоял в полной офицерской форме майор СС Макс Шуберт. Он пришел на обед, точнее на кошачий обед. Кормление кошек и котов он не доверял никому. Раскладывая по тарелкам мясо, Шуберт заметил отсутствие Альбы. Не найдя ее в своих комнатах, Шуберт решил побеспокоить Густа. Он постучал и, не дождавшись ответа, переступил порог. Картина, увиденная лагерфюрером в гостиной, показалась ему настолько умильной, что душа его наполнилась восторгом.

Вечером, когда в доме собрался «высший свет» эссовского городка, Шуберт не отходил от жены своего заместителя. Семеня тонкими ногами, он вертелся вокруг, услужливо выполняя все ее желания, стремясь всячески угодить фрау Матильде.

Матильда, в вишневом вечернем туалете из парижского панбархата, с открытой шеей и обнаженными локтями, выглядела эффектно. Ее огромные глаза выражали притворную грусть. Губы, формы круглого цветка, томно улыбались. Она чувствовала на себе взгляды офицеров. Пожалуй, здесь будет не так уж скучно! Изредка

Матильда поглядывала на мужа. Молодой, статный и энергичный, он, безусловно, выглядел лучше своих сослуживцев. Но Матильда все еще не могла забыть вмятины на подушках. Кто же был до нее в эту ночь у Эриха? Не меняя выражения лица, она рассматривает дам. Вот фрау Эйзель. Беловолосая, безликая, высокая, с раскачивающимся, будто бесхребетным, станом. Нет, только не она... Далее фрау Ле-Клайре, толстая веснушчатая прусачка. В этой даме нет даже и тени благородства. Следующая фрау Бунгеллер. Она очень молода, у нее прозрачные голубые глаза. Но может ли такая сравниться с нею, с Матильдой? К тому же фрау Бунгеллер совсем недавно стала вдовой и, удрученная горем, не снимает траурного наряда. Ее муж лейтенант Бунгеллер погиб на Восточном фронте, подорвался на мине... Нет, бедной девочке сейчас не до интимных развлечений.

Далее следует фрау Вельпнер и фрау Шуберт, женщины, у которых приятные похождения остались только в памяти. Если верить словам фрау Шуберт, жена нового коменданта молода и красива. Однако ее муж жесток не только с подчиненными, но и со своей юной супругой. Он держит ее взаперти, ревниво следя за тем, чтобы молодые офицеры, упаси боже, не вздумали любезничать с ней. Он не пустил ее даже и на этот званный банкет. Матильда вновь обрела внутреннее спокойствие. Возможно, что она ошиблась. Ведь Эрих мог спать на двух подушках. Нужно просто забыть об этом неприятном инциденте. И Матильда милостиво обратила внимание на Макса Шуберта. Видя, с какой нежностью он гладит Альбу, она спросила:

— Вы так любите кошечек?

Лицо Шуберта расплылось в улыбке:

— Их нельзя не любить, дорогая фрау. Эти существа совершенно безвинны. Они добры и ласковы. Они никогда не причинят вам зла. Человек в наше время, дорогая фрау, гораздо хуже животных. Вы еще молоды, но придет время, и вы в этом убедитесь.

— Я тоже люблю кошек, — Матильда протянула ладонь к белой пушистой шерсти Альбы.

Фрау Шуберт и Густ между тем пригласили гостей к столу. Предвкушая удовольствие, они стали шумно рассаживаться. Матильда сразу отметила обилие всевозможных закусок и напитков. Она не догадывалась, что

марочный коньяк, сверкающий в граненых бутылках и притягивающий к себе взгляды мужчин, взят ее мужем из посылки, присланной бывшему бельгийскому министру, замученному в Бухенвальде. Матильда не знала, что прозрачные бутылки новозеландского рома, который в ее семье употреблялся только как лечебное средство, изъяты Густом из объемистой посылки, присланной антифашисту польскому графу его родичами из Австралии, а бутылки шампанского в дубовых резных ведерках со льдом пришли из Франции. Тот, кому они предназначались, был расстрелян. Не знала молодая фрау и о том, что шоколад, наваленный горкой на серебряном блюде, предназначался умирающему от истощения в Малом лагере Бухенвальда голландскому финансисту, что многие закуски, украшавшие стол, изъяты из посылок международного общества Красного Креста.

В тот момент, когда офицеры и фрау подняли бокалы, дверь гостиной распахнулась и в комнату, словно ветер, ворвалась сияющая, с огненно-рыжими волосами фрау Эльза. То, что произошло при ее появлении, неприятно поразило Матильду. Мужчины вскочили и, опережая друг друга, уступали ей место. Майор Говен, капитан Эйзель и даже начальник гестапо Ле-Клайре, так томно поглядывавшие на Матильду, теперь толпились около этой рыжей с бесстыдно выпяченными бедрами женщины. Матильда поморщилась. По ее мнению, им не стоило бы воздавать столько внимания другой, когда здесь находится она, Матильда.

Фрау Эльза, окинув насмешливым взглядом сидящих за столом, подняла золоченый фужер и бесцеременно выкрикнула:

— За Великую Германию! За молодых и красивых офицеров!

Офицеры закричали «Хох!» и потянулись бокалами к поднятой руке Эльзы. Стараясь перекрычать возгласы эсэсовцев, фрау Эльза воскликнула:

— Господа, я не вижу около себя Густа! Я хочу выпить с самым молодым и самым красивым офицером Бухенвальда!

Оберштурмфюрер Эрих Густ, сидевший рядом с супругой, почувствовал неловкость.

— Я требую Густа! Я хочу выпить за вас, Эрих!

Золоченый фужер фрау Эльзы и бокал Густа с дро-

жащим звоном соединились. Офицеры снова закричали «Хох!». Матильда, ревниво следившая за этой сценой, вдруг заметила на пальце жены коменданта массивное золотое кольцо, в которое был вделан черный бриллиант. Сверкающий всеми цветами, черный камень поразил ее воображение. О такой ценности молодая дочь обедневших баронов фон Рабфальциг могла только мечтать. Это подействовало на нее ошеломляюще. Матильда вдруг показалась себе не интересной бедной замухрышкой. И в огромных карих глазах жены старшего лейтенанта появилась настоящая грусть.

Когда на первый танец Густ был приглашен Эльзой Кох, Матильда уже держала себя в руках. Повлажневшими глазами она отыскала Макса Шуберта, и тот мгновению подлетел к ней. Танцевать Матильде не хотелось, и лагерфюрер Шуберт расположился рядом в кресле, чтоб развлекать супругу своего заместителя.

Черный бриллиант неприятно поразил еще одного человека, присутствовавшего на банкете. Этим человеком был майор Адольф Говен. Он заметил хорошо знакомое ему кольцо на пальце фрау Эльзы в ту же секунду, как только она распахнула двери гостиной. Майор прекрасно помнил, что этот черный бриллиант прежде украшал руку старшего лейтенанта Густа. И теперь главный врач ревниво следил за ритмичными движениями фрау Эльзы, которая, танцуя, чересчур близко прижималась к Густу.

От невеселых размышлений Говена отвлек голос захмелевшего старшего врача больницы капитана Эйзеля.

— Если мы проиграем войну, то всем нам не сдобровать. Я в это твердо верю. А раз так, то надо отправить на тот свет как можно больше евреев и коммунистов. Я их умервляю с помощью шприца, которым ввожу быстроедействующие яды и даже, представьте себе, бензин и керосин. Недавно я вводил карболовую кислоту одному старому жиду, так тот, подлец, успел мне крикнуть: «Всех не уничтожить!» А мне кажется, можно уничтожить всех. Я, например, после этого рационализировал свою работу. Принимаю сразу по три заключенных, и пропуская способность нашего увеличилась!

Говен вмешался в разговор:

— Глупости. Черт возьми, плохо вы знаете фюрера!

Недавно я был в Берлине, в управлении охранных отрядов СС, и там узнал приятнейшую новость: заканчивается испытание нового оружия колоссальной мощности. Вы даже и не представляете себе, что это за сила! Двух-трех таких бомб вполне достаточно, чтобы смести с лица земли такой город, как Москва или Лондон. Великая Германия еще покажет себя!

Майор Адольф Говен увлекся. Эти слова привлекли внимание офицеров, и они столпились вокруг него.

— Фюрер уверенно смотрит в будущее. Он утвердил план использования людских ресурсов оккупированных территорий. Гениальный план расширить «жизненное пространство» за счет Франции, Чехословакии, Украины, Польши будет выполнен. Смеем вам сообщить, что мы получили секретное указание начать подготовку к массовой стерилизации населения этих территорий. Это даст нам хорошую рабочую силу, которая в течение двадцати-двадцати пяти лет, пока увеличится наша нация, сама по себе исчезнет, не оставляя потомства.

А в другом конце гостиной Шуберт и Густ внимательно слушали начальника гестапо. Ле-Клайре шептал:

— Наш тюрингский фюрер Заукель начал переправлять свои капиталы в швейцарский банк...

Фрау Матильда дотронулась до руки Густа, лежащей у нее на коленях:

— Дорогой, мне не совсем понятно, о чем он говорит.

Густ улыбнулся наивности жены. Привлек ее к себе.

— Я все объясню, только не здесь... Я соскучился...

Ощущая на своей талии сильную руку мужа, Матильда улыбалась. В голове ее шумело от выпитого. Фигуры людей расплывались. И все-таки она отыскала взглядом Эльзу Кох. Та сидела у окна, откинув голову на спинку кресла, и глядела в потолок опустошенным взглядом. Матильда прочла в этом взгляде тоску, одиночество, разочарованность. Значит, и у этой бухенвальдской львицы не все так благополучно, как кажется? Могла ли знать фрау Матильда, что вчера, после вечерней проверки, был расстрелян молодой отчаянный уголовник Артур, любовник Эльзы. В ушах Эльзы еще звучали процеженные сквозь зубы слова мужа, нагрянувшего в Бухенвальд так неожиданно:

— Этот парень был болтлив... Советую тебе отказаться от своих привычек.

Фрау Эльза встряхнула рыжими кудрями, как бы сбрасывая с себя тяжесть воспоминаний. В глазах ее вспыхнул прежний голубой пламень. Она устремилась к столу. Схватила бокал, наполненный коньяком.

— Господа! За Германию! За фюрера!

Пустой бокал со звоном разбился о паркет.

Этого было достаточно, чтобы встряхнуть осовевших офицеров и вновь привлечь внимание к себе. Эсэсовцы с криками «Хайль!» стали опустошать бутылки. На пол полетели опорожненные бокалы. И среди пьяного гвалта, выкриков, звона выделялся зовущий, властный голос фрау Эльзы.

Притихшая и ошеломленная Матильда в ужасе отпрянула, когда увидела фрау Эльзу, в диком порыве взлетевшую на стол. Фрау Шуберт ахнула: ее любимое фарфоровое блюдо хрустнуло под зеленой туфлей осатаневшей женщины.

— За Великую Германию!

Лицо Эльзы горело. Казалось, что и на голове ее, вместо волос, пылает костер. Залпом опорожнив бокал, она запела:

Германия, Германия превыше всего...

Пьяные эсэсовцы схватились за руки, образовав вокруг стола кольцо. В открытые окна несли дикий рев:

Германия, Германия превыше всего...

Матильде никогда не приходилось бывать на эсэсовских попойках. Хруст стекла под сапогами, расстегнутые обвисшие мундиры, пьяные вытаращенные глаза...

Вдруг в дверях в сопровождении конвоя появился комендант Бухенвальда штандартенфюрер Пистер.

— Прекратить! — заорал он.

Голос коменданта потонул в пьяном реве. На него не обращали внимания. Побледневший Пистер выхватил пистолет. В комнате грохнули выстрелы.

Ошалевшие офицеры застыли. Кривя губы, уничтожающе оглядывая собравшихся, штандартенфюрер выругался:

— Сволочи! Пируете! На севере Франции высадили десант... Открылся второй фройт.

Гитлеровская империя трещит по всем швам, как идущий ко дну старый пароход. Вести о победоносном наступлении советских войск передаются из уст в уста, волнуют весь Бухенвальд. У фашистов дела плохи. В Германии объявлена очередная тотальная мобилизация. Большинство подразделений эсэсовской дивизии «Мертвая голова» по приказанию имперской канцелярии сняты с охраны Бухенвальда и брошены на восток, на затычку многочисленных прорывов фронта. Их место заняли солдаты стареющих возрастов, среди которых немало участников первой империалистической войны. Новые охранники ведут себя тише, не зверствуют. Но зато оставшиеся эсэсовские палачи «трудятся» не покладая рук. Чувствуя, что скоро наступит час расплаты и им не сдобровать, они стремятся как можно больше людей отправить в крематорий.

Известие о втором фронте, о высадке союзнических войск взбудоражило заключенных. Новость облетела все бараки, объединяя в одну семью всех антифашистов.

После обеда двадцать пятого августа к Андрею заглянул француз Поль Рэнуар, тот самый, который не раз вместе с Шарлем был судьей на ринге. Он принес подарок от французских патриотов — маленькую плитку шоколада и кусочек копченого окорока.

— Мой друг получил посылку от Красного Креста, — пояснил он.

Видя, что Бурзенко не понимает, Поль гвоздем на чертил на столе флаг с крестом и полумесяцем. Андрей закивал головой.

— Спасибо, друг. Скоро Гитлер капут! Рот фронт!

— Фронт, фронт, — утвердительно кивнул Поль Рэнуар, — цвей фронт!

И тут же нарисовал очертания Франции, Англии, провел жирные стрелы, изобразил самолет и написал цифру.

— О! — многозначительно произносил Поль. — Цвей фронт! Цвей фронт!

— Сервус! — ответил Андрей французскому слову, которое обозначало в Бухенвальде солидарность, дружбу, совместную борьбу.

— Сервус, друг, сервус!

В это время раздался рев сирены. Узники переглянулись. Тревога днем? Что это значит? Побег?

Однако сирена завывала по причине совсем иного рода.

— Лагерь, слушай! Воздушная тревога! Воздушная тревога! Воздушная тревога!

Как бы в подтверждение этих слов в эсэсовском городке заговорили скорострельные пушки.

— Зенитки, — определял Андрей. — Зенитки, понимаешь?

Поль широко улыбался и кивал головой.

Над Бухенвальдом показалась эскадрилья боевых машин.

Рев сирены, выстрелы зениток, гул бомбардировщиков вселяли в души узников не страх, а надежду, радость, восторг. Первая воздушная тревога! Бейте, незнакомые друзья! Жгите проклятый лагерь! Уничтожайте военные заводы.

Над Бухенвальдом, случалось, и прежде пролетали соединения английских и американских бомбардировщиков. Узники глядели на них, закинув головы, и гадали: какой город идут бомбить?

А сегодня самолеты с ревом устремились на Бухенвальд. Вот ведущий заходит в пике. От серебристых крыльев самолета отрываются черные точки. Они летят, оставляя за собой белые хвосты дыма.

В поселке эсэсовцев раздался оглушительный взрыв. За ним второй, третий... Там, где находились цеха военного завода, в воздух поднялись фонтаны земли и дыма. Вверх взлетели железобетонные глыбы, деревья, кирпичи...

Андрей потянул француза на крышу блока:

— Скорей, скорей!

Бурзенко ликовал. Забывая об опасности, он снял свой колпак и размахивал им:

— Давай! Еще! Сыпы!

Поль, впервые попавший под бомбежку, побледнел и, широко раскрыв глаза, смотрел на земляные фонтаны взрывов, рушащиеся стены, пылающие дома...

Вдруг он вытянул руку, показывая на горящую эсэсовскую казарму:

— Новак! Чех Новак!

Из пылающего здания неслся крик недобитых эсэ-

совцев. В охваченную пламенем казарму, закрывая лицо рукой, бросился человек. Андрей заметил, что одет он в синюю униформу, какую носили заключенные, работавшие в канцелярии.

Через несколько минут Новак выскочил из казармы. Он тащил какой-то тяжелый ящик. Остановился, передохнул. Потом рывком поднял ящик на плечо и, сгибаясь под тяжестью, побежал.

У Андрея невольно вырвалось радостное восклицание. В таких плоских ящиках обычно хранят патроны или гранаты. Так вот зачем Новак, рискуя жизнью, бросался в охваченную пламенем казарму! Молодчина!

Вокруг смельчака свистели пули. Он попал под двойной обстрел. Самолеты на бреющем полете поливали свинцом эсэсовские казармы, и в то же время по герою открыли стрельбу нацисты, сидевшие на сторожевых вышках. До спасительного поворота, до канцелярии оставались считанные метры. Еще немного и чех окажется в безопасности. Несколько заключенных, пренебрегая обстрелом, спешили ему навстречу.

Но донести ящик, добежать до укрытия Новаку не удалось. Рядом с героем разорвалась небольшая авиабомба. Бурзенко увидал, как на плечах храбреца вспыхнуло яркое пламя. Раздался оглушительный треск...

Так героически погиб чешский патриот, член подпольной организации Новак.

В Бухенвальде воцарилась напряженная тишина. Над военным заводом столб черного дыма: пылают оружейные цеха, склад горючего. Дым окутал и эсэсовский городок. Одна казарма разрушена, другая горит. Пострадали отдельные виллы. Из укрытий и убежищ, озираясь, вылезают эсэсовцы. Перепачканные глиной, злые, напуганные. Некоторые из них впервые познакомились с войной.

В офицерском городке, куда Андрей попал с командой для расчистки завалов, пожарники-заключенные неторопливо поливали горящую казарму из шлангов. Слева от центральной аллеи тлела гора старых деревянных башмаков. Черный дым застилал дорогу, ел глаза.

— Сюда, пожалуйста! Сюда, пожалуйста! — навстречу команде спешил растрепанный и растерянный Ле-Клайре.

Андрей сразу узнал мордастого начальника гестапо, вспомнив, как Ле-Клайре его допрашивал, усмехнулся: что, гадюка, не нравится!

— Сюда, пожалуйста! — у Ле-Клайре дрожат руки. — Пожалуйста, что-нибудь... хоть фотографии.

У гестаповца погибла вся семья: жена, двое детей и прислуга.

Узники не спеша стали разбирать груды кирпича, все, что осталось от дома одного из главных палачей Бухенвальда.

— Андрей, ну-ка, попробуй вареньица, — Григорий Екимов протягивает открытую помятую железную банку. Губы Григория измазаны: он ел без ложки.

Бурзенко отхлебывает прямо из банки. И немцы умеют варить хорошее вишневое варенье!

Другая группа заключенных у казармы грузит на автомашину трупы погибших гитлеровцев. Грузят с удовольствием: убитых много. Комендант велел трупы отвезти в крематорий. Сейчас не до почестей.

Андрей вернулся в лагерь поздно, к вечерней поверке. Он выложил на стол найденные продукты: банку сгущенного молока, несколько кусочков грязного сахара, пачку сигарет.

— Закуривай, ребята!

Пачку сразу же опустошили. Затягиваясь, узники оценивали:

— Настоящие. Из душистого табачка.

У других участников спасательных работ «улов» оказался богаче: кусок соленого свиного сала, часть окорока, полголовки сыра, мятая пачка галет. Староста блока Альфред Бунцоль разделил продукты на равные части и раскладывался:

— Прошу к столу!

Алексей Мищенко, отправляя свою порцию сала в рот, блаженно улыбается:

— За упокой души паразитов... Дай боже — завтра то же!

Узники в отличном настроении. Теперь каждый из них почувствовал близость свободы, близость избавления. То, что годами казалось несбыточной мечтой, становилось реальным. И это наполняло сердца пленников солнечным светом. Люди снова почувствовали себя людьми!

Узники собираются группами вокруг русских. Тема

разговора одна: война и победы советских войск. Теперь все понятно: немцев можно победить!

Григорий Екимов, участник боев под Сталинградом, вспоминает, как зимой брали в плен командующего немецкой армией.

— Вылезит чучело, закутанное в платки пуховые, и машет куском белой простыни. Сдается, значит. А за ним из подвала гастронома выползают тощие полковники да генералы. Приветствуют нас поднятыми руками...

Григорий рассказывает эту историю в тысячный раз, но сегодня она звучит по-новому.

До глубокой ночи барак не спал. То там, то здесь слышался жаркий шепот, приглушенный разговор.

А когда сон начал клонить к жестким подушкам разгоряченные головы, в бараке неожиданно появился Альфред Бунцоль. В такое позднее время он обычно инкогда не заходил. Андрей поднял голову, взглянул на старосту и по его лицу понял, что стряслась какая-то беда.

Бунцоль торопливо подошел к выключателю и погасил свет. В ту же секунду раздался чей-то властный голос:

— Товарищи! Внимайте!

Бурзенко приподнялся на локтях. Голос очень знаком. Где он его слышал? Андрей напряг память. Ах, вот где! В 7-м бараке, ночью, когда готовились подавлять вылазку зеленых. Это был голос Николая Кюнга.

— Товарищи! Сегодня нам удалось узнать о новом чудовищном преступлении фашистов. По секретному приказу Гитлера неделю назад здесь, в Бухенвальде, во дворе крематория был зверски убит вождь немецкого пролетариата, председатель Коммунистической партии Германии товарищ Эрнст Тельман.

Барак словно качнуло. Узники вскочили с постелей:

— Тельман?

— Неужели?

Покрывая гул, снова зазвучал голос Кюнга:

— Товарищи! Почтим память нашего дорогого товарища Эрнста Тельмана минутным молчанием.

В блоке наступила траурная тишина. Склонив голову, Андрей вспомнил о том, что учился в школе, носящей имя неггибавого коммуниста, огромный портрет которого вывешивался над парадным подъездом по праздничным дням, вспомнил школьные вечера, посвященные мужественному вождю немецкого пролетариата.

Когда староста вновь включил свет, Кюнга в блоке уже не было. Буицоль медленно обвел плетеными невидящими глазами и, согнувшись, пошел к выходу. Ему было особенно тяжело. Тельмана он знал лично. Вместе с ним он принимал участие в организации забастовок гамбургских рабочих, дрался в рядах спартаковских отрядов...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ужасная весть об убийстве Тельмана сплотила всех антифашистов Бухенвальда. Опасаясь массового бунта, комендант приказал удвоить наряды солдат на сторожевых вышках. Эсэсовцы получили строгое предписание следить за настроением узников и в случае чего патронов не жалеть. Сотни провокаторов и предателей рыскали по лагерю. В помощь потерявшим влияние зеленым была брошена большая банда уголовников из концлагеря Дахау.

Атмосфера в Бухенвальде накалялась. Борьба между зелеными и политическими вспыхнула с новой силой.

После очередной победы Андрея Бурзенко на ринге группа отборных головорезов с криками кинулась на русского спортсмена, когда тот перелезал через веревки. Но на их пути выросли несколько крепких и плечистых русских. Вспыхнувшая потасовка быстро переросла в массовую драку. В нее втягивалось все больше людей. В скором времени на поляне шло настоящее рукопашное сражение, в котором с обеих сторон участвовало более тысячи человек. Эсэсовцы, наблюдавшие драку со сторожевых вышек, направили на заключенных оружие. Они ждали результата. Когда, к их разочарованию, явно обозначился перевес политических, с вышек полосули из пулемета. Пули засвистели над головами. Узники стали разбегаться. Эсэсовцы спасали зеленых от разгрома.

Гестаповцы знали, что их злодеяние так или иначе станет известным мировой общественности. Но как сообщить о подлом убийстве? Даже самые тупоголовые фашистские палачи во главе с рейхкомиссаром Гиммлером понимали, что стандартному вранью «Покончил жизнь самоубийством» или «Убит при попытке к бегству» никто не поверит. Гестаповцы трусили, пытались вначале зама-

зять следы преступного убийства. И лишь четырнадцатого сентября 1944 года, чуть ли не через месяц, фашистская пропаганда решилась сообщить о смерти Тельмана. Вечером, когда на площади Бухенвальда узники выстроились для вечерней поверки, они услышали, как берлинское радио передало специальное сообщение:

«При налете англо-американской авиации на окрестности Веймара двадцать восьмого августа многочисленные фугасные бомбы попали в концентрационный лагерь Бухенвальд. Среди убитых заключенных — бывшие депутаты рейхстага Брейтшейд и Тельман».

Наглая ложь министерства пропаганды была очевидна всякому. Двадцать восьмого августа ни Веймар, ни Бухенвальд не бомбили. Бомбардировка имела место на три дня раньше, двадцать пятого августа. Кроме того, — это знали все узники — ни одна фугасная бомба на территорию концлагеря не упала. Видимо, гестаповцы впопыхах не смогли договориться с министерством пропаганды и хотя бы правдоподобно подобрать дату убийства.

По рядам пленных прокатилась волна негодования. Дежурный рапортфюрер выключил репродукторы и разразился бранью.

Блокфюреры, размахивая палками, бросились наводить «порядок».

А ночью подпольщики приняли специальное сообщение московского радио: «Сегодня немецкое телеграфное агентство сообщило, что при налете авиации союзников якобы погибло много заключенных концентрационного лагеря Бухенвальд. Среди погибших будто бы находятся председатель Коммунистической партии Германии, депутат рейхстага Эрист Тельман и депутат рейхстага от социал-демократической партии Брейтшейд. Как подтверждает командование союзных войск, 28 августа не только на Бухенвальд, но вообще на Германию никаких авиационных налетов не производилось. Следовательно, смерть Тельмана и Брейтшейда — дело рук самих гитлеровцев. Это очевидно и из того, что Гитлер начал уничтожать вождей оппозиционных партий. Гиммлер дал приказ арестовать всех бывших депутатов рейхстага, которые не являются членами гитлеровской национал-социалистической партии...» Аналогичное сообщение передало и лондонское радио...

Утром это известие передавалось из уст в уста. Все понимал, что огненное кольцо фронтов вокруг фашистского логова с каждым днем сжимается все теснее. И в этом кольце мечутся нацистские вожди. Предчувствуя свою неминуемую гибель, они торопятся обезглавить пролетариат, убрать всех возможных руководителей будущей Германии. Спустя три дня геббельское министерство пропаганды передало «уточнение»:

«В ответ на утверждение противника немецкая сторона категорически констатирует факт, что авиационные соединения союзников двадцать четвертого августа сбросили на лагерь Бухенвальд около тысячи фугасных и несколько зажигательных бомб, в результате чего в лагере была учинена настоящая кровавая баня».

Неуклюжее вранье выдавало нацистов с головой.

Подпольный радноприемник принял следующее заявление лондонского радио:

«Четырнадцатого сентября официальное немецкое телеграфное агентство сообщило, что двадцать восьмого августа в результате налета британской авиации на концентрационный лагерь Бухенвальд погибли Эрнст Тельман, Рудольф Брейтшейд и многие другие заключенные. Спустя три дня, семнадцатого сентября, немецкое информационное бюро опубликовало новый вариант своей сказки, по которому налет авиации союзников имел место двадцать четвертого августа. Этим налетом британские и американские авиасоединения якобы учинили в концентрационном лагере кровавую баню. Не долго думая, нацисты на четыре дня назад перенесли дату налета, причем они двадцать дней размышляли, прежде чем решились сообщить общественности о событиях в Бухенвальде».

По имеющимся у нас данным за июль — август в Бухенвальде было зверски убито семь тысяч узников, в том числе Тельман и Брейтшейд. Эти убийства являются новой попыткой нацистов устранить всех вождей оппозиции в Германии и Австрии».

Подпольный интернациональный антифашистский центр вынес решение провести в бараках вечера памяти Тельмана и организовать общелагерьный траурный митинг. На этот митинг каждая из девятинадцати национальных подпольных организаций должна прислать своих представителей по два человека от барака.

* *

После вечерней поверки Альфред Бунцоль вызвал Андрея и Григория Екимова.

— Пора.

Они, осторожно обходя полицейские посты, направились к дезинфекционному блоку. Перед низким каменным баракom расхаживала ночная охрана — лагерные полицейские, специально назначенные старостой лагеря из числа политических. Пройти в блок, минуя их, было невозможно. Лагершутце чех Владек узнал подпольщиков.

— Быстрее входите.

Андрей, Бунцоль и Екимов спустились по каменной лестнице в небольшое подвальное помещение. Здесь под низким каменным потолком стоял запах сырости и дезинфекционного раствора. Электрический свет проекал сверху через небольшие окошки.

Когда глаза освоились с полутьмой, Андрей стал различать узников, пришедших на траурный митинг. Он узнал Валентина Логунова, обменялся крепким рукопожатием с Левшенковым и Симаковым, дружески кивнул бельгийцу Аири Глинеру, поздоровался с Гельмутом Тиманом. Тиман беседовал с французом Полем Марселем, о котором Андрею много рассказывали как о бесстрашном коммунисте.

Гарри Миттильдорп подвинулся, освобождая место рядом с собой, и позвал:

— Андре, иди к нам.

Миттильдорп познакомил Андрея с двумя товарищами — голландцем и норвежцем. Норвежец долго тряс руку Андрея и говорил по-немецки:

— Гут, боксмайстер! Гут!

Гарри пояснил Андрею, что на митинг собрались профессиональные революционеры, коммунисты. Многим из них неоднократно приходилось встречаться с Тельманом.

На стоявший у стены ящик поднялся Вальтер Бартель.

— Товарищи, траурный митинг, посвященный памяти Эрнста Тельмана, считаю открытым.

Кто-то чиркнул спичкой и зажег два сальных огарка, уставовленных на перевернутых кадках. Их дрожащий свет озарил небольшой портрет Тельмана, нарисованный,

как потом узнал Андрей, русским художником — заключенным Романом Ефименко. На родине в Донбассе ему неоднократно приходилось писать портреты Тельмана с фотографий. А этот рисунок Роман сделал по памяти куском древесного угля на листе грубой бумаги.

И участники траурного митинга увидели хорошо знакомое мужественное лицо вождя немецкого пролетариата, его упрямо сжатые губы и пристальный взгляд из-под козырька фуражки, взгляд, выражавший ум, суровость бойца и теплоту большой человеческой души.

Первым взял слово пожилой седоголовый человек в полосатой куртке с красной полоской над номером. Такой знак носили узники, находившиеся в концлагере более десяти лет. Андрей узнал оратора. Это был старейший немецкий коммунист Роберт Зиверт.

— Накануне плебесцита в Саарской области наша рабочая делегация прибыла в Берлин на свидание с товарищем Тельманом, — говорит Роберт Зиверт. — Нацисты не посмели отказать нам и открыли перед делегацией двери Маобитской тюрьмы. Одни из наших товарищей, горняк, спросил Тельмана, не издеваются ли над ним. Помню, в глубоком волнении Эрнст ответил: «Да, издеваются!» И рассказал, что к нему в камеру неоднократно являлся сам Геринг и приводил с собой гестаповских громил. Он стремился побоями вырвать у Тельмана «признания»... Долго нам беседовать с Тельманом не дали. Как только он стал рассказывать об издевательствах, гестаповцы запретили продолжать беседу. Они грубо вытолкали делегацию из камеры. Товарищ Тельман крикнул нам: «Расскажите об этом саарским рабочим!»

Одним за другим выступают ораторы. Воспоминаниями о встречах с Тельманом в Москве поделился Иван Иванович Смирнов. Альфред Бунцоль рассказал о том, как гиммлеровские молодчики глумились над Тельманом в Ганноверской тюрьме. В тот день, когда ему исполнилось пятьдесят два года, они конфисковали многочисленные письма, открытки и телеграммы, пришедшие на имя Тельмана. Обнаглевший гестаповский чиновник язвительно сказал товарищу Эристу, что его уже забыли, что он никому не нужен и его никто не помнит. Тельман ничего на это не ответил. Он отвернулся от гестаповца, давая понять, что не желает с такой гадной разговаривать. Но тот не уходил. Немного помедля, он предложил Тельману на-

писать брошюру, в которой бы тот отрекся от коммунистического мировоззрения и объявил бы, что навсегда порывает с красной Россней. Тельман резко повернулся к гестаповцу и сказал: «Запомните, вы... как вас там, господин тюремщик, что Советский Союз существует уже двадцать лет. Ваша третья империя столько не просуществует!»

Андрея, как и всех участников митинга, потрясло выступление поляка Мартина Зденека, который оказался невольным свидетелем неслыханного злодеяния, совершенного в Бухенвальде.

— В тот роковой день, восемнадцатого августа, — взволнованно говорил Зденек, — меня заставили перевозить трупы из двора крематория к печам. После обеда во двор крематория въехала крытая гестаповская машина. Вы знаете ее. Заключенных из команды крематория не выпустили во двор. Старший фельдфебель Гельбиг, этот зверь, погрозил нам кулаком: «Сидите, как крысы, и не высовывайте поганого носа!» Мы забиялись в дальний угол. Я пробрался к окошку. Через открытую форточку мне было все слышно. Из черной машины вывели человека, высокого, широколобого, с ясными глазами. Он прошел в пяти шагах от меня. Лицо его показалось мне очень знакомым, но я не знал, товарищи, что это был Тельман. Гестаповцы повели его вниз, в подвал крематория. У меня сердце дрогнуло от жалости. Позади шли двое с пистолетами в руках. Одним из конвойных был Вилли — помощник палача. Только они спустились в подвал, я услышал выстрел. Потом, немного погодя, раздались еще два... Через несколько минут оба гестаповца вышли из подвала. Один из них сказал: «С Тельманом покончили!» Вот как это было...

Наступила тягостная тишина.

— Товарищи! Геноссе! — на ящик снова поднялся Вальтер Бартель. — Одиннадцать с половиной лет нацисты держали нашего вождя Эрнста Тельмана в одиночных тюрьмах. Затем они тайно привезли его в Бухенвальд и здесь зверски убили. Товарищи, если бы фашисты не творили никаких других злодеяний, не совершали массовых расстрелов и не грабили целые страны, то одной только этой смерти, этого подлого трусливого убийства вполне достаточно, чтобы они на вечные времена покрыли себя черной грязью несмываемого позора. Подлая рука

нацистов вырвала из наших рядов дорогого и любимого вождя немецкого пролетариата, пламенного бойца революции, страстного проповедника коммунизма, Председателя Коммунистической партии Германии. Он отдал всю свою жизнь за светлое будущее трудящихся, он до конца дней своих горячо верил в неистощимую силу немецкого пролетариата, верил в окончательную победу и торжество идей коммунизма. Почтим память дорогого товарища Тельмана пятиминутным молчанием.

Узники — делегаты блоков — встали. В напряженной тишине медленно тянутся минуты. Андрей стоит, склонив голову, и мысленно дает клятву быть таким же стойким и мужественным, каким был Тельман, так же высоко нести над землей красное знамя, обгащенное кровью погибших коммунистов.

Неожиданно в тишине возникает грустная, но мужественная мелодия. Она звучит так тихо, что ее едва улавливает слух, и вместе с тем она кажется такой громкой, такой призывной, нарастающей, что от нее сильнее колотится сердце.

Андрей, сдерживая волнение, смотрит поверх голов в дальний угол, туда, откуда плывет мелодия. Там, в полутьме, стоят пятеро заключенных чехов из лагерного музыкального взвода. Они стоят бледные, плечом к плечу, и выводят на поблескивающих никелем немецких губных гармошках русский революционный траурный марш.

Участники митинга чуть слышно поют:

Вы жертвою пали в борьбе роковой.
В любви беззаветной к народу...

Андрей присоединяет свой страстный шепот к бесконечно грустной и вместе с тем зовущей к борьбе песне.

...Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

О тайном митинге стало известно гестаповцам. Днем последовал приказ Шуберта.

— Канцелярия, слушай! Срочно сообщить, где работают заключенные Вилли Блайхерт, Григорий Екимов, Ярослав Либерцайт и Франц Лайтнер. Данные, содержа-

шие полиые характеристики, представить непосредственно коменданту. Живо, свиньи!

К вечеру на территорию лагеря вошла большая группа солдат и блокфюреров. После повального обыска они арестовали старосту дезинфекционного барака Вилли Блайхерта, рабочих этого блока Григория Екимова и Тимофея Сивина, а также Ганса Бургарда, Губерта Мюллера, Франца Лайтнера и других.

Ярослав Либерцайт, не надеясь на то, что сумеет вынести пытки, покончил жизнь самоубийством: он бросился на колючую проволоку...

Сквозь сон Андрей почувствовал прикосновение чужих рук. Кто-то настойчиво тормошил его. Бурзенко с трудом открыл глаза. Это был Мищенко. Он шептал:

— Иди в уборную. Скорее.

В туалетной уже находилось человек пятнадцать. Многие были из других блоков. Все были встревожены. Их волнение передалось и Андрею. Об арестах он уже знал.

Пришел Николай Кюнг. Его сразу обступили подпольщики.

Он объявил приказ центра:

— Организация в опасности. Гестаповцы запустили в лагерь большую шпионскую группу. Необходимо срочно уничтожить все, что может в какой-то мере скомпрометировать организацию. Прием новых людей временно прекратить. Принять все меры к выявлению шпионов и уничтожить их. В первую очередь взять под контроль всех вновь прибывших в бараки, — закончил Кюнг. — Будьте осторожны и бдительны. Промах одного может стоить жизни многим.

После ухода Кюнга разошлись представители других барак. Оставшимся староста сорок второго блока Альфред Буницоль сказал:

— Друзья, обстоятельства требуют усиления конспирации. Отныне ко мне будете обращаться только в самых необходимых случаях, и то через Андрея Бурзенко.

Подпольщики по одному покинули туалетную.

За окном глубокая ночь. Андрей попытался уснуть, но

сна не было. Он чувствовал, что его сосед Мищенко тоже не спит.

— Алексей! — тихо позвал Бурзенко.

Мищенко зашевелился.

— Послушай, Андрей. Не могу решить, как быть. Натолкнулся я сегодня на однополчанина. И сейчас после приказа центра ломаю голову. Запутанная история!

— Выкладывай.

— Иду я по зоне Малого лагеря и вдруг слышу меня кто-то окликает: «Алексей! Алексей! Мищенко!» Я сначала хотел оглянуться, но вовремя спохватился. Ведь товарищи по Малому лагерю никогда не звали меня по имени или фамилин. Значит, думаю, окликнул меня человек, не знающий обстановки в лагере. Кто он? Зачем я ему понадобился? Я добавил шагу и, не оглядываясь, свернул за угол барака. Слышу, за мной побежали. Я приготовился к схватке. И вот выбегает человек, которого я ожидал встретить везде, где угодно, но только не в Бухенвальде.

Мищенко немного помолчал.

— Это был летчик штурмовой авиации майор Таламанов. Мы с ним служили в одном полку. Он попал в плен раньше меня, и я с ним столкнулся в Ноймаркском концлагере. В Ноймарке он решил пойти служить к немцам в гражданскую авиацию, чтобы при первой возможности перелететь к своим.

— Как же он попал в Бухенвальд? — спросил Андрей.

— Говорят, представилась okazия, и он попытался совершить перелет. Его поймали и отправили сюда.

— А может, специально забросили?

— Не думаю, кажется, он не из таких. У Таламанова на Урале дом, семья, дети... Но что с ним стало! Какой у него вид! Он хнычет, просит поддержки и помощи. Концлагерь довел его до безумия. Глаза ошалелые, весь трясется. Противно и жалко.

Андрей задумался.

— А что о нем говорят?

— Я уже кое у кого спрашивался. Таламанов целые дни на свалке копается, выскребает крошки съедобного, попрошайничает... Ухватился за меня, дрожит. Он знает, что в Ноймарке я был в подпольной организации, догадывается, что и здесь существует подполье. Просит ввести,

познакомить с товарищами, обещает выполнять любые задания. Что с ним делать, не знаю.

— Не верю таким.

— Мы с ним из одного полка. Воевал он, был не плохим летчиком, — Мищенко размышлял вслух. — Немецкий самолет увести хотел! Значит, жизнью рисковал.

— Такие только выжить хотят, а не бороться.

— Как же быть с ним?

Бурзенко ответил не сразу. Жизнь в плену научила его быть осторожным. Он поймал товарища, но в таких делах лучше десять раз проверить, чем один раз довериться.

Андрей вытащил кусок хлеба, тот, что ему передали друзья из кухни, и протянул Мищенко:

— Вот, отнеси ему пайку. А знакомить не надо ни с кем.

Так они и порешили.

Ни Андрей, ни Мищенко, ни другие рядовые подпольщики даже и не подозревали, какая смертельная опасность нависла над их организацией. В ту ночь, когда Андрей и Мищенко разговаривали о Таламаиове, гестаповцы пытали активных подпольщиков: восемнадцатилетнего комсомольца Тимофея Савина и коммуниста Григория Екимова.

Нацисты догадывались, что в лагере существует тайная коммунистическая организация. Они подозревали, что двое русских с ней связаны, и стремились вырвать у них признания. Но те молчали.

Особенно большое подозрение у эсэсовцев вызывал Григорий Екимов. У него была гордая осанка и прямой колючий взгляд. Он молча переносил пытки и на все вопросы отвечал одно:

— Не знаю!

Ничего не добившись, гестаповцы отправили Екимова в город Веймар — в руки более квалифицированных палачей.

О мужественном поведении Григория Екимова и Тимофея Савина подпольщики узнали от немецкого коммуниста, арестованного вместе с ними. Его после пыток в гестапо вернули в лагерь. Конвоир по ошибке, вместо того, чтобы вести политзаключенного в карцер, привел

его в барак, где тот пробыл несколько часов и успел рассказать друзьям о допросах.

Напряжение в лагере не ослабевало. Допросы в веймарском гестапо продолжались, и судьба подпольной организации зависела от стойкости Григория Екимова, который знал очень многое.

Гестаповцы прижигали ему губы раскаленными углями, били резиновыми дубниками, вздергивали на дыбу. Но никакими побоями они не могли заставить его говорить. Тогда, взбешенные упорным молчанием русского, палачи применили усовершенствованную пытку. Они связали непокорного пленника и втолкнули в так называемую «камеру признания».

«Камера признаний» — это продолговатый железный ящик, размером семьдесят на сто сорок сантиметров. Его заднюю стенку составляли две трубы паровозного отопления. Они нагревали воздух в ящике до шестидесяти градусов. Помещенный туда человек без пищи и воды мог выдержать не более пяти суток.

На третий день гестаповцы открыли дверь «камеры признаний», выволокли полуживого подпольщика и продолжили допрос...

Три недели пытали Екимова. Три недели подпольщики ждали начала массовых репрессий.

Ничего не добившись, гитлеровцы умирающего Григория вернули в Бухенвальд. Его было трудно узнать. На теле не оставалось места, где бы не было кровоподтеков и синяков. Подпольщики уложили героя в больницу, старались сделать все возможное, чтобы спасти ему жизнь. Антифашисты различных национальностей восхищались русским коммунистом. В больницу тайно приходили многие узники и с благодарностью отдавали Григорию лучшие продукты из своих посылок. Ведь это благодаря его мужеству и стойкости Бухенвальд спасен от кровавой бани...

Спасти жизнь героя оказалось невозможно. Все усилия врачей были тщетными.

Бурзенко дежурил у кровати товарища, не отходя ни на минуту. На третий день Григорий Екимов ненадолго пришел в себя. Он открыл глаза и прошептал окровавленными губами:

— Ну что вы так смотрите на меня?.. Не надо... Мы снова вместе... Что-нибудь делайте... Пойте!

Николай Симаков отвернулся и украдкой вытер слезу. Бурзенко, подавив волнение, осторожно взял руку Григория и шепотом запел:

Вставай, проклятьем заклеянный
Весь мир голодных и рабов...

Подпольщики обступили кровать героя, обнялись и, смотря на просящееся лицо умирающего, дружно чуть слышно пели:

Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой...

В палату вбежал Гельмут Тиман.
— Что вы делаете? Больному нужен воздух и покой...
Отойдите!

Но его никто не слушал.

Выглянув в дверь и что-то сказав дежурным, Тиман вернулся к кровати Екимова. Он обнял за плечи Симакова и Баклаиова и стал тихо подпевать по-немецки:

Это есть наш последний
И решительный бой...

Екимов дышал прерывисто. Жизнь покидала его.

Собрав остаток сил, он прошептал:

— Если бы у меня было две жизни... я бы, не задумываясь, отдал их Родине... Ведь мы — русские... Леницы!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Зеленые решили, наконец, покончить с Андреем. Они натравили на русского боксера одного из главарей преступного мира, бывшего боксера-профессионала Вилли. Вилли обладал страшной силой. Для потехи эсэсовских офицеров помощник главного палача часто демонстрировал свое «искусство» в подвале крематория: с одного удара убивал узников. Вилли, или, как его называли зеленые, боксмайстер Вилли, считался одним из самых жестоких и коварных головорезов. Заключение Бухенвальда знали, что боксмайстер Вилли вместе с гестаповцами принимал участие в убийстве товарища Тельмана... И вот этот известный садист изъявил желание встретиться с Андреем.

О предстоящем поединке арнца с русским боксером уголовники раструбили по всему Бухенвальду. Они превозносили силу и мастерство немецкого боксмайстера и пророчили неминуемое поражение Бурзенко:

— Боксмайстер Вилли решил посчитать русскому ребра!

— Андрей, готовь гроб, боксмайстер Вилли убьет тебя, как котенка!

— Приходите смотреть, как боксмайстер будет демонстрировать класс бокса на живом мешке!

— Боксмайстер Вилли обещает показать такой нокаут, после которого уже не поднимаются никогда...

Подобными разговорами зеленые буквально преследовали Бурзенко. Они всюду, где только встречали Андрея, заводили «беседу» о предстоящем матче. Одни говорили сочувственно, другие — с сожалением, будто им жалко русского, третьи — со злорадством: посмотрим, как затрещат косточки непобедимого... Никто из них не сомневался в победе Вилли.

Сначала Андрей отмалчивался, насмешливо улыбался, но постепенно его стала охватывать злоба и негодование.

Он весь проникся одним желанием: устоять, победить...

Посмотреть встречу Вилли с Андреем Бурзенко собралось несколько тысяч узников Бухенвальда. Над тесными рядами сидящих на земле зрителей проиесся одобрительный гул, когда Андрей появился на ринге.

Бурзенко прошел в свой угол и сел на табуретку. Гарри Миттильдорп, бессменный секундаит, старательно бнитовал кисти рук боксера.

— Не туго?

— Хорошо, — Андрей несколько раз сжал и разжал кулаки. — Пойдет!

Все ждали выхода боксмайстера Вилли. Уж больно много разговоров было о нем. Но тот не появлялся. Публика начала волноваться.

— Ты не обращай внимания, — Гарри шершавыми ладонями массирует мышцы рук Андрея. — Типичный профессиональный трюк! Хочет, чтобы ты понервничал.

Андрей, «обстрелянный» в Бухенвальде во многих встречах, старался быть спокойным. Он знал: сейчас перед ним должен появиться враг. Враг в образе боксера. И он должен его сразить, сразить во что бы то ни стало!

Приход Вилли зрители встретили коротким молчанием. Они с удивлением смотрели на ринг.

Через веревки перешагнуло что-то громадное, волосатое и устрашающее. Это был не человек, а какое-то звероподобное существо. Квадратное тело плотно сидело на жилистых волосатых ногах. Покатые плечи, длинные, свисающие до коленей, руки, покрытые буграми тугих мышц, волосатая выпуклая грудь. Лицо Вилли — большая, выступающая вперед челюсть, крючковатый нос, рот почти до ушей и маленькие, глубоко сидящие в глазных впадинах глаза — усиливало неприятное впечатление.

Вилли удивительно легкой для его грузного тела походкой направился в свой угол и протянул руки секундантам. Те с усердием стали натягивать и шнуровать боксерские перчатки.

Андрей смотрел на широкую спину боксмайстера, покрытую редкими рыжими волосами, и отвращение, возникшее в первое мгновение, переходило в негодование. Вот это животное, старательно растирающее подошвами боксерских ботинок скрипучую канфоль, является эссовским палачом, грозой Бухенвальда. Это он пытается политических заключенных в темных карцерах, ломая им руки и ноги, это он, в угоду своим хозяевам, для потехи, ударом кулака убивает неповинных людей, это он участвовал в зверском убийстве товарища Тельмана...

Одно упоминание о боксмайстере Вилли наводило страх на заключенных, а вид его приводил в трепет. Но Андрей не испытывал страха. Он не боялся палача. Он жаждал только одного — скорее схватиться с ним в центре ринга, скорее пустить в ход перчатки.

Судья на ринге, на этот раз уголовник, дал команду начинать состязание. Секундометрист проверил песочные часы и ударил в подвешенную железку:

— Первый раунд!

Боксеры пошли друг другу навстречу. И чем ближе они сходились, тем отчетливее становилась видна разница между ними. Рядом с громадной фигурой Вилли худощавый Андрей выглядел почти мальчиком.

Противники сошлись в центре ринга. Передвигаясь легкими скользящими шагами, они пристально следили друг за другом, следили за каждым движением, старательно выбирая мгновение для начала атаки.

Первым бросился вперед Вилли. Его прямые удары с дальней дистанции доставили немало хлопот Андрею. Ради сохранения сил Бурзенко вынужден был обороняться, активно обороняться. Но Вилли быстро приспособился к тактике Бурзенко. Обманивая ложными выпадами, Вилли удачно провел несколько ударов.

В первые же секунды боя Андрей понял, что перед ним опытный, коварный боксер, владеющий разнообразной техникой и всевозможными приемами. И победить такого будет трудно. Очень трудно.

Вилли, чуть наклонив квадратную голову, упрямо шел вперед, стремясь захватить инициативу. И это ему почти удалось. Андрей едва успевал отбиваться двумя руками: его встречные удары хотя и пробивали защиту боксмайстера, но не останавливали бурного натиска. Такого с Андреем еще не бывало. Он мысленно выругался и снова пытался сдержать, остановить натиск. Нет, не получилось. Вилли надвигался, невозмутимо спокойный и бесчувственный, как стена. И хотя Андрей наносил сам не меньше ударов, чем получал, он понимал, что инициатива ускользает из его рук. Вилли атаковал беспрерывно, осыпая русского боксера автоматически ровными, тяжелыми ударами, словно бросал на Андрея пудовые гири. И с каждой минутой тяжесть ударов усиливалась. Продолжать бой в таком темпе становилось очень опасным. Надо менять тактику!

Андрей, пригнувшись под бьющую руку, пытался приблизиться к волосатому телу Вилли, сойтись с ним на ближней дистанции. Уж тут-то он покажет ему! Но Вилли умело избегал сближения и продолжал осыпать русского ударами с дальней дистанции. Так он чувствовал себя хозяином положения. Длина рук создавала ему значительное преимущество.

Но Андрей все-таки заставил нациста принять ближний бой. «Ну, держись, боксмайстер!» — мелькнуло в голове Андрея, когда они сблизились и он пустил в ход свои излюбленные удары снизу, удары, от которых многие побывали на полу.

Однако на этот раз его надежды не оправдались. Вилли, только что старательно избегавший сближения, с удовольствием принял бой на короткой дистанции. Обдавая Андрея горячим дыханием, он интенсивно работал руками.

Уголовники вне себя от восторга: наконец-то собою спесь с проклятого русского! Наконец-то кулаки доблестного арнца утверждают превосходство высшей расы! Зеленые, обступившие со всех сторон ринг, шумели, гудели, торжествовали. Выкриками, свистом, аплодисментами приветствовали они каждый удачный маневр Вилли, каждую удачную атаку.

— Рус, ложись!

— Капут!

— Сдавайся!

Политические тревожно молчали. Даже самые несведущие в спорте понимали, что на ринге творится что-то неладное. Этот бой не похож на все предыдущие. Андрей торопливо отступал. Андрей избегал сближения. Андрею приходилось туго... И никто из друзей не может ему помочь. Тысячи взглядов скрестились на русском боксере. Держись, Андрей!

Удар гонга развел противников. Положив отяжелевшие руки на упругие веревки, Андрей широко открытым ртом жадно глотал воздух. Гарри Миттельдорп торопливо вытирал мокрой тряпкой воспаленный лоб и грудь боксера.

Встреча, судя по первому раунду, складывалась не в его пользу. Это Андрей уже понял. И напрасно Гарри шепчет успокаивающие слова, ободряет. «Нет, друг, ты же сам отлично понимаешь, что я сегодня проигрываю», — думал Бурзенко.

Конечно, будь эта встреча не в концлагере, а на воле, еще неизвестно, кому бы из них присудили победу! Но здесь, когда вокруг ринга кровавые лица врагов, когда эти враги являются и судьями поединка, здесь нечего рассчитывать на объективную оценку, на справедливое судейство. Выиграть бой даже по очкам ему все равно не удастся. Немецкие уголовники сделают все, чтобы он проиграл.

В этом, почти безвыходном, положении успех может принести только явное преимущество или нокаут, чистая победа. Но как добиться ее, когда инициатива ускользает из рук? Как бросить противника на землю, когда он превосходит в весе почти на двадцать килограммов? Трудно думать о победе, когда еле успеваешь защищаться.

Второй раунд был таким же, как и первый. Андрей,

избегая сближения, уходил от боксмайстера шагами в сторону. Защищался отскоками, уклонами, парировал тяжелые удары подставками и отбивами. А мозг напряженно работал, анализировал ход боя, распутывал паутину атак, которую плел искусный враг. Глаза Андрея фиксировали каждое дыхание, каждый взмах руки, поворот корпуса, движение ног фашиста. У него, кажется, нет промахов! Он бьет, умело защищаясь, и, не забывая об опасности, атакует. Его атаки стремительны, но не сумбурные, удары резки, но не торопливы. Где же выход? Где же ключ к победе? Неужели у этого зверя нет уязвимого места?

В третьем раунде Вилли все также наседали и бомбардировали Андрея тяжелыми ударами. Он упрямо шел вперед. Но в его действиях начала появляться какая-то нервозность. Упорство русского стало раздражать Вилли. Он не привык, чтобы его жертвы защищались.

В разгаре поединка Вилли ударил Андрея открытой перчаткой. Он целил в лицо, но Бурзенко успел защититься и подставить плечо. На плече, словно кровавая печать, вспыхнули багровые полосы. По правилам бить открытой перчаткой не разрешается: за такой запрещенный удар судья обязан наказать виновника. Андрей выразительно взглянул на судью, но уголовник сделал вид, что ничего не заметил.

Пытаясь скорее сломить сопротивление русского, Вилли стал все чаще применять запрещенные приемы: бил открытой перчаткой, локтем, наносил удары по затылку и ниже пояса. Из толпы зрителей, особенно из задних рядов, раздавались негодующие выкрики. В минутный перерыв судья вынужден был подойти к Вилли и сделать ему дружеское замечание. Помощник палача, разгоряченный боем, вспыхнул. Ему осмеливаются указывать! Он вскочил и коротко размахнулся. Судья, подброшенный сильным и точным ударом, свалился под натянутые веревки.

Переступив через судью, Вилли медленно двинулся к русскому.

Начался неравный бой. Бой без судьи, без ограничения времени, без правил.

Бурзенко парировал два прямых удара и, не принимая ближнего боя, отскочил в сторону. Отскакивая, он успел нанести Вилли короткий удар снизу по корпусу.

Андрей вел бой. Он защищался и контратаковал. Его точные прямые удары доставляли много хлопот нацисту. Благодаря им Андрей все время не допускал к себе взбешенного помощника палача. Тот упрямо лез вперед, стремился сблизиться, чтобы пустить в ход не только кулаки.

«А что, если?..— мелькнула в голове Андрея дерзкая мысль.— А что если попытаться усыпить бдительность Вилли, заставить хотя бы на мгновение ослабить защиту?..» Но Вилли опытный и коварный враг. Чтобы усыпить его бдительность, нужно большое самообладание и выдержка, нужно хотя бы несколько ударов принять на себя, а иначе он не поверит. А если принять удары, дать им достигнуть цели, где гарантия, что они не потрясут, не подорвут те силы, которые будут так необходимы в решающее мгновение? Сможет ли Андрей сохранить в таком бурном темпе необходимую энергию для сокрушающего удара? Но сейчас спасти Бурзенко может только решающий удар.

Кровь стучит молоточками в висках Андрея, во рту пересохло, липкий пот застилал глаза. Другого выхода нет... И он решился: пан или пропал! Он пошел на сближение. Вилли принял это как должное.

Мобилизуя все свое мастерство на защиту от сильных ударов, Бурзенко стал все чаще и чаще задерживаться в ближнем бою. Задерживаться, но не для ведения боя. Едва только они сближались, едва только Вилли готовился обрушиться на Андрея град коротких ударов сверху, он прижимался к врагу вплотную и обнимал его, буквально повисал на нем. Вилли сначала останавливал бой, пытаясь стряхнуть русского, потом стал грубо отталкивать.

— Вилли, давай! — вопят зеленые.

— Добивай!

Но Вилли не торопился. Он еще не верил в «усталость» Андрея. Быстро работая руками, Вилли слегка открывал свой подбородок. Он делает вид, что, забываясь в пылу схватки, открывает подбородок.

Подбородок открыт. Он рядом! Но Андрей, сдерживая искушение, медлит, не бьет. Он знает — это прием. Он видит — это испытание. Стоит только сделать малейшее движение, угрожающее подбородку, стоит только начать атаку, как тут же встретишь на своем пути перчатку Вилли. Ведь не напрасно тот перенес вес тела на левую ногу,

а правую, облегченную, поставил на носок! Малейшая опасность — и Вилли легким толчком перенесет вес тела на другую ногу, что даст ему возможность сделать отклон назад или в сторону.

Андрей сдержал себя. Он не бросился вперед, чего так страстно ждал Вилли. Русский мастер продолжал защищаться, отвечать ударами, словно он не заметил открытого подбородка. Бурзенко всеми действиями старался показать, что устал и думает только о защите. Ему бы лишь продержаться, не попасть под рычаги Вилли.

Вилли презрительно улыбнулся. В его зрачках вспыхнули зеленые огоньки. Он стремился загнать русского в угол ринга. Там он покончит с ним!

Андрей, прижатый к веревкам, отчаянно защищался. Но противстоять натиску не мог. Вилли наседали.

Зеленые бурно выражают свой восторг. Они скандируют хором:

— Вил-ли! Гут-гут!

Атаки немца следовали одна за другой. Он рвался в ближний бой и в азарте стал забывать, даже пренебрегать защитой.

Андрей этого только и ждал. Была не была! Он сделал вид, будто сейчас снова поспешно отступит. Чтобы противник поверил в это, Андрей поступил так, как обычно защищаются при отступлении. Он наложил предплечья на руки противника, и тот не в состоянии был ударить. Вилли, поняв этот маневр, тоже решил отскочить назад, а затем, спружинив, тут же снова всей тяжестью обрушиться на русского. Он не даст ему уйти!

И в тот миг, когда Вилли оторвался от пола, когда он на мгновение очутился в воздухе, Андрей сильно и резко, с поворотом всего корпуса ударил правой снизу в открытый квадратный подбородок...

В этот удар Андрей вложил все: последний сгусток сил и ненависти, жажду расплаты за погибших друзей и мст за подлое убийство товарища Тельмана...

То, что произошло на ринге, было для зрителей совершенно неожиданным. Вилли странно дернулся головой, на секунду окаменел и, словно подрубленное дерево, рухнул у ног Бурзенко.

На поле появилось необычайная тишина. Из задних рядов, расталкивая удивленных уголовников, к

рингу пробивались десятки русских военнопленных. Они спешили к Андрею, готовые по первому сигналу встать за него стеной.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

— Разойдись! Разойдись!

Из-за бараков выскочили лагерные полицейские. У каждого в руке была увесистая палка или плеть. Лагершутке не скупилась на удары. Узники быстро покидали поляну.

Несколько полицейских, растолкав политических, окружили Андрея. Бурзенко еще не успел переодеться. Он стоял в трусах и расшнуровывал перчатки.

Старший полицай огрел боксера палкой:

— Топай!

— Дай штаны надеть.

— Топай, тебе говорят! Шевелись!

Андрей, схватив одежду в охапку, стал искать глазами друзей. Но рядом их уже не было. Гарри Митгильдорпа, Мищенко и других политических погнали к баракам. Мищенко, закрывая руками голову, все время оглядывался на Андрея. Уголовники тоже бежали в сторону своих блоков.

Андрея толкали в спину, били палками и плетками. Его вели в карцер. Бурзенко шел злой, усталый и растерянный.

В полутемном карцере из всех углов веяло сыростью. Но Андрей ни на что не обращал внимания. У него кружилась голова, тошнило. Неравный поединок обессилил его. Предательская слабость разлилась по всему телу. Думать и соображать он не мог. В голове стоял какой-то неприятный звон.

Бурзенко устало подошел к деревянной койке и повалился на нее. Ему вдруг ужасно захотелось спать. «Надо бы хоть одеться», — сквозь дремоту подумал он, но так и не встал с койки. Он только снял боксерские перчатки и положил их под голову...

Он спал долго. Проснулся от странной тишины и лежал, не открывая глаз. Он догадывался, что уже наступило утро. Но почему-то не было слышно привычной суеты утренней побудки, не раздавалась ругань блокфюрера и его помощников.

Открыв глаза, боксер привстал от удивления. Где он? Как сюда попал? Андрей осмотрелся. Сквозь маленькое решетчатое окошко пробивается свет. Он лежит на голых досках грубой койки, накрытый ватным стеганым одеялом. Таким одеялом он не укрывался уже несколько лет. Перевел взгляд на дверь. Она массивная, окованная цинковым железом. И сразу вспомнилось все: вчерашний день, отчаянный поединок с Вилли, налет полицейских... Значит, он в карцере!

От этого открытия Андрею стало не по себе. Неужели зеленые хотят отомстить ему?

Андрей сел на койку. Рядом на табуретке оказалась еда. От изумления невольно вырвалось восклицание: перед ним лежал кусок вареного мяса, ломоть настоящего белого хлеба, кусок сахара и чашка с макаронами.

Что это значит? Если он действительно в карцере, то почему здесь теплое одеяло и такая еда?

Андрей читал в романах, что узников, приговоренных к смерти, перед казнью содержат в хороших условиях и дают самую лучшую пищу.

Аппетит сразу пропал. Андрей стал барабанить кулаком в дверь. Потом долго стучал ногами. Но никто не отзывался.

Устав, Бурзенко вернулся к койке, лег и закутался одеялом. Попробовал уснуть, но не смог. Хотелось есть. Вздохнув, он протянул руку и взял кусок мяса.

Николай Кюнг не спеша проходит вдоль колючей проволоки по аллее, отведенной для прогулок. Он смотрит на далекие горы, подернутые пеленой тумана, а сам думает об Андрее. Успели полицейские незаметно отвести боксера в больницу, в мертвецкую, или нет?

Вчера Рихард сообщил, что гитлеровская служба безопасности внесла номер Андрея в список узников, которых должны вызвать к третьему окошку.

По заданию центра Кюнг организовал «разгон» зрителей боксерского поединка. Полнцейским — политическим заключенным — удалось, не вызывая подозрений, доставить боксера в безопасное место. Однако зеленые

пронюхали, где находится Андрей, и сообщили дежурному офицеру. Тот велел схватить боксера. Послали двух солдат. Кюнг видел, как они протопали в сторону карцера...

Кюнг неторопливо шагал вдоль колючей проволоки. Он ждал. Рядом прогуливались узники. Их тоскливые взгляды обращены за ограду.

Из дверей больницы вышел полицейский. Кюнг приоткрылся — чех Владислав. Не спеша двинулся навстречу.

Когда они поровнялись, Владислав позвал Кюнга. Тот вытянулся по швам перед полицейским. На них никто не обращал внимания.

— Все в порядке, Андрей в подвале, — доложил шепотом Владислав и пошел дальше.

Николай Кюнг, не оглядываясь, направился в противоположную сторону. Он улыбался. Бурзенко уберегли от когтей гестапо! Недели две он проживет в мертвецкой, куда складывают трупы умерших от болезней. В этот подвал эсэсовцы никогда не заглядывают, — боятся заразиться тифом. А там видю будет...

Пробившиеся сквозь тучи лучи солнца выхватили из сумрака вершину далекой горы, которая зеленым колоколом величественно поднималась над своими меньшими собратьями. Николай Кюнг долго смотрел на вершину. Там, если идти вот так, на юго-запад, поднимаются еще более высокие горы — Альпы. Они украшены белоснежными шапками вечных льдов, а долины хранят тепло и наполнены солнцем. Там Швейцария, родина его отца, родина его предков...

Полвека назад молодой швейцарец, пастух Фредерик Фердинанд, носящий громкую фамилию древних вождей франкских племен Кюнггов, подрабатывал к русской помещице Софье Ивановой и, вместе с закупленным ею породистым скотом сементальской породы, прибыл на заработки в чужую снежную Россию. Прощаясь с родными, он уверенно говорил: «Не волнуйтесь, я еще вернусь. Соберу состояние и приеду!» Но состояния в России он не собрал. Домой вернуться тоже не пришлось. Встретилась ему на Смоленщине голубоглазая россиянка с длинной светлой косой и веселыми ямочками на щеках. И забыл Фредерик Фердинанд Кюнг свою далекую теплую родину, ждущих его родственников, друзей. Всего себя,

молодого, жизнерадостного, энергичного положил к ее маленьким, обутым в крестьянские лапти, ногам.

Ефросиния Кудряшова была такая же обездоленная, как Фердинанд. Обрусев, он стал Федором Ивановичем Кюнгом и навсегда полюбил холодную, но приветливую страну, родину любимой подруги, родину своих детей.

Октябрьскую революцию Кюнг встретили радостно. Она дала крестьянам землю, которой всегда так не хватало, дала свободу. Многочисленная трудолюбивая семья зажила счастливо. В доме появился достаток, дети пошли учиться, выросли. Сын Иван добровольцем ушел в Красную Армию, стал офицером-танкистом. Герман, горячий, страстный комсомолец, еще до войны уехал по комсомольской путевке на Дальний Восток строить новые города. Третий брат — Григорий — имел склонность к механике, его золотые руки много сделали для родного колхоза. А когда осенью 1941 года в село нагрянули фашисты и гитлеровцы предложили ему сотрудничать с ними, Григорий не предал своей Родины. Немцы сожгли его в колхозной бане...

За два года до начала войны молодой учитель истории Николай Кюнг был призван в армию и стал пограничником, служил в Брестской крепости. Он и его товарищи первыми приняли вероломный удар фашистской Германии, первыми встретили огнем гитлеровские войска. Но, смятые в неравном бою многочисленным сильным врагом, отступали, отчаянно защищая каждую пядь родной земли. Будучи уже пленником, Николай, не щадя своей жизни, боролся с фашистами.

Осенние прозрачные туманы поднимались из долины, окутывая горы. Кюнг смотрел на потемневшие вершины. Пусть живет в благополучии родина его предков, пусть тепло и солнце никогда не покидают ее плодородные долины. А он — гражданин великой Страны Советов — всеми узами связан с Россией. Его сердце принадлежит ей. И, если потребуется, он отдаст кровь по капле за эту свою настоящую родину.

Кюнг смотрел на далекие горы, а перед его глазами вставали смоленские леса, крепкие срубы, покрытые свежей смолой, крыльцо, на ступеньках которого обычно поджидали его сын и дочь — третье поколение Кюнгов. Николай крепко верил: настанет день, когда он вернется в родные смоленские края!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Наступила весна 1945 года. Фронт приближался к Берлину. Один за другим падали гарнизоны германских городов. Советские войска стремительно двигались вперед. Час возмездия пробил! Мертвая петля сжимала гитлеровскую империю. Теперь уже никто не сомневался в крахе проклятого третьего рейха.

Гитлеровцы метались между наступающими советскими войсками и армиями союзников. Они торопились замести следы кровавых злодеяний. Панический страх перед неотвратимо приближающейся расплатой еще больше ожесточал людоедов двадцатого века. За годы хозяйничанья в странах Европы они много «поработали», выполняя пресловутый гитлеровский план «обезлюдивания». Миллионы людей встретили свою смерть под дулами автоматов или в лагерях смерти. Миллионы людей превратились в пепел. Многочисленные братские могилы покрыли поля. Но, несмотря на безудержный террор и массовые истребления, в концентрационных лагерях и тюрьмах все еще находились сотни тысяч пленников. В эти дни, дни предсмертных судорог, перед главарями фашистского рейха встал сложный вопрос: что делать с уцелевшими заключенными? И в тюрьмах энергичнее загремели автоматы, начались массовые расстрелы политических. По приказу Гиммлера из Освенцима, Дахау, Гросс-Розен и других концлагерей узников поспешно эвакуировали в Тюрингию, направляли в Бухенвальд.

В Бухенвальде день и ночь работала «машинна уничтожения». Крематорий не успевал сжигать тела умерщвленных. Между тем колонны измученных людей все прибывали и прибывали.

Жуткие сцены разыгрывались на центральной площади. Тысячи узников, обессиленных многодневными переходами, проходили «естественный отбор». Эсэсовцы ударами палок и прикладов заставляли их перебегать стометровую площадь. Многие несчастные были настолько изнурены, что не могли пробежать это расстояние. Они падали на мощенные камни площади. Падали и вставали на четвереньки, пытались ползти... и снова падали.

— Шнелы! Шнелы! — эсэсовцы пускали в ход дубинки и приклады.

Над аппель-плацем гремели выстрелы, звучал истери-

ческий хохот фашистов, раздавались леденящие душу вопли умирающих...

К вечеру все затихало. Рапортфюрер вызывал через микрофон специальные команды бухенвальдцев:

— Транспорт «Ганс»! Немедленно к воротам!

Узники из команды «Ганс» убрали еще не остывшие тела, грузили их на тележки, отвозили в крематорий...

Вновь прибывших, как правило, первые дни не ставили «на довольствие». Голод безжалостно косил людей. По призыву подпольного интернационального центра заключенные собирали продукты в фонд помощи. Каждый узник добровольно отдавал часть своей мизерной пайки суррогатного хлеба, отливал в бачок по ложке брюквенной баланды. Собранные продукты тайком переправлялись в карантинные бараки.

Трудно было остаться равнодушным, видя, как новички дрожащими руками делят между собой эти драгоценные кусочки черного хлеба и бачки с баландой. Истощенные люди со слезами на глазах выражали благодарность своим неизвестным товарищам.

Вечером десятого февраля 1945 года в Бухенвальд пригнали более четырех тысяч узников из концлагеря Гросс-Розен. Полуживые скелеты медленно двигались к воротам Бухенвальда, неся на руках обессиленных и умерших.

Электрический свет еще не включили, и площадь освещали багровые языки пламени, вырывающиеся из трубы крематория. И на фоне этого дрожащего полусвета брели человеческие тени по пять человек в ряд, заполняя широкую площадь.

Размещать прибывших было некуда, и староста Бухенвальда политзаключенный Ганс Эйден доложил коменданту:

— Герр полковник, концлагерь переполнен. В бараках мест нет.

Полковник СС Пистер усмехнулся и тоном, не терпящим возражения, холодно бросил:

— Пока ворота открываются, лагерь переполненным считать нельзя!

Баня не работала — испортился водопровод. Однако эсэсовцы вызвали первых пятьсот узников, велели им раздеться, загнали в холодный цементный предбанник и

продержали там три дня. Остальных выстроили на площади под открытым небом. Люди падали прямо в грязь, на камни и засыпали. Ночью ударили заморозки, пошел снег. К утру площадь стала белой. Тщетно эсэсовцы пытались палками поднять на поверку охваченных апатией людей. По приказу лагерфюрера Шуберта со сторожевых вышек открыли огонь. Несколько минут трассирующие пули дождем сыпались на площадь. Белое покрывало зашевелилось. Живых погнали на «медосмотр»; а тысяча триста шестьдесят семь человек остались лежать на площади...

Мищенко — он в этот день имел освобождение от работы по «болезни» и находился в лагере — был свидетелем страшной трагедии. Он прибежал в барак и позвал Андрея.

— Скорее на площади!

На аппель-плац их не пустили полицейские. Но и от туда, где они стояли, было всё хорошо видно.

— Смотри и запоминай. Чтоб потом припомнить гадам.

У Андрея сжалось сердце. Перед баней узников заставили раздеться и выстроиться. Люди были настолько истощены и обессилены, что если кто-нибудь из них присаживался, без посторонней помощи уже не мог подняться.

Пришел главный врач Бухенвальда майор Говен. Начался «медосмотр». Узники вереницей стали двигаться перед Говеном. Тот решал их судьбу. Одним он бросал слово «лагерь», другим — «крематорий».

Обреченных на уничтожение построили в колонну. Прозвучала команда «Марш!», и несчастные, по пять человек в ряд, двинулись в свой последний путь. Они шли и, чтобы не падать, держали друг друга под руки. Шли медленными шагами, голые. Шли сами, без конвоя, прямо во двор крематория.

Андрей с ужасом всматривался в их лица. Неужели они не знают, куда идут? Серые лица выражают одно: тупое равнодушие. В широко открытых глазах — пустота. Так шли они вчера по этапу, так сегодня идут в крематорий...

И вдруг в этой равнодушной толпе живых трупов Андрей увидел человека, который плакал. Он не мог идти сам и висел на руках товарищей. Видимо, разум у него

еще не погас. И смотреть в глаза, из которых текли слезы, было тяжело. Андрей не выдержал. Он бросился к колонии. Он хотел спасти плачущего.

Мищенко едва успел удержать боксера.

— Захотел в крематорий?

— Он еще жив. Ты разве не видишь? Он плачет!

— Их не спасешь. Уйдем, а то полиция уже шагает сюда.

Колонии голых узников, бредущих в крематорий, и беззвучно плачущие глаза долго преследовали Андрея, сиялись чуть ли не каждую ночь.

В Германии шла очередная «тотальная мобилизация». Нехватка пушечного мяса заставила нацистов призвать в армию всех мужчин, способных носить оружие, начиная с пятнадцатилетнего возраста. «Тотальная» коснулась и концлагерей. В первых числах марта по приказу коменданта Бухенвальда на площади выстроили несколько тысяч немецких уголовных преступников. Большинство из них за свои преступления были осуждены на пожизненное заключение.

Перед строем зеленых, служивших опорой эсэсовцев, с пространной речью выступил сам Пистер. Его нацистские завывания, слова о верности фюреру, о любви к Великой Германии и непобедимости высшей, арийской, расы зеленые встретили довольно равнодушно. Зато они радостно приветствовали приказ, подписанный рейхскомиссаром Гиммлером, в котором сообщалось, что им, чистокровным арийцам, великодушно прощаются все прошлые грехи перед Германией и именем непобедимого великого фюрера даруется свобода.

Ударил литавры, загременил барабаны. Сводный оркестр, составленный из заключенных, протрубил фашистский гимн.

Едва зеленые успели выразить свою признательность, как на их голову обрушился новый приказ. Лагерьфюрер Шуберт торжественно зачитал официальный документ, из которого явствовало, что бывшие преступники, освобожденные из концлагеря и получившие гражданские

права, призываются, согласно параграфам тотальной мобилизации, в ряды гитлеровской армии.

Комендант поздравил зеленых со вступлением в непобедимую армию. «Призывники» же не высказывали особого энтузиазма. Они отказались аплодировать. Произошла неловкая заминка. Пистер нахмурился. Находчивый капельмейстер взмахнул палочкой, и оркестр грянул «Дейчланд, Дейчланд, юбер аллес», а потом песню «Хорст Вессель». «Торжественность» была соблюдена.

Новоиспеченных солдат тут же переодели. Лагерные полицаи, капо, надсмотрщики, форарбайтеры и просто бандиты без должностей нехотя стаскивали с себя привычные полосатые костюмы и угрюмо натягивали солдатские мундиры. Единственное, что их радовало, это оружие.

Батальоны уголовников провожали на фронт. На перекличке, перед самой погрузкой в вагоны, не обнаружили ефрейтора Олесса, бывшего старосту Бухенвальда, Громилу, Трумпфа и Черного Изверга. Захватив оружие, бандиты скрылись.

После освобождения зеленых и мобилизации их в армию в концлагере остались одни неблагонадежные: политические заключенные, военнопленные, партизаны и участники движения Сопротивления. Им прощения не было. Их ждала страшная участь: они обречены на уничтожение. В этом никто не сомневался. Подпольщикам, работавшим в канцелярии и имевшим связь с политическим отделом, удалось узнать о зашифрованном секретном приказе, подписанном Гиммлером. В нем говорилось, что «Коменданту концентрационного лагеря Бухенвальд штандартенфюреру Пистеру с получением сего приказа надлежит немедленно начать подготовку к ликвидации концентрационного лагеря: узников уничтожить, бараки сжечь. Для чего конвойным частям дивизии «Мертвая голова» передаются эскадрилья легких бомбардировщиков, тапки с огнеметами и взвод подрывников...»

Гиммлеровский приказ ошеломил подпольщиков: жизнь оставшихся в концлагере, судьба шестидесяти

тысяч человек практически предрешена! Кровавый приговор подписан. А некоторые узники наивно верили торжественному заявлению коменданта Бухенвальда о том, что «если в лагере будет соблюдаться порядок и дисциплина, он постарается без кровопролитий и репрессий официально передать всех заключенных командованию приближающейся союзнической армии и те сами решат дальнейшую судьбу каждого».

Подпольный штаб русской военно-политической организации под руководством подполковника Смирнова спешно разрабатывал варианты массового вооруженного восстания. Военные специалисты, склонившись над самодельными картами и располагая данными разведки, решали сложную задачу. В лагере находилось около шестидесяти тысяч человек, в большинстве немощных, истощенных до последней степени. А боевые подразделения подпольной армии не имели ни достаточного вооружения, ни запасов боепитания. Подпольщики знали о секретном приказе, знали, что Бухенвальд будет уничтожен. Знали, что уже идет подготовка к проведению чудовищного приказа в жизнь. Но заглянуть в сейф коменданта, проникнуть в штаб эсэсовской военной части «Мертвая голова» не могли даже самые отчаянные разведчики: эсэсовский штаб и кабинет коменданта находились под сильной вооруженной охраной. И военные специалисты подпольной организации мучительно размышляли: как будут нацисты приводить в исполнение людоедский план? Может быть, они готовятся организовать поголовный, массовый расстрел? Может быть, рассчитывают уничтожить людей сверху, налетом авиации, и после интенсивной бомбежки добить остальных из пулеметов? А может быть, планируют покончить одним ударом: забросать с помощью самолетов концлагерь боевыми отравляющими веществами, тут же пустить в ход огнеметы и все сжечь?

Двадцать шестого марта в одном из отделений секретного блока патологии должно было состояться чрезвычайное заседание подпольного интернационального антифашистского центра.

Перед уходом на заседание Симанов собрал руководителей русской военно-политической организации.

— Штаб подпольной армии считает, что выступать надо немедленно, не давая возможности эсэсовцам под-

готовиться к уничтожению концлагеря,— доложил Иван Иванович.— Вчера было еще рано, а через одну-две недели будет слишком поздно. Судьба шестидесяти тысяч людей зависит от того, кто быстрее, мы или эсэсовцы.

Начальник политотдела подпольной армии Сергей Котов сообщил о проделанной комиссарами политко-воспитательной работе:

— Мы в любую минуту готовы к бою. Люди жаждут борьбы!

Все единодушно поддержал мнение военных специалистов. Зачем ждать, когда гитлеровцы приступят к уничтожению концлагеря? Надо самим, с оружием в руках пробить дорогу к свободе!

А через несколько минут Николай Симаков и Степан Бакланов входили в блок патологии. В небольшом полутемном помещении, имевшем два выхода, собрались руководители подпольных организаций восемнадцати национальностей.

Первым взял слово Симаков и от имени русской организации поставил вопрос о немедленном вооруженном выступлении. Его поддержал руководитель чехословацких патриотов Квитослав Иниемаи.

— Мы считаем, что русские трезво оценивают обстановку. Мы поддерживаем предложение о вооруженном выступлении. Пришло время действовать.

Он обратился к Симакову:

— Бригада чехословацких патриотов, насчитывающая двадцать три боевых отряда, под командованием майора чехословацкой армии Войтека Ганзала, со всем вооружением, складами и припасами продовольствия с сегодняшнего дня поступает в распоряжение русской подпольной армии и готова выполнить любой приказ.

В бараке наступила тишина. Руководители многих национальных групп переглянулись: чехи больно торопятся.

За немедленное вооруженное восстание горячо высказался и представитель французских патриотов Поль Марсель. Командир французских отрядов Сопротивления полковник Фредерик Манес решительно заявил:

— Ждать больше нечего.

Руководитель польской организации, высокий, большоголовый, высказался против восстания:

— С оружием выступать еще рано,— убеждал он.—

Посмотрите на карту, на расположение Бухенвальда. Вот города Веймар и Эрфурт. К Эрфурту, после форсирования реки Рейн и прорыва фашистской обороны, устремились войска союзнической армии. Она, как нам известно, движется быстрее и, вероятно, первой, раньше, чем Советская Армия, достигнет Бухенвальда. Советские войска ведут тяжелые бои. Значит, тут много фашистских сил. Западный и Восточный фронты еще далеки от нас. Нельзя рисковать жизнью десятков тысяч заключенных. Поспешное выступление может оказаться роковым!

В состав антифашистского центра входила также большая группа немецких социал-демократов. Друзья Каутского и Шумахера, те самые, которые своей нерешительностью позволили Гитлеру захватить власть, продолжали и в концлагере свою трусливую политику. Противники революционных методов боялись открытой борьбы:

Мнения разделились. Разгорелись прения. Степан Бакланов несколько раз порывался встать, вступить в спор, но Симаков все время его сдерживал:

— Степан, спокойнее.

— Неужели они не понимают? Или никогда не держали в руках оружия, не воевали? Ведь все ясно, как дважды два!

— Степан, спокойнее.

После длительного обсуждения руководитель центра Вальтер Бартель поставил на голосование вопрос о немедленном вооруженном выступлении. Центр большинством голосов решил: выступить еще рано.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Под сильной охраной в Бухенвальд прибыл запломбированный эшелон. Когда открыли двери, ужаснулись даже эсэсовцы: во всех девяти вагонах — трупы...

Вызвали лагерфюрера. Майор Шуберт, зажимая нос платком, заглянул в один вагон и набросился на унтер-офицера конвойной роты:

— Зачем сюда везли? Не могли на дороге вывалить? У нас и без вашего хлама трупов достаточно!

Унтер, стоя навтыжку перед старшим офицером, виновато моргал короткими белесыми ресницами. Он и сам

не знал, что везет мертвецов. Кто мог подумать, что все узники околеют?

Шуберт прошелся вдоль эшелона и удалился. Через несколько минут по радио передали его приказ: всем узникам, работавшим на территории лагеря, немедленно явиться к воротам.

Андрей поставил в кладовку швабру и ведро и, на ходу вытирая руки, пошел на вызов.

У главных ворот каждому дали двухколесную тележку. Трупы свозили во двор крематория.

Из кармана одного мертвеца выпала бумажка. Андрей поднял ее, развернул.

«Нас эвакуировали из Освенцима, обещая счастья от красной заразы, подступающей к Кракову,— прочитал Бурзенко.— Но вот уже двенадцатый день, как нам не дают пищи... Бог видит наши страдания!»

Андрей спрятал записку в карман. «Передам Левшенкову,— решил он,— центр собирает документы о зверствах. За все, гады, заплатят нам сполна!»

Когда Андрей снова поднимался в вагон, его кто-то окликнул. Он обернулся и увидел Гельмута Тимана. Тот сделал знак рукой. Андрей посмеялся к нему.

— Ты должен мне помочь,— сказал Гельмут.— Давай тележку!

Бурзенко покосился на охранников и торопливо подкатил свою тачку.

— Стой здесь,— коротко бросил Тиман и скрылся в дверях вагона, в котором помещалась охрана.

Вагон был пуст. Конвоиры, уставшие в дороге, рассыпались по эсэсовскому городку, продавая и меняя награбленное добро.

Тиман высунул голову из вагона, осмотрелся и спрыгнул вниз. Андрей увидел, что он прижимал к себе ручной пулемет.

Бурзенко нагнулся к тачке и приподнял один труп:

— Кладн сюда.

Спрятав пулемет под мертвым, Тиман вторично полез в вагон и вернулся с двумя железными коробками. «Есть и патроны!» — радостно подумал Андрей. Поспешно надев ремни, он рванул тачку, почти не ощущая тяжести. Тиман, помогая, подкатывал тележку сзади и усиленно орал:

— Торопись! Шнелы! Шнелы!

Завидев поблизости эсэсовцев, он неистово ругал Бурзенко.

Они благополучно миновали первое оцепление, прошли ворота. Тимаи шепнул:

— Сворачивай к больнице.

Не успели они отойти от ворот, как из-за барачных вышла группа блокфюреров.

— Куда везешь, русская свинья? Забыл, где крематорий?

Побледневший Тимаи спокойным тоном возразил:

— Это не трупы, герр блокфюрер. Они еще дышат! Майор Говен приказал доставить в больницу.

Имя Говена произвело впечатление.

— Какого же черта вы медлите! — эсэсовец переменил тон. — Шевелись!

...Появление пулемета и патронов привело в неописуемую радость подпольщиков. Особенно радовался Бакланов.

В конце марта американские войска, наступавшие на Западном фронте, были задержаны возле города Эрфурта, в двадцати километрах от Бухенвальда. Союзническое командование недоумевало: до сих пор немцы, спасаясь от русского плена, сдавались большими группами, шли навстречу американцам форсированным маршем в полном боевом снаряжении. Города и оборонные объекты сдавались без боя, выбрасывались белые простыни. А тут — что-то неладное! — нацисты губительным огнем встретили американские колонны.

Американцы несколько раз проводили сильную бомбежку и артиллерийскую подготовку, но и после этого все атаки оказались безуспешными. Нацисты упорно оборонялись.

Триумфальное шествие американских войск срывалось. Они затоптались на месте, застряв почти на две недели на подступах к Эрфурту.

Командование американцев знало, что поблизости расположен крупнейший фашистский концентрационный лагерь Бухенвальд, лагерь смерти, в котором томятся около ста тысяч узников. Знало и то, что большинство

заключенных составляют антифашисты и коммунисты. Американские генералы, бесспорно, догадывались о том, что гитлеровцы намерены уничтожить узников. Именно поэтому так упорно удерживают нацисты подступы к Эрфурту, который является ключом к Бухенвальду. Однако, зная все это, американские генералы не приняли решительных мер, не развернули наступления, не оказали надлежащей поддержки узникам, жизнь которых висела на волоске.

Задержав наступление американских войск, нацисты не теряли напрасно время. Они лихорадочно готовились выполнить чудовищный план уничтожения Бухенвальда.

Эсэсовцы увеличили число пулеметов на вышках, окружили лагерь тремя огневыми кольцами — блиндажами, пулеметными и минометными точками. За рядами колючей проволоки установили гранатометы — «панцерфаусты». Панцерфаусты, установленные в двадцати метрах друг от друга, были готовы в любую минуту обрушить огонь на заключенных. А на каждой сторожевой вышке охранники получили в дополнение к имеющемуся оружию еще и «фаустпатроны». В гестаповской канцелярии под руководством коменданта лагеря срочно разрабатывались и уточнялись детали людоедского плана уничтожения заключенных. Приказ Гимmlера: «Все сжечь, все снести с лица земли» — претворялся в жизнь.

Из берлинской имперской канцелярии ежедневно по радио вызывали коменданта лагеря. В шифрованной радиোগрамме Кальтеибруниер нетерпеливо спрашивал: «Как идут дела?»

И всем, даже служащим, было ясно, какими «делами» интересуется высокое начальство.

Фашисты нервничали. Гимmlер требовал ежедневной подробной информации о проделанной «работе», торопил коменданта лагеря с приведением в исполнение зверского плана.

Комендант старался, как мог. Все эсэсовские части приведены в боевую готовность. План уничтожения, разработанный с немецкой аккуратностью и педантичностью, доведен до каждого подразделения. Часовые стрелки на главной башне концлагеря отмеряли последние часы жизни узников. Эсэсовские чиновники спешно покидали офицерский городок. Вместе со своими семьями они удирали в центральные области Германии.

Выполняя приказ имперского управления охранных отрядов СС, майор Говен ликвидировал Гигиенический институт, сжег архив и уничтожил все «вещественные доказательства». Лаборатория, диагностический кабинет, испытательные камеры превратились в склады одежды заключенных и старой мебели.

Уничтожая архив, майор не предал огню многие важные документы. Он спрятал в свои чемоданы, вместе с награбленным добром и драгоценностями, результаты многолетних секретных экспериментов на живых узниках. Он верил, что эти анализы и исследования будут высоко оценены заокеанскими коллегами.

Накануне отъезда из Бухенвальда Говен зашел к фрау Эльзе. Майор знал, что ее постигло большое горе: она потеряла мужа.

Генерал вооружения, наследный принц Вальден, тот самый, который приезжал с комиссией в Бухенвальд, не мог простить Коху его высокомерия и надменности. Принц следил за всеми действиями Карла Коха и ждал благоприятного момента, чтобы отомстить. Ему через своих агентов удалось узнать, что главный инспектор концлагерей на оккупированных территориях утаил огромное количество награбленного золота и драгоценностей, которое предназначалось к отправке в государственную казну. Против Коха начали судебное следствие. Имперское Управление охранных отрядов вынуждено было покончить с Кохом. Он был приговорен к смертной казни.

На вилле бывшего коменданта царил беспорядок. Слуги спешно упаковывали в просторные ящики мебель, картины, ценные вещи. На паркетном полу валялись осколки разбитой вазы, куски плотной оберточной бумаги, серебряный подсвечник и скомканные платья.

— Где фрау Эльза? — спросил майор у служанки.

Говен с волнением переступил порог комнаты, в которую мечтал попасть не в качестве гостя.

Фрау Эльза в черном траурном платье, но без скорби на лице сидела у небольшого столика и торопливо перебирала бумаги. Увидев Говена, она порывисто встала, откинула назад копну рыжих волос и, улыбаясь, протянула майору руки:

— Я рада вас видеть, дорогой доктор!

Майор осмотрелся. Возле двуспальной кровати на

тумбочке стояла ночная лампа, абажур которой он сразу узнал. Его в прошлом году сделал доктор Вагнер из татунрованной кожи трех русских моряков. На кровати лежало несколько сумочек и перчаток тоже бухенвальдского производства. Эти предметы, знакомые майору, придали ему смелости. «Мы должны уехать вдвоем», — подумал он и, решившись, твердо подошел к фрау Эльзе. Он предложил ей свою руку и сердце.

Фрау Эльза стала серьезной. Она задумчиво смотрела на майора и молчала.

— У меня большое имение, — Говен заглядывал ей в глаза, — там уже американцы, и мы будем в безопасности...

Вздохнув, фрау Эльза звонко рассмеялась. Говен с недоумением смотрел на нее.

— Чтобы содержать меня, герр майор, вам придется разориться...

Говен уехал один.

Дождь шел всю ночь. Тяжелые капли барабанили по крыше, стекали струйками по оконному стеклу. От дождя становилось еще тоскливее. Андрей вместе с товарщиками по барaku не спал. Они сидели возле стола, окружив двух узников — Юрия Ломакина и Володю Коваленко. Их с вечера поместили в барак, а утром они должны были пойти на казнь.

Москвич Юрий Ломакин, русоволосый, плечистый, рослый, с большими глазами, с опаленными бровями и ресницами, старается быть веселым. Но на его шутки узники не реагируют.

— Я же еще не покойник. Что вы все такие пасмурные, словно мух наглотался? Я не хочу видеть печаль и траур. К чертям собачьим!

Его друг, сын тульского оружейника Володя Коваленко, невысокий, щуплый, похожий на подростка, с багровыми ожогами на лице, хмуро сидит рядом.

— Перед самой войной я собирался жениться, — ска-

зал Ломакин. — Невеста моя живет в Москве, на Ленинградском шоссе. И если кому из вас удастся выжить, расскажите ей всю правду.

Юрий назвал ее адрес, пояснил, как найти квартиру, описал внешность девушки.

— Скажите ей, что любил я до последнего часа и с ее именем иду на смерть.

Андрей несколько раз повторил про себя адрес. Он мысленно поклялся, что, если уцелеет, обязательно разыщет эту девушку и выполнит последнюю просьбу товарища по неволе и борьбе. Бурзенко знал, что Юрия Ломакина и Володю Коваленко эсэсовцы привезли из филиала Бухенвальда — Мибау, — который расположен в нескольких десятках километров от главного лагеря. Узников этого филиала заставляли работать на военном заводе фирмы «Сименс-Шукерт-Гальске», поставлявшем радиоаппаратуру. В Мибау подпольщики организовали массовый саботаж. Рискуя жизнью, портили электроаппаратуру для нового немецкого орудия «У-1», для легких танков «Голиаф» и «Лилипут». Особенно много вывели из строя радиооборудования для управления снарядов «Фау-1» и «Фау-2». Жители Лондона должны поставить памятник отважным русским солдатам. Сколько тысяч жизней они спасли!

Производство нескольких месяцев — триста радиоаппаратов — забраковали и вернули из Берлина. Из гестапо нагрянула специальная комиссия. Улики были налицо, и никто из подпольщиков не ждал от нацистов милосердия. Собравшись ночью на совет, пленники решили дорого продать свои жизни.

Утром, когда их, как обычно, пригнали на работу в цех подземного завода, они по цепочке передали решение своего центра. И в обед, по сигналу руководителя Федора Сгибы, триста русских солдат неожиданно набросились на своих угнетателей, связали мастеров, охранников, надсмотрщиков, облили их и оборудование бензином и подожгли.

Пожар охватил несколько цехов. Он бушевал три дня. В его огне сгорели также и триста героев, решивших лучше умереть, чем попасть в лапы гестаповцев.

На тушение пожара гитлеровцы бросили пожарные команды близлежащих городов и воинские части. Им удалось вытащить из огня нескольких русских пленников,

в том числе Сгибу, Ломакина и Коваленко. Сгибу, после страшных пыток, повесили, а Ломакина и Коваленко привезли в Бухенвальд.

Глубокой ночью в барак пробрался Сергей Котов. Он долго беседовал с Ломакиным и Коваленко.

— Нам все равно крышка, — Юрий обратился к Котову, — дайте два ножа! Пусть все видят, как умирают русские.

Котов что-то сказал Мищенко, и тот ушел. Скоро Алексей вернулся и вытащил из-под полы два самодельных кинжала.

У Ломакина засветилось лицо. Он провел пальцами по лезвию:

— То, что надо!

Бурзенко сидел рядом и, не отрываясь, следил за Ломакиным. «Если придется умирать, — думал он, — я тоже буду вот так, как Юрий!»

— А как вы тут живете? — спросил Ломакин Котова. — Я первый раз в главном лагере.

Котов рассказал о подвиге Григория Екимова, о его мужестве и стойкости.

— Постой, постой, — Юрий остановил его, — Ты говоришь о Екимове? А разве он жив?

— Был жив.

— Его звали Григорием?

— Да. Ты его знал?

— Нет. Но слышал о нем.

— Это был настоящий герой!

— Еще бы! — воскликнул Ломакин. — Он вел себя, как подобает Герою Советского Союза.

— Да, за такие дела следует награждать званием Героя.

— Почему следует? — Юрий удивлению поднял опаленные брови. — Он и был Героем Советского Союза.

Узники поразились. Это было для них открытием. Андрей подался вперед. Неужели Григорий был Героем? Он об этом никогда не говорил.

Ломакин рассказал все, что знал о Екимове. Летом 1944 года, незадолго до пленения, он читал Указ Верховного Совета о присвоении старшему сержанту Григорию Екимову звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

— В нашей фронтовой газете «В бой за Родину» о

нем много писали, — добавил молчавший до сих пор Володя. — Даже стихн.

— Ты прочти их, — сказал Юрий. — Эти стихи Володя часто читал в нашем лагере.

Коваленко встал. Юношеское лицо его стало еще суровее:

Опять кругом метались копы дыма,
Под пулеметом высохла трава.
А враг все бил... И в этот час Екимов
Припомнил материнские слова.
Мать, провожая в бой, смахнула слезы:
«Иди, родной, будь смел в бою святом!»
Он ей поклялся — вынести все грозы
И отстоять в боях родимый дом.

Узники плотнее обступили Ломакина и Коваленко. Андрей жадно ловил каждое слово.

Разрыв, тяжелый визг и, значит, мимо...
Он поднял голову: залег поодаль взвод.
Тогда, взмахнув рукой, встает парторг Екимов
И к вражеской траншее в рост идет.

Коваленко умолк, улыбулся и сел на свое место. В бараке стало тихо. Было слышно, как по крыше монотонно барабанит дождь.

— А вы разве не знали? — спросил Юрий.

Котов отрицательно покачал головой:

— Думаю, что и сам Григорий об этом не знал. Ты когда читал Указ?

Юрий подумал и твердо ответил:

— В июле сорок четвертого года. Правда, Володя?

Коваленко подтвердил:

— Да, в июле. Сообщалось, что присвоено посмертно.

— Он был тяжело ранен, — задумчиво произнес Котов, — и попал в плен весной сорок четвертого. Выходит, он не мог знать про Указ...

Утром в барак пришли два офицера СС. Они увели Юрия Ломакина и Володю Коваленко. Узники долго смотрели им вслед. «Если будут вешать, то поведут в карцер и продержат до вечера», — подумал Андрей.

Но их повели мимо дверей карцера. Неужели опять в гестапо на допрос?

Нет, Юрия и Володю вывели из лагеря, провели мимо угловой вышки. Оттуда дорога шла к «хитрому домику».

— Вот вы куда, сволочи, ведете! — умышленно громко крикнул Юрий.

Эсэсовец, шедший впереди, остановился и широко замахнулся кулаком.

— Швайне! Лос!

На глазах у многих заключенных, работавших поблизости, Юрий Ломакни подскочил к офицеру:

— Я тебя... гад! — и, выхватив нож, в одно мгновение располосовал ему горло.

Владимир кинулся на второго. Но тот успел выхватить пистолет и выстрелил. Но Коваленко все же успел вцепиться в палача. Тот еще раз выстрелил, и Володя упал. Но тут подлетел Юрий. Он бросился, как тигр, на фашиста. Палач выстрелил в упор и вместе с Ломакниным свалился на землю.

Со всех сторон к месту сбегались охранники. С пистолетом в руках примчался лагерфюрер Шуберт.

Перед ним лежали два русских героя и два фашистских офицера. У одного перерезано горло, а второй, окровавленный, вопит о помощи.

— Машину! Врача! — закричал истерически Шуберт.

Гонцы побежали в больницу и в гараж.

В больнице врачи никак «не могли» собрать нужный инструмент и медикаменты. А у работавших в гараже заключенных мотор «не заводился».

Когда, наконец, подоспели медки, один офицер скончался, а второй истекал кровью...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Четвертого апреля, после утренней поверки, узников оставили в лагере. Ни одну команду не выпустили за колючую проволоку. Все работы прекратились. На территорию лагеря вошли эсэсовские патрули. В Бухенвальде объявлено военное положение.

Днем полковник Пистер собрал всех заключенных немцев и выступил перед ними с речью.

— Я располагаю сведениями, — сказал он, — что иностранцы, особенно русские, имеют оружие и собираются: во-первых, перебить всех немцев в лагере и, во-вторых, поднять восстание. Со своей стороны, я гарантирую вам жизнь, если вы, немцы, поможете мне, немцу, сохранить здесь порядок и дисциплину до последнего дня.

А вечером Пистер, вопреки обещанию «сохранять порядок», объявил приказ:

— Всем евреям немедленно со своими вещами явиться к главным воротам для эвакуации!

Лагерь пришел в движение: приказ означал начало массового уничтожения. Каждый заключенный понимал, что эвакуация — это смерть. У гитлеровцев почти не оставалось подвластной им территории. Германия задыхалась между двумя фронтами. Ее армии целыми воинскими подразделениями сдавались в плен. Куда же могли гитлеровцы эвакуировать шестьдесят тысяч человек? Только на тот свет. Они и торопились это сделать.

Подпольный интернациональный центр бросил клич:

— Все против эсэсовцев!

Последовал повторный приказ коменданта:

— Евреям к шести часам вечера выстроиться на аппель-плаце!

Узников охватила паника: сегодня берут евреев, завтра — русских, а потом остальных... Над лагерем стояли крики, мольбы, плач, проклятья... Евреи, а их за последние месяцы прибыло в Бухенвальд из различных концлагерей более двенадцати тысяч, прятались куда могли: забивались в дальние углы бараков под нары, лезли на чердак, запирались в уборных, спускались в канализационные трубы. Многие ложились в кучи мертвецов.

Заключенные других национальностей помогали евреям укрыться в надежных местах, давали им красные треугольники с буквой «R» — русские.

В пустом двенадцатом блоке антифашисты спрятали большую группу еврейских товарищей. Среди них было много врачей.

Андрей пробрался в двенадцатый блок, отыскал Соколовского.

— Идемте в наш барак. Там надежнее.

Но он отказался:

— Спасибо, Андрей, я останусь со своими.

Стрелки часов, установленных на главной башне, приближались к цифре «шесть». В отдельных блоках, где подпольные группы были малочисленными, забегали старосты и их помощники. Спасая свои шкуры, они стали дубинками выгонять евреев из бараков и гнать их на центральную площадь...

В сорок второй блок прибежал связной от подполь-

ного русского центра. Он отвел в сторону Мищенко и Андрея и передал приказ Ивана Ивановича: «Немедленно собирать своих людей и вооружаться всем, чем только можно. Центр принял решение: не допустить уничтожения евреев. Будьте готовы действовать. Возможно, сегодня ночью выступим. Ждите указаний!»

Приказ центра моментально стал известен всем русским. Советские военнопленные стали спешно вооружаться, доставать тайно припрятанное оружие: железные прутья, самодельные ножи, плоскогубцы, палки и камни.

К Алексею Мищенко подошел Альфред Бунцоль:

— Мы, немецкие коммунисты, хотим быть вместе с русскими.

— Спасибо, Альфред! — Андрей пожал руку немецкому товарищу.

Гарри Миттельдорп не отходил от Андрея. Он себя считал бойцом русского подполья.

— Вместе жили, вместе умирать будем!

К шести часам вечера на главную площадь выгнали не более восьмисот человек. Среди них было много узников других национальностей. Их «прихватили» для количества. Эсэсовцы окружили узников и вывели из лагеря.

Эвакуация провалилась. Впервые за всю историю Бухеивальда лагерь не выполнил приказ коменданта. Вызов брошен!

Быстро сгущались сумерки. Густой туман, словно мокрое одеяло, закутал Бухеивальд. С низины повеяло сыростью и холодом. В бараках никто не спал. Все ждали решительных действий охраны. Но со стороны эсэсовского города не доносилось ни звука. Выставленные наблюдатели сообщали одно и то же: на постах спокойствие. Но это спокойствие могло быть обманчивым...

Нервы узников натянуты до предела. Из подпольного центра поступило указание: «Не спать! Ждать!»

После полуночи в барак пришел Василий Логунов. Он проверил готовность группы, поблагодарил Алексея Мищенко за хорошую организацию. Потом вызвал Андрея:

— Возьми надежного парня и сбегай на кухню. Там приготовлен бачок баланды. Отнесете ее медикам. Только, чтоб ни одна душа не проиюхала.

— Есть, товарищ командир.

Андрей осмотрел своих друзей и остановился на Кур-

те. Кивнул ему. Курт понял с полуслова. Через полчаса они доставили в двенадцатый блок небольшой бачок, наполненный теплой брюквенной похлебкой, и шесть паек хлеба.

Соколовский отказался от еды, но Андрей настоял:

— Не обижайте товарищей... Они делятся с вами от чистого сердца.

Возвращаясь назад, Бурзенко и Курт неожиданно наткнулись на двух эсэсовцев. Они, награждая ударами, гнали перед собой пожилого узника.

— Шнель! Шнель!

Андрей и Курт прижались к стене. Когда гитлеровцы вступили в полосу света, Бурзенко ахнул: гитлеровцы вели Пельцера! Старый одессит качался, закрывая голову от сыпавшихся на него ударов.

Не раздумывая, Андрей рванулся на охранников.

— Назад! — крикнул Курт, но было уже поздно.

Андрей в два прыжка очутился рядом с гитлеровцами. Кулаки боксера без перчаток, тяжелые от гнева и ярости, обрушились на ненавистных палачей. Ударом в челюсть он сбил одного и повернулся к другому. Тот схватился за кобуру, но вытащить пистолет не успел. Кулак боксера описал дугу, и второй нацист, лягнув зубами, свалился.

— Бежим! — Андрей схватил Пельцера за руку.

Они благополучно достигли своего барака. Андрей отдал Пельцеру свою куртку, а его робу бросил в печь.

Но старый одессит отказался одевать куртку с чужим номером.

— Нет, нет... Могут и тебя вместе со мной...

— Одевай, тебе говорят!

Пельцер натянул куртку.

— Ложись на мое место!

Старый учитель полез на нары.

Медленно тянулось время. Ночь была бесконечной. В лагере ни звука. Евреи по одному и группами выбирались из своих убежищ и возвращались в бараки. Голодные, продрогшие, они жались друг к другу, радуясь теплу, свету и людям.

Перед рассветом посыльный принес новый приказ центра. Алексей Мищенко разрешил разойтись и лечь отдыхать.

Подпольщики нехотя разошлись. Андрей, не раздеваясь, лег рядом с Пельцером. Закрыв глаза, но сон не при-

ходил. Разве можно уснуть, когда кругом такая зловещая тишина?

Утро наступило сразу, по-весениему туманное и холодное. После подъема загремели репродукторы:

— Всем евреям быть к шести часам у ворот!

К воротам никто не пришел. На утренней проверке поднялся бунт. Еврей Курт Баум, который находился в заключении с 1935 года, набросился на блокфюрера и вырвал у него пистолет. Но выстрелить не успел. Подоспевшие эсэсовцы застрелили его. В поднявшейся суматохе с площади разбежалось около трех тысяч евреев.

Узников распустили. Не успели они разойтись, как в лагерь вошли все блокфюреры в сопровождении рядовых эсэсовцев. Они направлись к своим баракам.

Андрей с тревогой смотрел за оградой. Вдоль колючей проволоки появились вооруженные до зубов группы из охранного оцепления. На вышках оживление. На каждом посту усиленные наряды. А дальше, за проволокой, за вышками, в хорошо защищенных укрытиях, эсэсовцы торопливо устанавливали скорострельные пушки и минометы.

Блокфюрер сорок второго барака, узколицый пожилой саксонец, вызвал старосту:

— Построить всех! Живо!

Узники, как обычно, быстро выполнили приказ. Вдоль барака выстроились восемьсот человек.

Эсэсовцы с автоматами на груди и пистолетами в руках бесновались, пуская в ход кулаки и кованные сапоги.

Узники молча переносили оскорбления и побои. Рядом с Андреем Бурзенко и Алексеем Мыщенко плотной группой стояли подпольщики. Они с ненавистью смотрели на эсэсовцев, которые явно искали повода, чтобы открыть стрельбу. Стоит какому-нибудь отчаявшемуся узнику не вытерпеть, броситься к фашисту — и на лагерь обрушится вихрь свинца.

Блокфюрер прошелся вдоль строя и объявил:

— Всем евреям выйти из строя! Стать отдельно!

Строй зашевелился. Евреи, а их в бараке было около трехсот, в предчувствии страшного конца стали выходить

и стронься отдельно. Те, что посмелей, останься стоять в строю. Товарищи старались прикрыть их спинами.

Андрей закрыл Пельцера. Старый учитель был бледен. Его стал выталкивать польский националист:

— Ты что, юде, причешься? Пся крев, уходи отсюда!

Бурзенко рывком обернулся к националисту:

— Молчи, подлюга! Задушу!

Увидав его искаженное гневом лицо, негодяй судорожно метнулся в сторону.

Евреев отвел в сторону, выстроили. Их окружил эсэсовцы. Блокфюрер приказал остальным возвратиться на место. В тот момент, когда они стали входить в барак, многие евреи бросились к ним и смешались с общей массой узников. В строю осталось не больше половины.

Блокфюрер, потрясая пистолетом и дико ругаясь, требовал, чтобы евреи вернулись. Никто из барака не вышел. Тогда эсэсовец велел десятку русских, в том числе Андрею и Мищенко, охранять оставшихся насмерть перепуганных людей. А сам с солдатами направился в барак выскидывать разбежавшихся.

Евреи стали просить, чтобы их отпустили. Андрей посмотрел вопросительно на Мищенко.

Алексей махнул рукой: будь что будет! — и дал команду:

— Разойдись!

Все бросились врассыпную. На месте останься человек двадцать, обессиленных и изнуренных голодом. Они не могли передвигаться без посторонней помощи.

Тут возвратился блокфюрер, гоня перед собой двух евреев. А возле барака уже не было ни строя, ни оцепления. Только Андрей и Мищенко не успели скрыться.

— Каюк нам, — сказал побелевший Мищенко.

Андрей, стиснув зубы, застыл на месте. Деваться некуда. И наброситься на палача, чтобы умереть в бою, в схватке, нельзя: начнутся репрессии...

Блокфюрер, брызжа слюной, подошел вплотную, сунул руку в карман и... вытащил не пистолет, а две пачки сигарет! Он отдал их Андрею и Мищенко и, воровато оглядываясь, направился к воротам. Андрей понял, что среди фашистов есть уже такие, которые боятся гнева узников.

Всю ночь заседал интернациональный центр. Николай Симakov вторично поставил вопрос о немедленном воору-

женном восстании. Лидеры социал-демократов опять отклонили это предложение. Они обвиняли Симакова в авантюризме: «Вы, русские, всегда лезете вперед сломя голову!»

Предательская позиция социал-демократов была ясна. Они рассуждали так: в лагере много евреев, коммунистов, партизан, которых нацисты и будут стремиться уничтожить в первую очередь. А расправиться с тысячами не так просто. На это нужно время. Таким образом, пока гитлеровцы расстреляют коммунистов, к Бухенвальду подойдут войска союзников...

Русский центр был вынужден срочно разработать план самостоятельного вооруженного выступления. Военные специалисты считали, что надо выступать именно сейчас, пока с фронта не начали подходить отступающие немецкие войска.

Лидеры социал-демократов мобилизовали свой актив и всю ночь патрулировали по лагерю. Они открыто заявляли, что обратятся за помощью к эсэсовцам, если коммунисты «нарушат порядок».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Фашисты нервничали. За последние два дня с большим трудом удалось убрать из лагеря не более шести тысяч человек. Из Берлина одна за другой поступали угрожающие радиограммы — Гиммлер требовал скорее «покончить с делами». А Пистер не решался начать поголовное истребление. Он не надеялся на своих подчиненных, особенно на солдат. Большинство из них были людьми пожилого возраста и в случае бунта не смогли бы противостоять натиску заключенных. Комендант ждал военной помощи. Со дня на день должны подойти два эсэсовских полка и специальный батальон службы безопасности.

Штандартенфюрер опасался советских военнопленных. В них он видел сплоченный отряд, уничтожить который нелегко, и решил расправиться с русскими по частям. Шпионы и провокаторы сообщили, что наиболее сильное ядро составляют военнопленные, проживающие в деревянных бараках. Комендант дал приказ: «Приготовиться к эвакуации русским военнопленным, проживающим в трех деревянных бараках — первом, седьмом и трина-

дцатом, а также двум тысячам евреев из Малого лагеря!»

Наступил решительный момент. Надо было немедленно начинать восстание или выполнять приказ коменданта. И снова интернациональный центр большинством голосов социал-демократов высказался против восстания.

Симаков собрал членов русского центра.

— Товарищи, часть русских эвакуируют, — сказал он. — Из лагеря уйдет одна из четырех бригад подпольной армии. Она должна действовать. Командиры рот, взводов и отделений должны быть со своими людьми. Я предлагаю, чтобы вместе с бригадой пошли члены центра Симаков, Бакланов и Левшенков и возглавляли боевые действия. В лагере пусть останутся Смирнов, Котов и Кюнг.

Против этого предложения никто не возражал.

— Вопрос решен, — заключил Симаков. — Теперь, Степан, ознакомь товарищей с положением в нашем арсенале.

— Мы имеем в своем распоряжении одни ручной пулемет, восемьдесят семь немецких винтовок, около десяти тысяч патронов, девятьсот восемь пистолетов, сто пятьдесят две самодельные гранаты, более двадцати бутылок с самовоспламеняющейся жидкостью и пятьдесят ножиц для резки колючей проволоки, — доложил Бакланов. — Я считаю, что уходящие из лагеря должны взять пятнадцать пистолетов и двадцать-тридцать ножей. Кроме того, нужны карты и компасы. Остальное оружие останется в лагере.

Члены центра единодушно согласились с Баклановым.

— Перед бригадой, уходящей из Бухенвальда, стоит задача: при первом удобном случае разоружить охрану и начать активные действия на территории Германии или Чехословакии, — сказал командир подпольной армии подполковник Смирнов. — Если же бригаде не удастся выступить одновременно, надо организовать побег мелких группами. Эти группы должны пробиваться на восток, навстречу частям Советской Армии.

Слово взял Михаил Левшенков, возглавлявший отдел агитации и пропаганды подпольного центра.

— Дружья, нам предстоит расстаться, — взволнованно сказал он. — Как сложится наша судьба, сказать трудно. Но мы останемся до конца верными солдатами Родины. Мы дружно работали. На счету нашей организации много славных дел. Надо, чтобы о них узнали люди, когда

фашизм будет окончательно разбит. У нас есть ряд документов, отчеты о деятельности организации, листовки, прокламации, доклады и другие материалы. Все это мы оставляем вместе с оружием в Бухенвальде. Ответственность за сохранность документов предлагаю возложить на отдел безопасности.

Кюнг утвердительно кивнул.

— А теперь, друзья, давайте прощаемся,— Симakov встал и крепко обнял Ивана Ивановича.

Семьсот бойцов подпольной армии и две тысячи измученных евреев покинули Бухенвальд.

Комендант был доволен первым успехом. Он опасался, что русские окажут сопротивление и не пойдут на частичную эвакуацию, и на всякий случай поднял по тревоге всех солдат. Но все обошлось благополучно. «Надо, не теряя времени, продолжать действовать,— думал полковник.— Успех приносят быстрота и натиск!» Он вспомнил о предложении Густа и вызвал адъютанта:

— Передайте по радио, но только не в виде приказа. Нет! Просто сообщите: положение в лагере серьезное, и, чтобы избежать больших недоразумений и кровопролития, я, комендант Бухенвальда, хочу посоветоваться с лидерами политических партий. Прошу их собраться к двенадцати часам у главных ворот. Ясно?

Адъютант щелкнул каблуками.

— Будет исполнено, герр полковник!

— Это еще не все,— продолжал штаидартенфюрер.— Передайте в отдел службы безопасности и гестапо, чтобы там были наготове и ждали моего прихода. Как только я появлюсь в воротах, надо броситься на главарей и схватить их!

— Будет исполнено, герр полковник!

Комендант открыл кожаную папку и, взяв исписанный лист, протянул его лейтенанту:

— А этот список передайте Шуберту. На всякий случай. Если политические главари не придут, пусть вызовет каждого персонально.

К двенадцати часам эсэсовцы были наготове. Но к главным воротам никто не пришел. Тогда лагерфюрер

Шуберт приказал сорока шести политзаключенным явиться в канцелярию. Он пытался убедить, что вызывают их для «спасения и защиты от русских!»

Ему никто не поверил.

Шуберт, изрыгая ругательства, велел старостам барачных, в которых проживали вызванные сорок шесть узников, прибыть для объяснения.

Лагерь ответил молчанием. Блоковые не явились.

Вызов сорока шести лидеров различных политических партий и группировок встревожил интернациональный центр. Социал-демократы и другие умеренные активисты примолкли. Угроза гибели нависла над ними. И те, кто еще вчера обвиняли Симакова в «поспешности» и «авантюризме», сегодня засуетились. На свои национальные подпольные организации они надеяться не могли: сплоченности у них нет, военная подготовка отсутствует, их люди в основном привыкли вести словесные бои. А фашисты оказались чересчур жестокими, стремятся уничтожить всех. Деваться некуда. Интернациональный центр спешно пригласил на свое заседание подполковника Смирнова: «Мы все узники фашизма и должны действовать сообща. Залог победы — в нашем единстве. Все национальные организации поддержат русских в любом деле, в любой момент!»

Сорок шесть политических лидеров были разбиты на группы и спрятаны в русских бараках. В сорок втором разместили восемь человек: троих немцев, австрийца, англичанина, грека, голландца и польского еврея. Около умывальной комнаты подпольщики отодрали доски и открыли небольшой подпол. В нем, тесно прижимаясь друг к другу, укрылись лидеры. Доски установили на место, а сверху навалили тела умерших. Обстановка в лагере была столь напряженной, что мертвых не убирали из барачных.

Вечером пришел Кюнг. Он собрал в умывальной Андрея, Мищенко и других активистов и сказал:

— Если этих восьмерых эсэсовцы найдут, то расстреляют весь блок. Будьте осторожны. Оберегайте спрятанных товарищей. В случае появления охранников на-

падайте на них, начинайте драку, дайте возможность вашим подопечным скрыться.

Мищенко от имени блока заявил, что задание центра будет выполнено:

— Хотя бы ценой наших жизней,— заверил он.

Узники обсудили план действий, — распределили обязанности. Андрей стал во главе ударной группы. Она, в случае опасности, нападет на фашистов и любой ценой сдержит их. Тем временем Мищенко с другими подпольщиками уведут восьмерых товарищей в другое безопасное место.

Ночь и день прошли без особых происшествий. В лагере было тихо. Эсэсовцы большими группами ходили по баракам, искали исчезнувших лидеров. Однако найти их не смогли.

Глубокой ночью Андрей открыл тайник и выпустил спрятанных поесть и размяться. Гарри Миттельдорп принес небольшой бачок брюквенной балаиды и три пайки хлеба.

Польский еврей — голубоглазый, с энергичными чертами лица — знал русский язык и горячо благодарил Андрея:

— Мы этого никогда не забудем!

Остальные поддакивали и кивали головами. После «прогулки» они снова спрятались в убежище.

Томительно тянется ночь. Подпольщики держатся кучкой. Курят. Разговор не клеится. Собственно, и говорить-то не о чем.

Вдруг открывается дверь, и в барак входят двое. Один в форме лагерного полицейского, другой в полосатой куртке с красным треугольником.

Андрей и его товарищи насторожились. Ни того, ни другого они не знали. Что привело их в такой поздний час?

Полицейский подошел к Андрею и спросил:

— Ты знаешь этого человека?

Бурзенко отрицательно покачал головой.

— Нет, впервые вижу.

— Он шел к эсэсовцам, — полицейский понизил голос, — сообщить им, что у вас в бараке прячутся комитетчики, которых ищут. Он заглядывал в окно и даже видел, куда вы их спрятали.

Андрей растерялся. Кто этот узник в форме полицей-

ского? Говорит на чистом русском языке. Но русский ли он? Не провокация ли это?

Товарищи Бурзенко напряжению следили за разговором, готовые по первому сигналу ринуться на полицию.

Боксер поискал глазами Мищенко. Тот уже спешил к ним и издали улыбался полицейскому. Бурзенко облегченно вздохнул: значит, свой.

Полицейский сказал:

— Друзья, этот тип — шпион. Он выследил вас и направлялся к эсэсовцам. Я схватил его и, под предлогом уточнения, привел к вам.

Доносчика уничтожили. Андрей не спал до утра. Мучили сомнения: успел шпион сказать кому-нибудь о тайне или нет?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Солнечный апрельский день. От земли поднимается белый дымок. В воздухе стоит запах прелой прошлогодней листвы и первой зелени. Весна в полном разгаре. Почки на деревьях набухают и лопаются, протягивая к солнцу зеленые клейкие листочки — знамена жизни. Трава тонкими острыми пиками пробивает асфальт, протискивается между камней. Все живое стремится к теплу, к солнцу, все наполнено великой энергией жизни. И пятьдесят тысяч людей, заключенных в огромном мешке из бетона и колючей проволоки, хотят жить! Жить во что бы то ни стало! Свобода, о которой мечтали долгие годы, свобода во имя которой отдавали жизни в гестаповских тюрьмах, которой бредили умирающие от голода и побоев, эта радостная и солнечная свобода казалась такой близкой, такой доступной! Она рядом. Она протягивает мученикам свои руки, раскрывает ласково объятия.

В сырых и полутемных бараках Бухенвальда впервые за многие годы мук и страданий узники говорили не о прошлом, говорили о будущем. Жили не воспоминаниями, а мечтами. Каждый мысленно устремлялся далеко вперед, в свободное завтра.

— А что, парни, наверное, войны больше не будет, — мечтательно сказал чех Владек. — Повесим Гитлера, уничтожим фашистских гадов — и на земле наступит мир. Ведь это будет! Да!

Узники сидят в той половине барака, которая считается столовой, за грубо сколоченными столами. Завтрак давно съели, чашки убрали в шкаф. Но никто не встает со своего места.

— Нас отпугивали коммунизмом, Советами, — рассуждал Курт Гарденг, белокурый, широколицый баварец, — засорили нам мозги пропагандой: «Коммунисты хотят захватить весь мир! Мы, немцы, культурнейшая и просвещеннейшая нация, сумеем обуздать зарвавшихся коммунистов!»

— Еще бы! — заметил Андрей. — Теперь весь мир знает про фашистскую «культуру». Миллионы людей на своей шкуре ее попробовали.

— Гитлер вас крепко напропагандировал, — вставил Сергей Коионов, пограничник, высокий и худой, — в первые дни войны никак мы францев, немцев, то есть, понять не могли. Сколько раз, бывало, перебьем офицеров и кричим солдатам по-немецки: «Братиски, бей буржуев!» Думали: солдат — человек подневольный. Когда нет офицеров, он классовую сознательность проявить должен. Мы только к ним с открытой душой, а они — как жажнут из автоматов! Сколько добрых пограничников так зазря и погибло...

— Если останемся живы, клянусь тебе, Андрей, что ни я, ни мои дети не станут воевать с Россией, — Курт решительно положил свою ладонь на кулак Андрея. — Никогда!

— Мы хорошо здесь узнали друг друга и много поняли, — сказал Владек и, улыбаясь, предложил: — Принежьте все в Прагу ко мне в гости! И ты, Андрей, и ты, Курт!

— Нет, нет! — энергично жестикуюсь, вскочил Курт. — Сначала к нам, в Берлин! Так будет справедливо. Вы узнали о немцах пока самое плохое. Но мы сделаем все, чтоб показать вам и самое хорошее. Я не успокоюсь, пока каждый из вас здесь, в концлагере, за этим столом, не даст мне свое твердое обещание!

Эта дружеская беседа была прервана голосом дежурного эсэсовца:

— Всем старостам барачных немедленно явиться к воротам.

Через несколько минут семьдесят блоковых выстроились перед канцелярией. Вышел лагерфюрер Шуберт:

— По распоряжению рейхсфюрера СС Гиммлера лагерь надлежит эвакуировать в Дахау. К двенадцати часам заключенным выстроиться на площади с личными вещами. До Веймара все пойдут пешком, а там погрузятся в вагоны. Идите, готовьте свои бараки. Вы должны быть благодарны! Это ваше счастье, что лагерь эвакуируется!

Черная тень смерти нависла над Бухенвальдом. Интернациональный антифашистский центр единодушно вынес решение: на площадь не выходить.

Напрасно гремели репродукторы. В намеченное комендантом время на площадь никто не вышел. Было ясно: нацисты хотят собрать всех в одну колонию, вывести из лагеря и уничтожить.

Еще и еще раз передавался приказ коменданта. Но ему никто не повиновался. В Бухенвальде стояла гробовая тишина. Казалось, лагерь пуст.

Андрей шагал по блоку и напряженно думал. Как же так? Почему подпольный центр ничего не предпринимает? Почему не раздают оружие? Почему не дают сигнала о восстании? Чего ждать?

— В лагере эсэсовцы! Мотоциклисты! — сообщили наблюдатели.

И как бы в подтверждение этих слов раздались автоматные очереди. Видимо, нацисты решили оружием заставить узников подчиниться приказу коменданта.

Мищенко закрыл дверь:

— Тащи стол к дверям! Баррикадируй!

У входа в блок быстро выросла гора различных предметов. Войти через двери стало невозможным.

Из других бараков слышались вопли узников, шум мотоциклетных моторов, грохот автоматов.

В лагерь вошли все блокфюреры, более восьмисот эсэсовцев и толпа фольксдойчей — немецких ополченцев. Пьяные, вооруженные до зубов, они стали выгонять узников на площадь. Группа гитлеровцев подошла к 49-му барaku — большому двухэтажному каменному зданию. Окружив барак, эсэсовцы дали несколько очередей из автоматов по окнам и крыше. Часть пуль, отскочив рикошетом от стен, кого-то ранила, кого-то убила. В бараке поднялась паника. Заключенные — их было около восьмисот — ринулись к выходу, к узкой наружной лестнице. Началась давка. На лестнице образовался поток из жи-

вых тел, который катился вниз. В дверях возникла пробка. Лестница не имела перил. Люди срывались, летели вниз, разбиваясь насмерть.

Обезумевшие от страха узники с перекошенными лицами бегут на главную площадь. Паника охватила лагерь. Над Бухенвальдом стояли вопли, стоны, стрельба.

Нацисты сунулись и в сорок второй блок. Дверь содрогалась под ударами прикладов, но не открывалась. Лезть в окна эсэсовцы не отважились.

— Андрей! — Мищенко рванул Бурзенко за руку. — Ложись!

Едва боксер бросился на пол, как автоматная очередь прошла пулями нары, возле которых он стоял. Бурзенко с благодарностью посмотрел на товарища. Эсэсовцы дали несколько очередей по окнам. Зазвенело стекла.

В разбитые окна полезли немецкие ополченцы. У них на руках белые отличительные повязки. Не успели узники оглянуться, как в блок ворвалось не менее сорока фольксдойчей. Они с дикими ругательствами ринулись избивать заключенных.

Беззащитные люди метались по бараку, лезли под нары. Ополченцы дубинками выгоняли их, сбрасывали с трехъярусных нар. На полу появились лужи крови.

Фольксдойчи разбросали баррикаду и, распахнув дверь, стали выбрасывать узников.

Все это произошло так неожиданно, что фашистам не оказали сопротивления даже подпольщики. Но вскоре они пришли в себя.

— Бей гадов! — крикнул Андрей и, не ожидая команды Мищенко, первым бросился на ополченцев.

Началась свалка. На помощь Андрею кинулись все. Били фольксдойчев кто чем мог. Численное превосходство было на стороне узников.

Ополченцы, не ожидавшие отпора, сначала растерялись, а потом стали удирать. Упавшие молили о пощаде. Но их не слушали.

— Нам все равно погнать! Пока эсэсовцы подспеют, мы с вами, гады, разделаемся!

Заключенные, словно по команде, стали возвращаться в барак. Пожилой болгарин, с разбитой головой, полз на животе и кричал:

— Держитесь за русских! Они спасут нас!

Во время этой эсэсовской вылазки минометы, скоро-

стрельные пушки и крупнокалиберные пулеметы были в любую минуту готовы обрушиться на узников смертоносный огонь.

Большая группа подпольщиков попала на площадь, и ее могли угнать из лагеря. Надо было спасать их. Командир подпольной автороты из сорок четвертого блока Веннамин Шелоков пробрался в портняжную мастерскую и заготовил несколько десятков белых повязок. Несколько отчаянных смельчаков, надев их на рукава, отправились на площадь. Громко ругаясь, расталкивая встречных и поперечных, они стали уводить своих товарищей — «конвоировать» их в безопасное место. Эсэсовцы принимая подпольщиков за своих помощников.

Добрая треть тех, кого силой эсэсовцы с трудом выгнали из блоков и собрали на площади, были переправлены назад в бараки.

Все же около пяти тысяч узников вывели из лагеря и по дороге к Веймару расстреляли.

Ночью лагерь усиленно патрулировался охраной и ополченцами. То там, то здесь раздавались одиночные выстрелы.

На рассвете в барак пробрался Николай Кюнг с группой помощников — крепкими, волевыми ребятами. Они увели лидеров, которые все эти дни жили в подполье. Андрей и Мищенко вздохнули свободней. Огромная тяжесть свалилась с их плеч.

ГЛАВА Сороковая

Одиннадцатого апреля 1945 года борьба заключенных за срыв массовой эвакуации достигла высшей точки. Всю ночь в одном из помещений блока патологии заседал штаб восстания, возглавляемый Смирновым. На заседании присутствовал Вальтер Бартель, а также руководители различных национальных групп. Подпольщикам удалось узнать, что в пять часов вечера начнется уничтожение узников. С фронта подошли новые части. Огневая мощь охраны выросла в несколько раз. Бухенвальдцам оставалось безропотно ждать расстрела или умереть в бою.

После заседания Смирнов нашел Андрея и протянул ему новейший немецкий пистолет.

— Спасибо тебе от всей организации. А это—подарок от меня.

Андрей радостно схватил пистолет.

— А сейчас,— сказал Иван Иванович,— срочно приведи ко мне Соколовского. Надо готовить походный госпиталь.

Время тянулось томительно медленно. В два часа дня в барак вбежал запыхавшийся связной и передал Мищенко листок бумаг.

— Друзья, внимание! — Алексей поднял руку. — К нам обращается подпольный центр Бухеивальда! — Он развернул листок и стал громко читать.

— «Товарищи! Фашистская Германия, потрясая мир чудовищными зверствами, под мощными ударами Советской Армии и союзных войск рушится по частям. Вена окружена, войска Советской Армии наступают на Берлин. Союзники — в сорока километрах от Ганновера, взяты Зулль, Гота, идет борьба за Эрфурт.

Кровавый фашизм, окончательно озверевший от предчувствия собственной гибели, в предсмертных судорогах пытается уничтожить нас. Русскому военно-политическому центру достоверно известно, что уничтожение Бухеивальда назначено на семнадцать часов одиннадцатого апреля.

Но дни фашизма сочтены. Настал долгожданный час расплаты! Свобода, которую ждали годами, близка!

Товарищи! Командир подпольной армии советских военнопленных дал приказ: сегодня в пятнадцать часов, опережая врага, начать вооруженное восстание.

Все, как один, на борьбу за освобождение! Смерть фашистским зверям!

Будь проклят тот, кто в эти решительные минуты, забыв свой долг, спасует в последней и беспощадной борьбе.

Да здравствует свобода!»

Тишину разорвали пулеметные и автоматные очереди. Эсэсовцы с вышек начали обстреливать группы заключенных. Бойцы подпольной армии перебегают от угла к углу, стремятся к седьмому и восьмому бараку, к умывальне

Малого лагеря и возвращаются назад с завернутыми в одеяло винтовками. Из карманов торчат рукоятки пистолетов и ручки самодельных гранат. Лагерь пришел в движение. Каждый вооружался чем мог: куском железа, палкой, камнем.

Мищенко послал Андрея и Курта в распоряжение главного штаба.

— Вас туда требуют.

Андрея и Курта включили в ударный батальон, которым командовал Логунов. Перед ними стояла задача — овладеть главными воротами.

Ровно в пятнадцать часов раздался взрыв у угловых ворот. Это был сигнал. В то же мгновение электрик, немецкий антифашист, выключил главный рубильник и бросил самодельную бомбу в распределительную будку.

— Ур-а-а! — заключенные ринулись вперед.

Начался не обычный, жестокий бой.

Первым устремился на штурм главных ворот батальон сорок четвертого блока под командованием старшего лейтенанта Валентина Логунова. Слева действовали батальоны двадцать пятого и тридцатого блоков. Следом за ними выступили все четыре бригады русских и отряд чехословацких патриотов.

На подмогу бросились отряды немцев, французов, болгар и других узников.

Взят карцер. Выпущены заключенные.

Ошеломленные неожиданным нападением, эсэсовцы пустили в ход все имеющееся у них оружие. Над Бухенвальдом раздавался грохот взрывающихся фаустпатронов и снарядов, трещали пулеметы и автоматы.

Сняв проволочное ограждение, заключенные штурмовали сторожевые вышки, блиндажи, ворвались в эсэсовский городок.

Андрей с товарищами атаковали главные ворота, над которыми находилась сторожевая башня. Засевшие в ней эсэсовцы отчаянно оборонялись. Четверенный пулемет и пять автоматов сдерживали натиск восставших.

Бурзенко вместе с Куртом и Сергеем Кононовым короткими перебежками добрался до канцелярии, примыкавшей к главным воротам. Им нужно было забраться на крышу. Сергей вышиб окно и влез в помещение. Через минуту он подавал ящики от картотеки, стулья, крышки сто-

лов. У стены быстро росла пирамида. По ней первым полез Андрей.

На крыше боксер лицом к лицу столкнулся с Фрицем Рэем. Унтершарфюрер СС, в расстегнутом мундире, без фуражки, трусливо прятался за трубой, пытаясь незаметно ускользнуть с вышки. Заметив русского, Смоляк вскинул автомат. Андрей остолебенел. Вместо выстрела, послышался сухой щелчок. У эсэсовца кончились патроны.

— Подлюга! — Андрей бросился на Смоляка.

Тот взмахнул автоматом. Андрей ловко увернулся. Смоляк, потеряв равновесие, упал. Не удержавшись на покатой крыше, он покатился вниз. Андрей увидел перекошенное от страха лицо, грязные пятна на серой спине...

Рэй упал на виду у многочисленных заключенных. Не чувствуя боли, он судорожно вскочил.

— Смотрите, Смоляк!

— Уйдет гадина! — пронеслось над площадью.

— Лови!

Тысячи заключенных, забыв о смертельном свинцовом дожде, бросились вперед. Их вела лютая ненависть к одному из закоренелых фашистских зверей.

С главной башни ударили пулеметы. Эсэсовцы буквально косили повстанцев.

По черепичной крыше канцелярии Андрей, Курт и Сергей подобрались почти к самой вышке. Курт вытащил из-за пояса самодельную гранату с длинной ручкой.

— Дай-ка сюда! — Сергей, выдериув чеку, забросил гранату на вышку, словно мяч в баскетбольное кольцо. Граната, описав в воздухе дугу, опустилась за перегородкой пулеметной вышки. Раздался взрыв. Полетели щепки, кирпичи, осколки.

Стрельба прекратилась. А через минуту на вышке оказался эсэовец, махавший носовым платком.

— Сдаемся!

К главным воротам устремилась толпа бойцов. Андрей первым вскарабкался на башню, добрался до древка и одним рывком сорвал ненавистное полотнище с паучьей свастики. Разорвал его и швырнул вниз.

— Андрей, помоги!

Бурзенко повернулся и увидел Сергея. В его руках трепетало Красное знамя.

Они быстро прикрепили знамя к древку. Порыв ветра расправил его.

Красное знамя!

Над площадью проиесся радостный многоголосый крик:

— Ура-а-а!

Люди с восторгом смотрели на багряное знамя — знамя свободы.

А бой еще шел. Вооруженные повстанцы устремились к дачам и виллам своих палачей. Но там уже было пусто. Захватив ценности, они бежали. Бежал комендант, начальник гестапо, бежал Густ и другие фашисты. Шуберт даже успел захватить своих кошек...

В эсэсовском городе, на самой вершине горы Эттерсберг, восставшие атаквали казармы. Засевшие там гитлеровцы отчаянно защищались. Они вели губительный огонь. Атака захлебывалась...

В эти решающие минуты подпольщики во главе с Вениамином Шелоковым проникли в эсэсовский гараж. Их провели знающие путь немецкие коммунисты. Перебив охрану, смельчаки захватили три броневика. Взрвали моторы, и боевые машины двинулись к казармам. Это решило исход боя. Эсэсовцы выкинули белый флаг...

Взятие казарм открыло дорогу к складу оружия. Выломав двери, бухенвальдцы спешно вооружались.

Батальон сорок четвертого блока, вырвавшись из главных ворот, захватил штаб. Бойцы ворвались в кабинет коменданта. Там было пусто.

Вдруг зазвонил телефон. Логунов решительно снял трубку.

Говорили из Берлина:

— Как у вас идут дела? Закончили?

Логунов, усмехаясь, ответил:

— Да! Да! Заканчиваем!

* * *

Бухенвальд свободен!

На первых порах в это трудно поверить. Но репродукторы уже передавали приказ штаба восстания:

— Самосудов не чинить. Пойманных эсэсовцев не расстреливать. Каждый преступник будет отвечать за свои злодеяния перед судом народов...

К концу дня взято в плен сто пятьдесят эсэсовцев. Они трусливо жмутся друг к другу, со страхом посматривают на своих недавних пленников. Куда девалась спесивая самоуверенность!

Но эсэсовцы, оставшиеся за пределами лагеря, стали группироваться в лесу и повели самое настоящее наступление на Бухенвальд. Угроза уничтожения не отпадала.

В бою, в рукопашной схватке погиб Сергей Кононов. Он первым ворвался в гущу охранников, убил троих и сам упал, насквозь проколотый штыком...

Бои вспыхнули с прежней силой. Отчаянные броски недобитых эсэсовцев, пытавшихся ворваться в Бухенвальд, были встречены дружным огнем. Отбив атаки, заключенные бросились в контратаку. Взяли в плен еще восемьсот извергов в эсэсовских мундирах.

На улицах и площадях Бухенвальда, среди неубранных трупов, истощенные люди плакали от радости, смеялись, плясали, обнимали и горячо поздравляли друг друга.

Свобода! Можешь шагать, куда хочешь, делать, что хочешь. Нет над тобой ни контроля, ни дубинки, нет надсмотрщика, на тебя не уставлен черный глаз автомата. Перед тобой открыты все дороги. Ты свободен!

Бухенвальд ликовал.

Радио, включенное на полную мощность, разносило по всему лагерю передачу из Москвы. Несказанно радостно слушать родную Москву из репродукторов, всего несколько часов назад изрыгавших ругательства эсэсовцев. Передают концерт для советских воинов, мягкий женский голос поет незнакомую, но такую родную песню:

Хороша страна Болгария,
Но Россия лучше всех!

Андрей слушал, и душа его наполнялась светлой, солнечной радостью, гордостью и счастьем: здравствуй, Москва! Здравствуй, Родина!

Вооруженный автоматом, в солдатских ботинках, таких же, какие недавно он разнашивал для фашистов,

Андрей неторопливо прохаживался по площадке сторожевой вышки. Рядом Курт. Они в наряде, ведут наблюдение. Курт всматривается вдаль.

Вдруг он приподнимается на носки, глаза его становятся круглыми от удивления:

— Таики, — кричит он. — Таики!

— Где?

— Там, смотри!

Андрей смотрит на запад. В самом деле, на дороге показалась колонна бронированных машин.

— Это не фашистские...

— Американцы! — Курт восторженно машет руками.

Тысячи бухенвальдцев высыпали к дороге встречать войска союзников. Наконец-то! Ура союзникам!

Размахивая оружием, восставшие приветствовали таикистов.

Но что это? Танки, подходя к развилке дорог, повернули в сторону от Бухенвальда, будто бы союзники не знали о существовании страшного лагеря смерти, будто не замечали ожидавшей их толпы.

Поднимая пыль, бронированная колонна шла мимо тех, кто многие годы страдал, мечтая об освобождении.

Радость сменилась всеобщим недоумением. Как же так?

Грузные машины, не сбавляя скорости, прогрохотали мимо в направлении Веймара.

— В город спешат, — сказал Курт.

— Сволочи! — выругался Андрей.

Положение в Бухенвальде оставалось напряженным. Три дня и три ночи узники держали самооборону. Эсэсовцы с помощью недобитых фашистских войск несколько раз пытались овладеть концлагерем. Их отчаянные атаки следовали одна за другой. И только на четвертый день к Бухенвальду подошли войска союзников. Эсэсовцы отступили в лес. Многие сдались в плен.

В лагерь прибыли американские грузовики. Солдаты раздавали узникам пакеты с продуктами.

На широкой Бухенвальдской площади, на камнях, видевших страшные трагедии, политых кровью, в послед-

ний раз выстроились вчерашние пленники, антифашисты восемнадцати стран. Выстроились в прежнем порядке, побарачно, так, как стояли ежедневно многие годы. Пятьдесят тысяч человек, прошедших через муки и страдания фашистского ада, вышли на площадь отдать последний долг своим павшим товарищам.

Скорбно склоненные флаги. Звуки траурного марша.

Траурный митинг открывает Вальтер Бартель. Один за другим на трибуну поднимаются ораторы. Они говорят об одном: о ненависти к фашизму.

Выступает подполковник Смирнов. Весенний ветер треплет его волосы, помогает развернуть исписанный лист бумаги. Ветер далеко разносит его слова, слова клятвы, которую мысленно повторяют тысячи людей, заполнившие площадь:

— Мы, антифашисты, бывшие политические заключенные концентрационного лагеря Бухенвальд, собрались на траурный митинг, чтобы почтить память наших товарищей, умерщвленных фашистской бандой в Бухенвальде.

Пятьдесят шесть тысяч расстрелянных, повешенных, удушенных в газовой камере, замученных голодом, отравленных, умерщвленных и сожженных в крематории.

Пятьдесят шесть тысяч отцов, мужей, братьев, сыновей приняли мучительную смерть потому, что они были борцами против фашистского режима убийц!

Пятьдесят шесть тысяч матерей, жен, детей вызывают к мести!

Мы, бывшие политические заключенные Бухенвальда, представители восемнадцати стран, совместно боролись против эсэсовцев, против нацистской банды. И эта борьба еще не закончена! Гитлеризм еще окончательно не уничтожен на земном шаре! Еще находятся на свободе наши мучители-садисты. Поэтому мы клянемся перед всем миром, на этом аппель-плаце, на этом месте ужасов, творимых фашизмом, что мы прекратим борьбу только тогда, когда последний фашистский преступник предстанет перед судом Правды!

Уничтожение фашизма со всеми его корнями — наша задача! Это наш долг перед погибшими товарищами, перед их семьями!

Клянемся отомстить фашистам за смерть пятидесяти шести тысяч наших товарищей!

Над площадью взлетает лес поднятых и гневно сжатых

кулаков, гремит многотысячное, повторяется на разных языках грозное:

— Клянемся!!!

По распоряжению американского командования в Бухенвальд согнали всех немцев — жителей Веймара и ближайших селений, чтобы они воочию убедились в злодеяниях, которые совершили их соотечественники, палачи в эсэсовских мудирах. Многие немцы, потрясенные ужасами, падали в обморок.

В бывшем эсэсовском городке, в казармах и офицерских общежитиях, размещали истощенных людей, которых собирали по всему концлагерю и осторожно, на руках, доставляли в походный госпиталь.

На второй день после прихода американских войск русские бригады стали готовиться в поход, навстречу родной Советской Армии.

Американский полковник попытался было задержать советских военнопленных в концлагере «до особого распоряжения».

— Господи полковник, война еще не окончена, — заявил ему подполковник Смирнов. — И мы не советуем вам препятствовать недавним узникам, самостоятельно завоевавшим свободу. Они оружие не сдадут.

Полковник молча пожал плечами. По решительным лицам советских командиров он понял: таких людей ничем не остановишь.

После торжественного обеда, сохраняя боевое построение и выслав вперед сторожевые отряды, две тысячи советских бойцов — основная ударная часть бухенвальдской армии — двинулись на восток.

Отряд за отрядом, сохраняя равнение, уходили недавние узники через главные ворота лагеря, на которых по-прежнему висели железные буквы: «Эдэм дас зайне» — «Каждому свое».

Сергей Котов командовал.

— Запевай, ребята!

И грянула песня, которая столько лет хранилась в душе, которую пели только шепотом, которая была верной спутницей трудной и неравной борьбы.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война...

Советских людей провожал весь Бухенвальд.

Андрей Бурзенко, радостный и счастливый, шел в первых рядах колонны. Курт подбежал и крепко обиял его:

— Друг Андре! Обязательно приезжай. Жду в гости! Помни наш уговор...

— Спасибо, Курт! До встречи!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	25
Глава четвертая	36
Глава пятая	45
Глава шестая	50
Глава седьмая	55
Глава восьмая	59
Глава девятая	64
Глава десятая	71
Глава одиннадцатая	77
Глава двенадцатая	83
Глава тринадцатая	94
Глава четырнадцатая	102
Глава пятнадцатая	107
Глава шестнадцатая	112
Глава семнадцатая	118
Глава восемнадцатая	123
Глава девятнадцатая	126

Часть вторая

Глава двадцатая	139
Глава двадцать первая	155
Глава двадцать вторая	162
Глава двадцать третья	168
Глава двадцать четвертая	176
Глава двадцать пятая	180
Глава двадцать шестая	187
Глава двадцать седьмая	193

Глава двадцать восьмая	198
Глава двадцать девятая	205
Глава тридцатая	216
Глава тридцать первая	221
Глава тридцать вторая	227
Глава тридцать третья	232
Глава тридцать четвертая	240
Глава тридцать пятая	244
Глава тридцать шестая	251
Глава тридцать седьмая	260
Глава тридцать восьмая	266
Глава тридцать девятая	271
Глава сороковая	275

Георгий Иванович Свиридов

Ринг за колючей проволокой

(герон Бухенвальда)

Редактор С. В. Ревзин
Художественный редактор А. Е. Золотарева
Оформление художника Л. В. Гушина
Технический редактор М. П. Манина
Корректор Л. В. Чернова

Изд. № 2141. Подписано к печати 20/IV 1961 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Объем 4,5 бум. л., 9,0 физ.
печ. л., 14,76 усл. печ. л., 14,8 уч.-изд. л.,
Тираж 100 000 экз. Зак. 450. Цена 55 коп.

Издательство «Физкультура и спорт».
Москва, М. Гнездинковский пер., 3.
Полиграфический комбинат Ярославского совнархоза.
Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 55 коп.

"Физкультура и спорт"

1961